

10.335

1974

საინტერესოებს

ტრეზორი

58 10335

3

1974

0.335
1974

Литературная Грузия

*Ежемесячный
литературно-художественный
и
общественно-политический
журнал*

100-115

Орган Союза писателей Грузии

3

МАРТ

19 Издательство ЦК КП Грузии 74

«ლიტერატურული გრუზია»

(რუსულ ენაზე)

უძველესი ლიტერატურულ-მხატვრული
და საზოგადოებრივ-პოლიტიკური ჟურნალი

წელიწადი მე-18

№ 3

მარტი, 1974 წ.

საქართველოს საბჭოთა მწერლების კავშირის ორგანო

Главный редактор

Георгий ЦИЦИШВИЛИ

Редакционная

коллегия:

Григол АБАШИДЗЕ,

Тенгиз БУАЧИДЗЕ,

Марк ЗЛАТКИН,

Лавросий КАЛАНДАДЗЕ,

Серго КЛДИАШВИЛИ,

Георгий МАРГВЕЛАШВИლი,

Владимир МАЧАВАРИАНИ,

Михаил МРЕВЛИШВИლი,

Гурам ХАРАИДЗЕ

(заместитель главного
редактора),

Владимир ХОМУТОВ

(ответственный секретарь),

Георгий ХУЦИШВИლი,

Эммануил ФЕЙГИН,

Алеко ШЕНГЕЛИА.

Год издания

18-й

**АДРЕС
РЕДАКЦИИ:**

ТБИЛИСИ, 38008, УЛ. ЛЕНИНА, 5

Приемная — 99-06-59

Главный редактор — 93-65-15

Заместитель главного редактора
93-13-57

Ответственный секретарь — 93-31-28

ОТДЕЛЫ:

Отдел прозы и очерка
(редактор КОРИНТЭЛИ К. Н.) —
93-31-43

Отдел поэзии и искусства
(редактор ЗИНИНА В. Б.) —
93-31-43

Отдел критики и публицистики
(редактор ДОБРОДЕЕВА Л. Т.) —
93-65-19

Рукописи объемом менее авторского листа не возвращаются.

Технический редактор Макалатия Г. Н.

Корректор Двораковская Н. Д.

© «Литературная Грузия». 1974 г.

Содержание:

ПОЭЗИЯ

КОЛАУ НАДИРАДЗЕ. Старый дуб. Моим друзьям. Наш добрый дом. «Когда-то в детстве...» Перевод Ирины Снеговой. Одна эта мысль.. Пере- вод Валерия Краснопольского	5
НОДАР ГУРЕШИДЗЕ. Комсомольцы. Перевод В. Ле- нидова	6
АЛИ ИСАЕВ-АВАРСКИЙ. Расулу Гамзатову. Перевод с аварского Валерия Краско	7

ПРОЗА

ЛАДО МРЕЛАШВИЛИ. Кабахи. Роман. Окончание. Авторизованный перевод Элисбара Ана- ниашвили	8
ГУРАМ ХАРАИДЗЕ. С поднятым забралом. Повесть. Перевод Камиллы Коринтэли	34

ОЧЕРК

ИЛЬЯ ДУБИНСКИЙ-МУХАДЗЕ. Жизнь, отданная ре- волюции	59
---	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ГЕОРГИЙ ДЖИБЛАДЗЕ. Философия и романтика ис- тории	65
ВАСО БАИАДЗЕ. Приобщая к познанию	73

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

ГАМИД ВЕЛИЕВ. Поборники дружбы и братства . . . 76

ПУБЛИЦИСТИКА

СЕВЕРЬЯН МОСИДЗЕ. На службе литературе и искус-
ству 79

ИСКУССТВО

ВАЖА ДЗИГУА. Магическая сила таланта 85

ВСТРЕЧИ И ВОСПОМИНАНИЯ

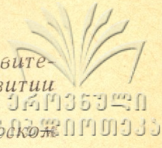
РОДИОН КОРКИЯ. Вересаев в Грузии 88

В МИРЕ КНИГ

АНАИДА БЕСТАВАШВИЛИ. «Праздник сердца» 94

Известный грузинский поэт Колау Надирадзе — один из представителей группы «Голубые роги», сыгравшей значительную роль в развитии грузинской советской поэтической культуры.

Предлагаемые читателям стихи написаны в разные годы и на русском языке публикуются впервые.

Колау НАДИРАДЗЕ

Старый дуб

Шел день за днем. Лес на события
скуп.
Но вдруг среди вздохов веток и травы
Скоропостижно умер старый дуб,
И смолк внезапно шум его листья.

Жгло землю лето. А в лесу была
Зеленая прохлада, шелест, звон.
В полосках солнца лиловела мгла,
И ветра гул летел со всех сторон.

И только птицы, странно сторонясь,
Не торопились к дубу белым днем,
Да жухла листьев золотая вязь
И вниз стекала медленным дождем.

А лес всё расцветал и зеленел,
От старца до сквозного деревца,
И песню солнца, песню утра пел,
Ту песню пел, которой нет конца.

1933

Моим друзьям

Как мне сегодня нужно вас
Услышать, увидеть, обнять!
Чтоб сердца хмель и радость глаз,
Чтоб милых братьев смех опять...

Чем я владею в мире сем?
Вы — достояние мое.
И сердце — сто рубцов на нем —
Стучит, живет, твердит свое.

Уходят дни, но, как дитя,
От малой боли плачу я,
И, как дитя, шая, шутя,
Жизнь безоглядно трачу я.

О, коль судьба судила б мне
И ратных дел познать угар,
В любом бою, в любом огне
Любой бы принял я удар.

Паоло Яшвили, Валериану Гаприндашвили, Тициану Табидзе, Георгию Леонидзе

И стойко б встретил смертный срок,
И грех роптать — что ж, бой есть бой!

Я б знал, что сделал все, что мог,
Что высший долг исполнил свой.

Давно из сердца вон ушло
Так многое, ушло навек.
И детства белое крыло
Летит, чужих касаясь век.

И только та любовь, что мне
Дарите вы, еще — моя;
Верна, горит, как свет в окне,
Ей сам до смерти верен я.

1944

Наш добрый дом

Вот я снова с тобой, не печалься же,
мама моя.
Вот и домик наш старый, и ветхая
лестница снова,
Тот же скрип, тех же стертых ступенек
края...
Только что ж ты молчишь? Ты меня
приняла за другого?

Ничего! Не печалься! Конечно, меня
не узнать...
Но глаза мои, видишь, влажны — это
нежности влага.
И легко мне упасть пред тобой на
колени опять.
Все легко близ тебя. Та же легкость
во мне и отвага.

Я приду. Не спеши. Дай мне срок. Я
у входа стою.
Я сойду в этот сад, чтоб на старый
наш дом наглядеться,

На забытую в нем синеглазую
юность мою,
На живущее там, близ тебя, мое
тихое детство.

1953

* * *

Когда-то, в детстве, на коленях, на
ночь
Я повторял за матерью моей:
«Всевышний, дай мне мирный сон
сегодня
И мирный день наавтра. Много
дней...»

Я позабыл те давние молитвы,
Не знаю ни начала, ни конца,
И лишь — «Пошли мне мирный сон
сегодня» —
Еще прошу в глухой ночи творца.

1920

Перевод Ирины СНЕГОВОЙ

Одна эта мысль...

Мне мысль одна покоя не дает...
Как тень моя она идет за мною
И в ночь глядит задумчивой луною...

— О, если все, что сделано, не в
счет?!

И жизнь моя лишь суетой осталась...
И нищий, что на улице умрет,
Мне вдруг подаст свою немую
жалость.

Мое сомнение... Ему наперечет
Известно все, что в жизни мне
досталось...

Моя река в горах уж не течет,
Но грех корить ее мне за усталость...

Да, в Древнем Риме вешали рабов,
Когда они свою теряли силу.
Потом бросали своре диких псов.
— И кровь живых от этого не стыла...

Мой век не тот... И был я в жизни
тверд-
Глава моя пред бурей не
склонялась...

Любил народ и буду вечно горд,
Что жизнь моя ему лишь
посвящалась!..

1968

Перевод Валерия КРАСНОПОЛЬСКОГО

Нодар ГУРЕШИДЗЕ

Комсомолуцы

Вы оставляли отчий кров,
Закону следуя простому...
Опять выиграла предков кровь,
Готовая помочь другому...
Лишь тех, кто счастлив был в труде,
Мечта уносит в поднебесье,
А козь случится быть беде —
Они ее встречают песней...
И комсомол доверил им

Пройти по солнечной орбите,
Чтоб покорила молодых
Эпоха будущих открытий...
И мы равняемся на вас,
Первопроходцы комсомола.
Вы шли по жизни в трудный час,
Борьба и труд — вот ваша школа.
Нет, не закатится звезда
Людей орлиного полета.

Вас не забудут никогда,
 Вы эра нового отсчета...
 Мы клятвой связаны одной —
 Борьбой великою за братство...
 И слышат клич ваш боевой
 На Волге и на стройках Братска!
 Вам улыбается рассвет,
 И солнце славою в зените.
 И мы идем за вами вслед
 По вашей солнечной орбите...
 Цветут сады, хлеба растут,

Плотины реки преградили —
 Все это дело ваших рук,
 Что в голод Родину растили...
 И мы вступаем в свой черед
 В борьбу за ваши идеалы!
 Пусть мир увидит, как взойдет
 Свет над Энгурри солнцем алым...
 Горит волна, но не Луна
 Ее среди ночи освещает...
 Поет Энгурри, и она
 Вас, комсомольцы, воспевает!

Перевод В. ЛЕОНИДОВА

Али ИСАЕВ-АВАРСКИЙ

Расулу Гамзатову

Только горный орел достигает такой
 вышины,
 Его крыльями щедро природа тебя
 одарила.

Друг и брат мой, Расул,
 Над снегами огромной страны
 Твои песни летят, покоряя сердца
 и умы —
 Перед ними бессильна летейского
 мрака могила.

Так прими мой салам, возвещающий
 братство и свет,
 Кровный брат и кулак для любого
 грузина!

Недоверья, вражды
 канул в прошлое траурный след,
 И гордится Кавказ вдохновеньем
 аварского сына.

Мой сыночек Шамиль,
 чью судьбу, как былинный орел,
 Ты крылом осенил, на полет его
 благословляя.

Вот и нынче стихи твои
 мне по-грузински прочел,
 Бесконечную радость и сладость отцу
 доставляя —

Будто снова взошел я на пик
 дагестанских высот...

Сыну старца-Гамзата,
 чьи строки в ночи освещают
 Зоревую тропу и зовут за собою в
 полет, —
 Я тебе, мой Расул, эти строки любви
 посвящаю.

Ерунда — «пятьдесят»!
 Что они для творца — «пятьдесят»!
 Вроде много, а если подумать —
 всего лишь мгновенье

Быстротечной весны,
 Промелькнувший в ночи звездопад,
 Но родивший в душе гордость,
 мужество и вдохновенье.

«Кто достиг полувека, — мудрейший
 Гамзат говорил, —
 Мужем стал и созрел, как вино
 дорогое»
 Не желаю тебе, мой Расул, тишины
 и покоя,
 А желаю тебе вдохновенья неистовых
 крыл —
 Я, леки, твой земляк.

Перевод с аварского Валерия КРАСКО

КАБАХИ

Р о м а н

Секретарь райкома исподлобья, быстрым взглядом окинул сидевших во-круг стола. И вдруг ему стало жаль самого себя — одинокого и всеми покинутого. То, чего он боялся на протяжении последних немногих лет, сегодня началось. Никогда не завидовал он так остро всем тем, кто имел сильную заручку могущественных покровителей. Он всегда старался доказать делом, что заслуживает того высокого почета, которого удостоился как руководитель большого и важного района. Но отсутствие гибкости — общее, наследственное свойство большинства людей той части страны, где он родился, — помешало ему приобрести активных доброжелателей среди более высокопоставленных людей. Софромич? Луарсаб так до сих пор и не может понять, почему тот неизменно жалуется этого выроodka, у которого в голове одни только женщины да шикар-ная одежда. Как будто бы — не брат, не сват, не родственник. Луарсаб исполнил начальственную просьбу касательно Вардена, просьбу, похожую скорее на приказание — но разве можно полагаться на его признательность? Да, Луарсаб должен в полном одиночестве бороться за свое место под солнцем, место, на которое зарится множество других и из-за которого точат на него зубы сотни, тысячи людей. Таков закон жизни, уйти от которого не может ни один смертный. Он превосходил противников также и опытом — а позиционное от-ступление ни в какой мере не являлось бы поражением.

— И ты такого же мнения, Серго?

Полное добродушное лицо второго секретаря осветилось улыбкой.

— Да, Луарсаб, и я такого же мнения.

Секретарь райкома сразу отметил, как изменилось положение дел. Если он для второго секретаря уже не Соломоныч, а просто Луарсаб... Теперь уже все стало ясно. Сильная рука Теймураза, хотя сам он находился далеко отсюда, в Ширване, явственно чувствовалась.

И вдруг Луарсаб почувствовал страх — такой же, как в первый свой день на фронте. Когда при громе артиллерийской канонады трясло бревенчатое пе-рекрытые землянки и с потолка сыпалась за ворот земля, волосы на всем теле вставали дыбом...

Новый председатель райисполкома, переведенный сюда недавно из Лаго-дехи, спокойно, с виду безучастно, протирал стекла своих очков.

Луарсаб посмотрел на его слегка горбатый нос с вмятинами у переносицы от дужки очков и едва сдержал насмешливую улыбку.

— Мне кажется, это в первую очередь должно интересовать тебя, Алек-сандр.

— Я здесь, в Телави, человек новый, товарищ Луарсаб, и еще даже не успел основательно ознакомиться с районом, — председатель райисполкома надел очки; из-за поблескивающих стекол смотрели на секретаря райкома серьезные, умные светлые глаза. — Но, насколько я мог заключить после изучения имеющихся документов, Джашиашвили ни в чем не виноват. Если бы вы не были введены тогда в заблуждение ложными показаниями по этому делу, сегодня вопрос — надо или не надо вернуть Джашиашвили — не стоял бы на повестке дня. Но раз уж так вышло, поскольку наша партийная совесть и коммунистическая этика требуют справедливости, которая всегда в конечном счете торжествует, мы обязаны вытащить из архивной пыли также и забытое дело Гошадзе, расследовать его сызнова и вернуть на свое место человека, подвергшегося незаконному наказанию. А племянника Гаганашвили, который сейчас работает директором рынка, перевести на его прежнюю работу.

Секретарь райкома медленно обвел глазами всех собравшихся.

Серго по-прежнему улыбался своей доброй улыбкой.

Даже Медико, всегда почтительная и застенчивая, на этот раз не опускала перед ним упрямого взгляда.

— Интересно, что скажет Варден?

Но заведующий сектором учета не решился скрестить взгляды с секретарем райкома. Варден рассердился в душе на самого себя: дни шли за днями, месяцы за месяцами — а сила и твердость взгляда у него оставались по-прежнему на уровне инструкторских.

— Я, Соломонч, оказался сейчас здесь совершенно случайно. Что же касается этих двух людей, то, как вы еще тогда правильно изволили заметить, вместе им работать по-прежнему невозможно.

«Хоть ты и дубина, а достаточно хитер, щенок! — подумал Луарсаб Соломонч.

— Вы тогда решили совершенно правильно, — сказал председатель райисполкома. — Только с одной поправкой: ушел из района не тот, кому следовало уйти. Не знаю, чем это было обусловлено, что заставило вас принять такое решение, но исправить ошибку нетрудно. Тем более что у Гаганашвили был подобный случай уже в Лагодехи, и мне совершенно непонятно, как его, освобожденного от работы по такой причине, сразу перевели сюда, в этот огромный и важный район.

«Теймураз! Теймураз! Теймураз!»

Луарсаб внезапно вздрогнул: обитая клеенкой дверь кабинета отворилась, и в ней показался Теймураз.

Он оглядел всех и спросил:

— Можно?

«Как в сказке — стоит помянуть злого духа, и он тут как тут!»

Все присутствующие были явно изумлены.

— Пожалуйста.

— А мы думали, вы сейчас далеко, в Ширване.

— А я и приехал-то совсем недавно. Только и успел, что подкрепиться с дороги да переодеться.

Выражение лица Теймураза было веселое, хромота его, чуть заметная, почти не портила походки.

— Овец устроил, все в порядке? — спросил Серго. Полное лицо его сияло от удовольствия.

— Ну-ка, расскажи, как вы путешествовали, легко ли добрались до места, как устроили овец? А наши овчары... что там у них хорошо, что плохо? — спросил в свою очередь секретарь райкома и еще раз быстрым, полным напряженного ожидания взглядом окинул вошедшего.

Теймураз поздоровался со всеми, перекинулся с каждым двумя-тремя словами и сел.

— Путь был нелегкий, и даже очень, но в общем путешествие можно считать благополучным. Пришлось только устроить таску шалаурцам, да за одно и чалиспирам.

— Это за что же?

— На трассе, за Пойло, у них нашлись кунаки, которым они отдавали самых лучших овец в обмен на дряных — разумеется, с приплатой. Я обнаружил эти их шалости, и покричали у меня «бурда-валла» и те и другие!..

— Воротятся — мы тут с ними поговорим. Какова трасса?

— Ничего, в порядке. Около Алибада перепахано несколько гектаров, но это пустыки.

— Пастухи всем на зиму обеспечены?

— Я постарался запастись всем необходимым. А если будет в чем нужда — Алибайрамлы постоянный представитель нашего министерства сельского хозяй-

лиции, почему не допустить возможность сговора между автоинспектором и Джашиашвили?

— В это вы и сами не верите, уважаемый Луарсаб.

— Что ты там несешь, рехнулся, что ли? — лицо секретаря райкома Завозова
локлось тучей, в глазах сверкнула молния.

— Нервничать нет никакой причины, уважаемый Луарсаб. Истина, как известно, рождается в спорах, в обсуждении. Этого вы не можете отрицать. Что касается того, рехнулся я или нет... Я присутствовал в тот день на бюро и прекрасно помню: вы ничем, даже выражением лица не выдали, что, по вашему мнению, Гошадзе — человек не порядочный, и автоинспектор пытается ввести бюро в заблуждение.

— Почему же ты тогда не проронил ни слова? Почему сидел тут и молчал как пень? Разве мы рассматривали не эту же самую историю? Что же ты в тот раз язык проглотил? Испугался всеильного союза Гаганашвили или его самого так начальника милиции?

— Вы забыли, что я сказал вам после бюро?

— Я тебя спрашиваю о том, что было на бюро, а не после. Почему ты молчал на бюро? — вспыхнул секретарь.

— Разве я не объяснил вам после бюро причину?

— Но на бюро! На бюро! На бюро! Почему ты онемел на бюро?

— Ну, раз вы забыли, я не поленюсь напомнить. Я не высказался потому, что не считал это собрание правомочным заседанием бюро.

— По какой причине, изволь объяснить?

— Я сказал тогда и повторю сейчас: это было нечто среднее между заседанием бюро и совещанием передовиков района.

— Заседание бюро было проведено с соблюдением всех правил. Что изменилось бы, если бы на нем не присутствовали передовики?

— Очень многое! Нам не пришлось бы сейчас возвращаться к тогдашним вопросам, не было бы ничего сомнительного и спорного. Мы не подорвали бы в честных людях веру в справедливость и не заставили бы их в глубине души дурно думать о райкоме.

— Если ты принимаешь так близко к сердцу и людей, и райком, почему, спрашиваю, ты в тот раз ничего не сказал?

— Потому, что в результате получилось бы точно то же, что происходит вот сейчас.

— Но, если ты понимал, что это все равно неизбежно, разве не уместнее было бы высказать тогда же твое мнение и отношение к делу?

— Нет, не было бы уместней.

— Почему?

— Все по той же причине, о которой я вам говорил тогда.

— А именно?

— Да то, что бюро — это бюро, и на заседаниях его должны присутствовать только члены бюро. Я знаю вас и знаю себя: вы не отказались бы от своей позиции, я не поступил бы своим мнением.

Луарсаб долго сидел, опустив голову, в задумчивости. Карандаш в его руке постукивал о стекло то оточенным, то тупым концом. Тонкие губы чуть кривились под седеющими усами. Наконец он, покачав головой, взглянул исподлобья на Теймураза.

— И сейчас ты хочешь, неожиданно изменив все течение этого давно решенного дела, одним ударом низвергнуть авторитет самого секретаря райкома?

Теймураз горько улыбнулся.

— Уважаемый Луарсаб...

— И показать воочию всем, кто присутствовал здесь и слышал тогдашнее постановление, что райком, как рыночные весы, склоняется то в одну сторону, то в другую?

— Уважаемый Луарсаб...

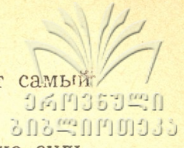
— И вообще, объяснить и доказать всему свету, что секретарь райкома — беспринципный человек, говорящий сегодня обратное тому, что говорил вчера, в зависимости от настроения.

В тусклых глазах секретаря райкома уже мелькала молния. Теймураз не опускал стального взгляда и с сожалением качал головой.

Председатель райисполкома еще раз протер очки и опять надел их. Его густые, длинные брови сдвинулись над переносицей. На лице выразилось крайнее неудовольствие.

— Товарищ Луарсаб, я хотел бы прервать ваш спор и очень прошу, прежде чем вы продолжите обсуждение ваших несогласий, выслушать то, что я вам собираюсь сказать.

— Пусть сначала он даст мне ответ!

— Ответ дам я.
 — Нет, пусть ответит он сам.
 — Товарищ Луарсаб, я вижу, что Теймураз был тогда прав, в тот самый день...
 — Как так — прав?!
 — А так, что мы, люди, поставленные на такой высоте и вершащие судьбы тех, кто нас избрал и доверил нам эти высшие посты...
 — Короче, пожалуйста, к чему эти высокопарные речи!
 — Ладно, я буду краток, — председатель райисполкома нахмурился еще больше. — Мы не вправе приносить в жертву личному, так называемому «авторитету» дело, затрагивающее людей, чьи взгляды устремлены на нас, людей, которые считают нас примером для себя и полностью полагаются на нашу высокую этику, на непреложную справедливость наших суждений. Секретарь райкома — это не простая абстракция, в глазах народа значение его огромно. И в то же время, личность, находящаяся на должности секретаря райкома, это — человек такой же, как другие люди.

— Тут вся твоя философия?
 — Я прошу вас выслушать меня, товарищ Луарсаб. Это не частный вопрос, касающийся, скажем, вашей или моей семьи.
 При упоминании о семье Луарсаб невольно с досадой сжал губы и поморщился.

— Что ж, говорите, пожалуйста. Интересно, откуда у вас берутся такие перлы? — Он перевел недобрый взгляд с Серго на Вардена. Потом посмотрел на сидящего с невозмутимым видом Теймураза: «Когда-то я, наконец, вытащу из глаза эту занозу?».

Председатель райисполкома говорил уже горячась и все больше распался. Лишь вечером, когда Луарсаб вернулся домой и заперся в своей комнате, он дал волю накопившейся за день кипучей злости. Схватив телефонную трубку, он набрал номер.

— Хорошо, что я застал тебя дома, Вано. Ты уже знаешь? Каким образом, ст кого? Я только что оттуда вернулся... А, к черту Вардена, чтоб он провалился! Сейчас же садись в машину и поезжай в Тбилиси. Я больше уже ничего не могу... К черту, говорю, все это! Поезжай в Тбилиси. Хотя признаться, сомневаюсь, чтобы теперь даже и там можно было как-нибудь уладить дело. Словом, поезжай сию же минуту. Потом все подробно расскажу. Никого не могу назвать, да тут и не один человек орудует, — и он с яростью швырнул трубку.

***

Шавлего положил перо и встал. С минуту он стоя тер утомленные глаза. Потом прошел через комнату, отворил дверь и вышел наружу.

Дедушка Годердзи спал.
 В глубокий сон была погружена и вся деревня.
 В тусклом свете, вырвавшемся из приоткрытой двери, смутно виднелись темные очертания деревьев.

Шавлего спустился по лестнице во двор. Трава была мокра, вода хлюпала у него под ногами. Приятно освежала лоб ночная прохлада после дождя.

Он пошел к калитке. Чуть похрустывал на тропинке недавно насыпанный гравий.

Шавлего расстегнул ворот рубахи и повернул от калитки назад. Он чувствовал тяжесть в голове; каждая клетка наэлектризованного разнообразными представлениями мозга, казалось, бушевала. Из туманного хаоса постепенно выступали культовые сцены хеттского мира, высеченные на скале. А вот искусно вычеканенные на триалетской серебряной чаше стройные пляшущие фигуры... Вокруг увенчанного венком из виноградных листьев Диониса скачут веселье фавны. Обступив убитого зверя, извиваются в ликовании полуголые язычники... Разнообразные, часто противоположные гипотезы и концепции сталкивались в голове Шавлего — и из них постепенно выкристаллизовывались четкие, ясные мысли.

Глаза уже привыкли к темноте, и очертания окружающих предметов стали вырисовываться яснее. Небо, загроможденное темными тучами, тяжело нависало и как бы насаживалось на столбы ворот и колья забора.

Чуть хрустел под ногами гравий садовой тропинки.
 Греки...
 Гьеки...
 Гьеки...

«Бесконечно многим обязано человечество гению этого народа! Без сомнения, правы те, кто сближает грузинское слово «брдзени» (мудрый) с названием

«бердзени», обозначающим по-грузински элина! Миф об аргонавтах древнее, но возникновение этого слова относится, несомненно, к эпохе, в которую греческая культура столкнулась с грузинским миром на берегах Понта и Галсиса. Сколько исследователей истощило свое воображение, сколько пролито чернил — и все равно пока еще окутана мраком ранняя история тех племен, владения которых занимали весь север Малой Азии, начиная от Фракии и вплоть до Гиркании, Аракса и Кавказа...

Когда Митридат Евпатор, названный великим, создал, опираясь на картвельские племена, свою огромную Понтийскую империю, наводившую часто страх даже на Рим, в его армиях имелись представители народов чуть ли не всего Ближнего Востока. Плутарх утверждает, что самыми доблестными воинами этих армий считались иберы... Неужели иберы тех времен не обладали ничем, кроме храбрости? Нет, эти иберы и Иберия доведут меня до безумия... Исчезли, были сметены с лица земли огромные империи, многочисленные народы, а иберы сохранили крепость своего кованого железа и свою самобытность...»

Холод стал сначала щипать ноги, потом заполз за ворот рубахи. Ненастная ночь поздней осени дышала сыростью. Шавлего закинул голову, подождал — ни одна капля не упала ему на лицо.

«Больше дождя, надеюсь, не будет. Завтра хорошенько возьмемся за наш ручей и уж закончим, наконец, работу. Здорово побаловала нас погода. А дело все же порядком затянулось. Да и неудивительно — работаем первобытным способом».

Шавлего поднялся на балкон, прошел к себе в комнату, снял обувь и лег навзничь на постель.

«Реваз... Какой надеждой был для меня этот парень! Мог ли я думать, что он так легко, сразу сломится? Нет, невозможно простить Ревазу, что он так от всего отстранился и замкнулся в своей скорлупе... Сабедра — женщина, испытывавшая в жизни много бед, ее подкосило горе, несчастье единственного сына...

А на что стал похож сам этот бедняга Солико! Это же только призрак, тень того человека, каким он был когда-то. Уже с месяц назад он вернулся домой, и до сих пор ни одна душа в селе, кроме его матери, ничего не знала. Что-то мужественное в нем все-таки сохранилось — для себя-то ведь ничего у Нико не взял, даже малости не присвоил: машину разнес вдребезги, вином полил хозяйский двор, корову оставил в добычу вороны. Как рассказывал, что наткнулся на нее во время охоты, в ущелье, что против крепости. Солико, бедняга, и сам чуть не пропал, едва не сложил голову. В первый раз он отморозил ноги на Калыме, в тундре. А теперь, когда похитил корову, увел ее по реке, шагая прямо по воде, вброд, чтобы не оставлять следов. И холодная вода заставила его вспомнить, что ноги-то отморожены... Тетушка Сабедра удачно придумала — пройти за помощью ко мне. Сейчас все в деревне убеждены — доктор к старухе ходит, лечит ее. Впрочем, от любопытства соседей вряд ли что скроется, сомневаюсь, чтобы можно было долго таить шило в мешке... Доктор, бедный доктор!.. Какой же он, оказывается, несчастный, обездоленный человек... И, несмотря на свое несчастье, только и делает, что старается облегчить другим тяготы жизни. И у него тоже есть свой идеал, своя высокая цель».

Шавлего встал с постели, погасил свет.

«Завтра я должен рано встать».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Все болото было изрезано узкими, мелкими канавами. Место, где из земли била вода, заметно понизилось и напоминало издали кратер вулкана. К этому кратеру сбегались все каналы — подобно тому, как в большом городе улицы сходятся на центральной площади. Вода, просачивавшаяся в почву из этой впадины в течение десятков лет, сейчас возвратилась к своему истоку, чтобы отсюда, по глубокому главному каналу, стекать в Алазани. Земля вокруг местами уже подсыхала. Жирная, черная, омытая дождевыми водами почва проглядывала пятнами среди камышовых зарослей.

«Если зима будет сухой и теплой, я подпалю камыш, и в январе же перепашем все болото. Потом, на пороге весны, запашем во второй раз. Здесь уродится столько арбузов и дынь, что дохода с них хватит на несколько деревень. Это ведь огромная полезная площадь! А огурцы, помидоры — только успевай собирать! Одни огородные культуры поставят колхоз на ноги... В первую очередь надо построить ясли, освободится много женщин, и людей на работах прибавится. Можно объединить ясли с детским садом. Это еще удобнее. Потом — клуб и библиотека с читальней. А за ними последуют, наконец, спортивные площадки. Ребята надеются, нельзя их вечно обманывать. Они заслужили. Это все

их руками сделано. Почему-то я верю, что сейчас они сами гордятся делами своих рук. Понимают, что совершили. И колхозники радуются. На правлении никто ни слова не сказал против, когда им роздали бесплатно резиновые сапоги и выписали за каждый день работы по два трудодня».

Шавлего перешел через главный канал по перекинутому через него бревну и пошел дальше вдоль осушенного болота.

«Очень большую помощь нам оказал Закро. Работал каждый день, и работал за троих! Надо это соответственно отметить. Ребят мы не распустим. Прибавить еще десяток человек, и получится бригада. Закро назначим бригадиром. Эрман уже получил под свое начало бригаду. Больше о молодежной бригаде он и не заикается — по-видимому, честолюбие его удовлетворено, звание бригадира он уже носит и пока что управляется со своей бригадой не хуже Реваза. А Иосиф Вардуашвили обижен. И его можно понять. По справедливости, бригадиром должен был стать он, но посчитались с Медико, уважение к ней перевесило все. А она возлагает большие надежды на своего комсомольского секретаря. Хороший, крепкий мужик этот Иосиф. И жена ему под стать».

Вдали, в противоположном конце бывшего болота, пылал большой костер. Сквозь клубы дыма проглядывали яркие языки пламени. Громкий, веселый смех, перекатившись через старое русло и камышовые заросли, доносился до Шавлего, шагавшего по краю болота.

Веселятся ребята. Должно быть, приехал Купрача или Шакрия-Надувной рассказывает о своих проделках. Ох, этот Надувной! Вот еще кто заслуживает всяческой похвалы! Да и другие ребята от него не отставали. Нет, надо еще что-нибудь придумать, раззадорить их, подстегнуть — пусть почувствуют, что всякий труд вознаграждается по заслугам.

Вокруг старого русла блестели еще непросохшие лужи. От лужи к луже перетекала маленькими ручейками сочившаяся из осушительных канав вода. Старое русло пролегалo почти целиком посередине болота.

Шавлего пошел по заросшему травой высокому скалистому берегу Алазани. Река, вздувшаяся после дождей, текла мутным потоком; она затопила большую часть каменистого русла. С глухим, низким, басовитым гудением катилась она по широкому своему ложу.

Под большим дубом балагурили и хохотали Надувной с ребятами. Они сидели или полулежали на корягах, на валунах, на растеленных пальто и время от времени, заходясь смехом, хлопали себя по бокам и коленям.

Чуть поодаль Купрача потрошил тушу, подвешенную к ветви боярышника.

— Как поживаешь, Симон? — приветствовал его Шавлего.

— Как царь Иракий после битвы под Аспиндзой.

— Дядя Нико не придет?

— Дядя Нико на седьмом небе от радости. Как это он не придет?!

— На шашлыкi мясo есть?

— Вон, целая говьяжья нога.

— Не знаю, как я сумею тебя отблагодарить...

— Ты из-за этого не печалься. Опять с них же сдери, будь спокоен. Ты же знаешь — черт своему дому никогда убытка не причинит.

Шавлего вернулся к костру.

— Ступайте, ребята, подсобите Симону. Где у вас лопата — не взяли с собой? В главном канале осыпалась стенка, и канал запрудило.

— Знаем. Закро пошел туда и лопату с собой захватил.

— Почему же я его по дороге не встретил?

— Он пошел по старому руслу. Наверно, в камышах вы разминулись.

— Так вот, подсобите Симону, ребята. Надо почистить лук, картошку, нарезать прутьев на шампуры для шашлыков. Ты, Джимшер, принес красного перца для каурмы?

— Принес. Вон там, в хурджине.

— Так я пойду помогу Закро. Замучится один — земли там осыпалось немало.

На берегу главного канала Закро, подняв до бедер голенища резиновых охотничьих сапог и стоя по колено в воде, расчищал проток для запруженного ручья. Он зачерпывал щебнистую землю лопатой и, вместо того чтобы скинуть этот груз в воду тут же, рядом, отбрасывал его сильным взмахом лопаты как можно дальше. Быстрый поток мгновенно подхватывал сброшенную землю и сносил ее в Алазани. Закро работал истопленно. В ответ на приветствие он едва поднял голову, бросил снизу вверх, словно нехотя, ответное «гамарджвеба!» и, нагнув шею, как вол в ярме, налег с удвоенной силой на лопату.

«Что с ним такое? — изумленно глядя на него, думал Шавлего. — Случилось что-то... Как видно нехорошее. Почему ребята мне ничего не сказали? Что же его рассердило? И при чем тут я? Кажется, он нарочно убрался подальше

от веселья, от смеха и отводит душу в работе, вымещает свой гнев на этой злополучной осыпи».

Ни разу еще не видел Шавлего этого богатыря рассерженным. Густые, кустистые брови, сдвинутые над переносицей, образовали одну сплошную полоску. Опустив мрачное как туча лицо, Закро не отрывал глаз от лопаты. Рукоять ее стонала и гнулась в могучих руках, отсекая глыбу за глыбой от сырой, клейкой глинистой почвы. Некоторое время Шавлего молча смотрел, как яростно трудится силач, потом скинул пиджак и крикнул ему:

— Вылезай оттуда, Закро, теперь я поработаю.

Закро ответил не сразу: сперва до самой рукояти всадил лопату в оползшую стену канала, с силой вывернул и отвалил огромную глыбу и только потом глухо бросил, обращаясь словно к этой самой глыбе:

— Сам управлюсь.

Шавлего еще долго стоял озадаченный и глядел, как вода размывает осыпь, помогая в работе человеку с лопатой.

Вдруг кто-то, прижавшись сади, закрыл ему рукой глаза.

— Откуда ты здесь взялась, Русудан?

— Думаешь, раз не приглашали, так я вас и не найду?

— Тут такая грязь... — Шавлего бросил взгляд на ее высокие сапожки.

— Я тебя издали заметила. Оставила Флору в двуколке, на краю болота, и тихонько подкралась.

— Вовремя приехала. Ребята будут рады. И Флора, значит, с тобой?

— Да, она здесь. Непременно захотела приехать. Почему ты снял пиджак. Думаешь, все еще сентябрь? Уже довольно холодно.

Русудан сама надела на Шавлего пиджак, потом попыталась застегнуть ему рубашку, распахнутую на груди, — но ворот оказался узковат, пуговица не застегивалась.

Шавлего взял ее руки в свои, с чувством неловкости бросил взгляд вниз, в канал, и бережно отвел от своей шеи ласковые женские пальцы.

Внизу, в канале, послышался сильный, глухой удар.

Русудан обернулась.

В овалившейся стене канала торчала всажженная в землю до половины рукоять лопаты. За осыпью, с шумом расплескивая резиновыми сапогами воду, шагала к Алазани прямо посреди потока могучая, рослая мужская фигура.

* * *

Здесь, в этом месте, где сталкивались люди и страсти, где решались судьбы человеческие, откуда одни уходили ослепленными, а другие несчастными, где взвешивалось на весах — быть или не быть, где одни утрачивали, а другие обретали, где слезы и смех сменяли друг друга, здесь, в этом самом беспокойном месте, секретарь райкома испытывал по утрам чувство удивительного покоя. Было что-то возвышенное в спокойной дремоте черных блестящих телефонных аппаратов, прикрепленных к стене мягкими длинными шнурами, в безмолвии стульев, расставленных вокруг покрытого красным сукном стола заседаний. Тут можно было ощутить всю сладость безмятежного отдыха пастуха, которого в эти минуты уже не гнетет страх перед зверем или злой и жадной человеческой рукой. Дверь хлева прочна, стены надежны... Усталый после трудового дня, он может, наконец, погрузиться в сладкий сон — под спокойное дыхание лежащих телят и мерные звуки бесконечного пережевывания жвачки.

А потом начиналась ночь мельника.

Лишь под стрекот жерновов и под шум бьющей в мельничное колесо струи засыпает мельник. Только под пляску, прыжки и стук коника может он спать. Ну-ка, попробуйте, перегордите ручей, остановите вдруг течение воды, вращение жерновов и ритмическую пляску коника — мельник сразу проснется, встревоженный внезапно наступившей тишиной.

Давно уже Луарсаб привык, давно приспособился к такому образу жизни. В этом огромном кабинете почти каждый день сменяли друг друга пастух и мельник. И чаши весов обеих этих форм существования были нагружены равномерно... Только в последнее время как будто повредилось что-то в мельничном механизме, расстроился его равномерный ход, и у самого мельника спутались рефлексы. Постепенно чаша пастуха на весах отяжелела, стала опускаться и, кажется, вот-вот окончательно перевесит другую.

Некогда сменяли друг друга в полном согласии и единстве дом и работа. Потом они разошлись, оказались на противоположных полюсах. А теперь, в эти последние благополучные времена, вновь соединились, словно заключили союз — но только уже для того, чтобы стать опасностью, угрозой всему его преуспеванию.

Уж не постарел ли Луарсаб?

Отстающих бьют!

Интересно, кто сказал это впервые?

Нет, сейчас — самая пора зрелости, вершина сил и возраста. И он не даст другим сорвать созревший для него плод.

Луарсаб поднял голову и долгим рассеянным взглядом поглядел через стол на девушку-секретаря, стоящую перед ним.

— К вам председатель чалиспирского колхоза, — повторила девушка чуть смущенно.

— Пусть войдет, — процедил сквозь зубы Луарсаб и зачем-то застегнул пиджак.

Вошел Нико — поздоровался, снял шапку, сел.

Удивительное дело — при виде этого человека секретарь райкома всегда обретал спокойствие и уверенность в себе.

— Что-то ты зачастил в последнее время в Телави, Балнашвили.

— Думаю, действующему председателю подобает чаще здесь бывать, нежели бывшему. Я пришел жаловаться.

— Жаловаться?

— Чему вы удивляетесь? Было время, жаловались на меня. А теперь, вот, заставили самого стать жалобщиком.

Луарсаб, разумеется, догадался, на чьи визиты к нему намекает Нико и еще раз удивился: нет, право, от всевидящих глаз этого человека ничего не скроется! Тедо его не перехитрит!

— На кого жалуешься? Опять на Енукашвили?

— Нет, теперь не на него. Теперь я на ваших людей жалуюсь.

— На каких это наших людей?

— На тех, кого вы прислали для расследования.

— Я послал Торгву Бекураидзе, заведующего сельхозотделом.

— И еще одного инструктора?

— Какого инструктора?

— Фамилии не помню.

— Знаю, кого ты имеешь в виду. Этот инструктор — человек новый. За него, правда, много раз ходатайствовал Теймураз. Но что такое могло с Торгвой стрястись? — Луарсаб потянулся к звонку, вызвал секретаря. — Есть кто-нибудь в сельхозотделе?

— Все на месте. Кого вызвать, Луарсаб Соломонович?

— Пусть придет Бекураидзе... Очень быстро до тебя все доходит, Нико. Вчера только докладывал мне Торгва, что ничего предосудительного не мог обнаружить.

Председатель чалиспирского колхоза покачал головой.

— Персы нас не погубили, арабы не погубили, турки не погубили, монголы не погубили — если кто погубит грузин, так это хлеб-соль, застолье...

— Как! — возмутился Луарсаб. — Я посылаю людей для расследования, а они пируют за столом подозреваемого?

— Ну вот, придет он, спроси самого. Отпираться не станет.

В кабинет вошел заведующий сельхозотделом. Он обменялся рукопожатием с председателем колхоза и сел напротив.

— Утургандзе здесь? — спросил Луарсаб Соломонович.

— Здесь. Вызвать его?

— Не надо. С ним я после поговорию. А сейчас, вот, пришел человек и говорит: расследование дела о частной винокурной установке в Чалиспире было тенденциозным.

— Да, но на каком основании он это утверждает? Я же вчера доложил вам все подробно.

— Доклад был действительно подробным, но тут, вот, заявляют, что он в общем неверен, не соответствует истине.

— Что там, по-вашему, неверно, дядя Нико?

— Не так уж много, сынок, но все же достаточно. Твоей вины здесь нет — причиной твоя неопытность. Села ты, по существу, не знаешь как следует, людей не знаешь и при деле своем состоишь не очень давно. Человек, о котором идет речь, — это позор нашего села. Он еще и во многом другом замечен. Ты не смотри, что дом у него покоился — хотя, правда, такая вещь и более опытному, чем ты, глаза отведет. Горы камня и кирпича во дворе видал? Он собирается поставить себе целый дворец.

Заведующий сельхозотделом возразил с живостью:

— Насколько мне известно, цель, которую преследует наш колхозный строй, заключается в том, чтобы каждый колхозник стал зажиточным и дом имел хороший. Ставить в вину колхознику, что он хочет построить себе дом, — такого я еще не слышал.

303 000 010333

— Строить себе дом — за грех не почитается, сынок, но надо всегда помнить, кто строит, что он за человек.

— Я обошел весь тот конец деревни, и ни одна душа плохо об этом человеке не отозвалась.

— Что ж, рука руку моет. Скольким он водку гнал? Многих мы можем назвать, а, думаешь, мало таких, о ком и знать не знаем?

— Он перегнал водку всего лишь для троих.

— Достаточно и того, сынок, но тебя обманули. Он многим водку гнал и еще продолжал бы гнать, кабы это не дошло до нас вовремя.

— Где он куб достал? — заинтересовался секретарь райкома.

— Был у него свой, собственный.

— И вы не отобрали?

— Так куб же дедовский, в наследство достался!

— Нельзя так, сынок, надо отобрать. И куб, и все, что к нему полагается, — средства производства; он должен был с самого начала, при объединении имущества, передать его колхозу. Но за это на него и обижаться нельзя, ведь у него чувства коллективизма не больше, чем у какого-нибудь ишака. Вместо того чтобы на совесть работать в колхозе, он частным образом гонит водку. От этого, сынок, колхоз теряет и рабочие руки, и доход.

— Я допросил двух колхозников, которым он перегнал водку. Ни с одного он не взял ни капли в вознаграждение. Напротив: для одной старухи не пожалел собственных дров и взял на себя все обслуживание во время перегонки.

— Расследование, сынок, заключается в том, чтобы все точно выяснить. Кто же сам тебе признается, что уплатил за перегонку? И почему ты других не допросил, а только этих двух?

— О других я ничего и не слышал.

— Верю, сынок, что не слышал — мог и не услышать. Есть еще один такой бедняк, как эта старуха, — его прозвали «воробушком» — «бегурой». Почему ты его не спросил — сорвали с него кувшин водки в уплату или нет?

— Об этом человеке я вообще ничего не знаю.

Председатель чалиспирского колхоза посмотрел на секретаря райкома и улыбнулся.

Многое сказала эта улыбка Луарсабу.

Он откинулся на спинку стула, нахмурился.

— Зачем я тебя и Утургайдзе посылал в Чалиспири? Только для того, чтобы вы посидели за накрытым столом? — Луарсаб повысил голос, брови у него совсем сошлись над переносицей. — Сколько раз я вам повторял: когда занимаетесь делами такого рода, чтобы не смели кусок взять в рот за чужим столом! И вообще, чтобы всячески держали себя в узде и избегали любых соблазнов.

Заведующий сельхозотделом так и вскинулся.

— О чем вы, товарищ Луарсаб, какие столы, у кого столы, кто напел такое?

— Ну как же так — напелели, все село только об этом говорит.

Лицо у заведующего отделом вспыхнуло, на широких квадратных челюстях вздулись желваки, в глазах появилось выражение некоторой растерянности.

— Как — вся деревня? Кто говорит?

— Ну, всех я не могу перечислить, сынок... А говорят, начали, дескать, у самого перегонного аппарата.

— Это чистойшей воды ложь, товарищ Луарсаб, мы только попробовали... Один стананчик... Чтобы определить, как перегнана чача... То есть умеет ли он перегонять... Некогда мой отец гнал водку, в мои детские годы, из дикой груши и бузины. Я только попробовал, пригубил, чтобы посмотреть, знает ли этот Енукашвили дело...

Председатель колхоза бросил очередной выразительный взгляд на насупленного секретаря райкома и вновь обратился к заведующему отделом:

— И я, и товарищ Луарсаб верим тебе, сынок, но, знаешь, чем деревне на язык попасть, уж лучше — крокодилу в зубы. Полагаю, что по неопытности у тебя все получилось — и проба, и застолье.

— Честью клянусь — не было никакого застолья, и не угощался я ни у кого!

— Послушай меня, сынок. С порядочным человеком хоть вверх ногами ходи — никто слова не скажет, ну а...

— Все соседи утверждают, что он порядочный, честный человек.

— Двое-трое, у которых, наверное, есть с ним какие-то отношения, это — не все соседи, а соседи — не вся деревня. Ты не знаешь, что это за личность.

100.115

Этот человек — интриган и пролаза. Своим поведением он и порядочных людей толкает к правонарушениям. Многие в деревне стали брать с него пример — кто обжег известью для себя, кто лепит посуду, кто делает винные кувшины, а кто — кирпич да черепицу. Завтра их примеру последуют соседние села, послезавтра — целые районы, а там, глядишь, и все станут возвращаться к частному хозяйствованию. Это нужно понимать, сынок, это нужно уметь видеть и предугадать. Я уже сказал, что ты неопытен и плохо знаешь тех, с кем тебе пришлось иметь дело. Известно тебе, что это за человек? — Председатель колхоза обернулся к секретарю: — Этот человек, товарищ Луарсаб, нынешней осенью украл четыре мешка колхозной семенной пшеницы — увез к себе домой!

— Постой, постой, так это тот самый Реваз Енукашвили?

— Тот самый.

— Ах, вот что! Ну, все ясно. Что же вы раньше мне не сказали?

— А зачем? С него и этого нового преступления хватил с избытком. Помните, сколько я вас упрашивал освободить его из-под ареста — еле уговорил. Жалости поддался, подумал — молод еще, почти мальчишка, может, исправится. Вместо того он стал мне угрожать и теперь, видите, что натворил! Если его сразу не наказать, как должно, то найдется у него немало последователей и подражателей — и скоро, глядишь, потребуют у нас, чтобы мы колхоз распустили.

— Почему вы не рассмотрели вопрос на собрании партийной организации колхоза? Где вы были до сих пор?

— Всего четыре дня, как наша ревизионная комиссия обнаружила эти факты, да и то, видимо, сведения дошли до нас с опозданием.

— И все же — когда факты обнаружились, почему вы не вынесли вопрос на партийное собрание?

— Решили воздержаться, товарищ Луарсаб, ничего бы мы так не добились. Очень много у него сторонников. Помните, как они пригнали сюда силой чуть ли не целую бригаду из-за него?

— Это он взорвал у тебя машину и зарезал корову?

— И еще вычерпал все вино впридачу. Но это — частное, личное дело, и я не придаю ему значения. Тревожным мне представляется то, что в лице этого человека наше социалистическое сельское хозяйство обрело недремлющего врага.

Луарсаб Соломонович презрительно улыбнулся.

— Не таких мы сгибали в бараний рог, Белиашвили. Печально, что в вашем колхозе коммунисты инертны и коммунистическая бдительность не стоит еще на должной высоте... Ладно, Торгва, ступай к себе. Сказал бы уж с самого начала, что не сможешь справиться с заданием — я бы поручил дело кому-нибудь другому.

Заведующий сельхозотделом поднялся со смущенным видом.

— По-видимому, я в самом деле был введен в заблуждение, товарищ Луарсаб. Но откуда я знал, что имею дело с таким ответным негодяем?

— Ничего, сынок, многих других, более искусственных, чем ты, вводил этот молодчик в заблуждение. Винить тебя нельзя. — И, когда Торгва вышел из кабинета, продолжал: — Надо послать какого-нибудь опытного работника и сызнова проверить все сначала до конца... И жалко мне его, чудака, в то же время. Всего в доме — он сам да его старая полуслепая мать. Прежде он был вроде парень неплохой, да вот видите — показал волчьи зубы... Предлагал я ему работать в колхозе по этому же делу, на винокурне. Не пожелал! Мог ли я догадаться, что у него на уме?

— Кого же послать на расследование — финагентов?

— Да нет, финагенты ничего не добьются. Пошлите такого человека, чтобы и авторитет имел, и село знал хорошо.

— Такой у меня, пожалуй, Варден. Он раньше был как раз к Чалиспири прикреплен.

— Пусть будет Варден. Он, кстати, и заведующий отделом. И он знает все наши дела и обстоятельства.

— Но с какой стати заведующий сектором учета должен заниматься расследованиями?

— Были бы, как говорится, плоды, а из какого сада — кто спрашивает...

* * *

Шавлего закинул мешок на двуколку, отряхнул руки и помог Флоре влезть на сиденье.

Он был заметно не в духе. Неожиданное бегство Закро и отсутствие его на «шабаше» неприятно поразило его. Не ожидал он от Закро такого явного

выражения ревности. А потом, когда Купрача посадил в машину председателя колхоза и агронома и увез их на совещание передовиков в Телави, настроение его совсем испортилось...

— Какого черта навязала нам мешок эта старуха? — смеялась Флора.

Всю одежду перепачкает.

— Какая старуха?

— Я ее не знаю. Живет в хибарке у самой дороги. Попросила свезти зерно на мельницу, так попросила, что нельзя было отказать. Муж у нее болен, лежит в постели.

Шавлего понял, что старуха, о которой рассказывает Флора, — Сабеда. Значит, Русудан все знает... И не сказала ничего даже ему! Вот она какая, Русудан! Догадывается ли, что это Солико, а не Реваз устроил давеча в честь дяди Нико фейерверк? Неужели она так умна и осторожна, что скрывает даже от меня? А люди... Странные они, люди. Почему-то мне кажется, что чалиспирцам приятны неудачи их председателя. Многие считают Реваса виноватым — и хвалят его за удал. Пусть заблуждаются. Раскрыть вину Солико, подставить его никак нельзя... Чутье подсказывает мне, что дядя Нико что-то пронюхал, только ему больше с руки взваливать все свои беды на Ревазу...

Шавлего то понукал лошадь вожжами, то слегка хлестал ее по крупу плеткой.

Маленькая, сильная лошадка шла охотно, перемежая ровный шаг с рысью, временами она оборачивалась и искоса поглядывала на плетку. По размокшей дороге тянулись за колесами узкие, глубокие следы.

— Ох, этот мешок! И зачем Русудан захватила этот мешок!

— Чем тебе он мешает?

— Тесно. И потом, на каждом ухабе он прижимается ко мне, точно влюбленный.

— Не придирайся, Флора, мешок лежит себе спокойно, как полагается мешку.

— Твое дурное настроение угнетает. С той минуты, как уехала Русудан, у тебя с лица укус стекает.

— Такая у меня порода.

— Нет, ты такой с той минуты, как уехала Русудан. Не бойся, не уведут ее. Приедем, застанешь ее дома.

Алазанская долина тонула во мраке. Едва виднелись сохранившиеся местами подлески и одинокие, богатырской стати дубы и вязы. Лишь вдаль, высоко над линией селений, светились снежные вершины Кавказского хребта, похожие на огромные сахарные головы. Лошадь с трудом пробиралась по глубокой грязи. Временами она останавливалась, фыркала с неудовольствием, но, почувствовав легкое прикосновение вожжи, снова пускалась в путь. Ось двуколки скрипела под тяжелым грузом. Монотонно стонали несмазанные колеса.

Шавлего стало жаль ее. Он сошел с двуколки и пошел рядом, ведя лошадь на поводу. Мысли его вернулись к Закро.

Клейкая глинистая грязь целыми комьями налипала на сапогах, тяжело лила ноги. Шавлего останавливался по временам и рукояткой плети счищал ее с обуви.

Мрак полностью застлал долину.

— Шавлего!

— Да, Флора.

— Сядь со мной. Когда ты рядом, мне не так страшно.

— Жалко лошадь. Потерпи немножко — сейчас выедем на хорошую дорогу.

— Значит, лошадь ты жалеешь, а меня нет? Тогда и я сойду и пойду пешком.

— Какая ты глупышка, Флора! Ну, как ты сможешь идти по этой грязи?

— Очень даже смогу. Останови лошадь, я сойду.

Шавлего еще раз очистил сапоги рукояткой плети и поднялся на двуколку.

— Ради бога, Шавлего, не пугай меня больше, и без того я насмерть перепугана.

— Ах, ты маленькая трусишка, Флорушка! Что это у тебя рука так застыла?

— Застыла, когда ты сошел с двуколки. Стало холодно. Согрей.

Маленькая женская рука ловко скользнула в рукав пиджака Шавлего и замерла там, как птичка в гнезде.

— Какая же ты мерзлячка! Так не согреешься. Давай руку сюда.

Он взял руку молодой женщины, растер ее и стал согревать своим дыханием.

- Ну, как теперь?
— Хорошо, Шавлего. Ах, как хорошо! Еще, еще, Шавлего!
— Ну вот, хватит.
— Не хватит.
— Ладно. А теперь хватит.
— Нет, нет, не хватит!
— И сейчас не хватит?
— И сейчас.
— Ах, какая ты глупенькая, Флора, что ж, я должен до самой весны дышать на твою руку?
— Мне и тогда не хватит.
— Не дури, Флора. Ну, убери руку.
— Ах, какой ты недобрый, Шавлего, какой ты неласковый! Страшный ты человек, Шавлего! Каждое слово надо из тебя вырывать клещами. Небось, при Русудан у тебя развязывается язык!
— А ты не пишешь стихов?
— Нет.
— Неужели ты никого больше не смогла полюбить? Неужели ты до сих пор не встретила ни одного достойного человека? Может быть, тебе не надо было уходить от мужа?
— Не знаю... Иногда и мне это приходит в голову, но я все же не раскаиваюсь. Сейчас я свободна, как ветер — куда хочу, туда повею.
— А замуж выходить больше не собираешься?
— Зачем? Чтобы вся морока началась сначала? Не хочу, сыта по горло.
— Какие же у тебя намерения? Может, боишься, что иссохнет твоя высокая грудь? Или что беременность испортит тебе фигуру?
— Что за злой у тебя язык! Ты ведь не знаешь... Ты не знаешь... Ты ничего не знаешь...
— Ты рано вышла замуж?
— Еще студенткой.
— И небось думала, что замужество — сплошная забава, песни, смех и веселье?
— По правде сказать, не без того... Мы прожили вместе целый длинный год.
— Долго выдержали. Он тебя очень любил?
— Он и сейчас меня любит.
— А ты бросила его и ушла.
— Больше я не могла терпеть. Дошла до точки.
— Почему вы разошлись?
— Он замучил меня ревностью.
— А ты давала повод? — Шавлего задавал своей спутнице все более беззастенчивые вопросы; странное раздражение владело им.
— Ни разу. Он просто был болезненно ревнив.
— А как он теперь?
— Ходит за мной по пятам, не дает покоя. Я сбежала от него. Потому и приехала сюда, к Русудан.
— Значит, ты его не любила.
— Сейчас мне кажется, что не любила. Никогда.
— Печально... Почему ты не хочешь еще раз попытать счастья?
— Не дразни меня, Шавлего.
— Я говорю серьезно. Нужны дети.
— Что ты заладил — дети, дети... Отчего именно я обязана их рожать? Не выйду замуж, назло тебе не выйду. Господи, что он все твердит — замуж, замуж... Разве нельзя мне иметь детей, вовсе не выходя замуж?
— Почему же нельзя? Только тогда надо называться девой Марией.
— Можно и не будучи девой Марией. Она одного родила, а я рожу десятых. Только ни один из них не будет такой, как ты... Мои сыновья будут чуткими, деликатными, добрыми, сердечными и никогда, нигде, ни при каком случае не водрузят рядом с женщиной куля, набитого мукой. Ох, опять рука застыла. Посмотри, какая холодная.
И Флора изловчилась снова засунуть руку в рукав к Шавлего...

* * *

Бегура стоял на цыпочках, весь вытянувшись, и часто, испуганно моргал. Шея его была сдавлена воротом, закатым в горсти Реваза. Вместо слов из стиснутой глотки его вырывался лишь какой-то отрывистый хрип. Лицо было красно от прилива крови, дыханье прерывалось, жилы на висках вздулись и бешено пульсировали.

Реваз притянул аробщика ближе и прошипел ему прямо в лицо:

— Требовал я с тебя этот кувшин чачи?

— Нет.

— А мать моя требовала?

— И она нет.

— Так чего ж ты его подкинул? Что я, попрошайка? В руки тебе глядел?

— Да разве я мог знать, что получится... Сделал ты мне добро, уважил, дров для меня не пожалел, как же мне было хоть чем-нибудь не отблагодарить? Я и побольше хотел оставить, да мать твоя не позволила. Сказала, хватит и одного кувшинчика. Откуда я мог знать, как все обернется?

— Тьфу, сгореть твоей безмозглой голове, старая образина! — Реваз скрипнул зубами и оттолкнул Бегуру так, что тот ударился спиной о размокшую калитку.

Калитка сорвалась, и Бегура упал в лужу. Истертая штанина разошлась над коленом, связав дыру выглянуло черное, сухое колено. Так он сидел в грязи, ошеломленный, перепуганный, нахохленный, паялил по сторонам тусклые, бесцветные глаза и поглаживал щетинистую шею мозолистой рукой.

Жгучая жалость к бедняге аробщику охватила Реваза. Он круто повернулся, сплюнул в сердцах и ушел.

— Я голоден, дай мне поесть, мама, — сказал он, войдя в дом. Моя рука, он яростно тер их мылом, расплескивая воду по полу.

Старуха причитала, сокрушаясь:

— Я виновата. Ни за что не надо было принимать эту водку. Трижды ему говорила — на что мне твоя водка, у меня своей вдоволь — никак не могла ему втолковать. Ну, тут я махнула рукой — оставляй, говорю, коли тебе некуда ее девать. Моя вина — вот этим языком, чтоб ему отсохнуть, сказала ему: оставляй. Да что тут особенного, господи, водка-то его собственная, кому хочет, тому и отдаст, никого это не касается! А зачем куб и все остальное унесли? Где это слыхано, накладывать руки на чужое имущество? Больше ничего у нас и не осталось от твоего покойного отца... Что ж теперь будет, сынок, что теперь с нами будет?

Реваз сидел, опершись локтями о стол, и молча ел. Долго, рассеянно жевал он каждый кусок. Еда не лезла в горло.

Вошел Иосиф Вардуашвили, остановился в дверях, не поздоровавшись, и оттуда молча смотрел на старуху, причитающую в углу. Потом бросил быстрый взгляд на своего бывшего бригадира и спросил глухим голосом:

— Это правда... Насчет сегодняшнего партбюро?

— Правда, — не сразу ответил Реваз.

Иосиф сел на табурет. Долго сидел он безмолвно, время от времени потирая раненое колено. Такая у него завелась привычка — болела старая рана или нет, стоило ему присесть, как он принимался массировать колено.

— Приходили и ко мне... Сколько, дескать, дал в уплату за перегонку. Говорю: нисколько. А они: не лги, тебе, как члену партии, не подобает. Я свое: не платил. Грозятся: все равно, мол, узнаем. Ну и узнавайте, говорю... Да я сам тоже хорош — чего я к тебе свою чачу тащил, отнес бы на колхозную винокурню... Поленился, далеко...

— Ты тут вовсе ни при чем, Иосиф. И этот бедолага Бегура ни в чем не виноват. Рано или поздно что-нибудь в этом роде непременно должно было случиться. Помнишь историю с семенной пшеницей? Нет, Иосиф, как говорит дедушка Годердзи, тут след подковы не того мула. В тот раз не выгорело — вот они снова и подстроили каверзу. А я в тот раз только надулся и засел в своем углу — вот мне и наказание за это. Но теперь — зуб за зуб. Буду бороться.

Старуха встала, пошарила что-то в стенном шкафу и припелась к столу.

— Экая я беспамятная — совсем забыла! Тамара заходила нынче, принесла вот эту штуку. — Она поставила на стол маленькую скульптуру. — Плакала, бедняжка, слезы так по щекам и катились. Я к ней поближе подошла, гляжу — лица на ней нет. Отвернулась от меня и сразу за дверь...

Реваз взглянул на скульптуру и окаменел: это была привезенная им из Берлина миниатюрная копия «Похищения Персефоны Гадесом» Адриана де Бриса.

Иосиф не успел еще толком ее рассмотреть, как Реваз вскочил, перевернув стул, схватил скульптуру и бросился к двери.

Старуха обомлела. С минуту она стояла растерянная, потом догадалась, что яростный порыв ее сына находится в какой-то связи с этим предметом. Все, кто в эти дни приносил и оставлял что-нибудь, были в заговоре против ее единственного сына... Внезапно обессилев, она упала на стул и простонала:

— Что это за беда с нами стряслась, Иосиф, сынок? Хоть ты-то ничего не принес, не собираешься оставить?

Иосиф ничего не ответил — с силой, до боли, потер старую рану, молча встал и вышел.

... Реваз рванул калитку и вбежал во двор.

Тамара была дома одна. Она лежала ничком на тахте и плакала. Долго стоял Реваз, не говоря ни слова, и смотрел на нее. Тамара медленно подняла голову, взглянула на него. Лишь на миг отразилось на ее лице изумление — она сразу отвернулась и уткнулась в подушку.

Реваз не видел ее уже давно. Ему показалось, что девушка сильно изменилась, еще больше похудела. Лицо было бледное, обескровленное. Глубокие складки около губ свидетельствовали о безысходной печали. Плач перешел в громкие рыдания.

Реваз поднял с пола свалившуюся шаль и прикрыл ею Тамару.

— Не трогай меня! — Тамара сдернула шаль с плеч и швырнула ее на пол.

— Хочешь простудиться и умереть?

— Хочу. О, хоть бы я и вправду умерла!

— Тамара, что с тобой случилось?

— Ты прекрасно знаешь, что со мной. Никто лучше тебя не знает, что со мной случилось. — Голос у нее был жалобный, щемящий сердце.

— Не надрывай себе душу зря и мне не надрывай! Не слушай ты этого человека, и все будет хорошо.

— Я уже никого не хочу слушать. Измучилась, устала. Ничего больше не хочу. Не могу, сил нет, устала до смерти. И ты тоже хорош — вечно во всем надо тебе стоять поперек... Покоя не даешь. Просила я тебя, умоляла, оставь его в покое, отвяжись, ведь он все-таки мне отец. Но ты же ничего и слышать не хочешь, никак я тебя не могу убедить... Так теперь хоть от меня отстань, дай мне покой. Я ничего больше не хочу, ничего больше мне не нужно, ни-че-го...

Реваз стоял озадаченный, склонившись над девушкой. Он неловко сжимал в руках маленькую скульптуру и с силой, не переставая тер ее большим пальцем. Скульптуру эту он привез из Берлина в подарок Тамаре. Девушка должна была хранить статуэтку до тех пор, пока будет его любить. И вот, отвергнутая и возвращенная дарителю, она снова была в руках у Реваса. Это означало разрыв. Между ними все кончено — таков был смысл возвращения подарка. Девушка бросила беглый взгляд на когда-то столь дорогую ей вещицу, отвернулась и снова спрятала лицо в подушках.

— Послушай меня, Тамара. В последний раз послушай. Я многое стерпел — от твоего отца, да и от тебя. Всего лишился — перестал быть бригадиром, перестал быть членом правления, исключен из партии и, самое главное, потерял доброе имя. Но жизнь еще не кончена и борьба не проиграна — лишь бы ты была рядом со мной. Мне нужна родная душа, которая понимала бы меня, сочувствовала бы мне, верила бы в меня.

— Я больше не могу обманывать себя, Реваз. И ты не обманывайся. Ты давно уже прилагаешь все усилия, чтобы пути наши разошлись, — ну, вот они и расходятся... Пусть эта наша встреча будет последней. Не приходи больше в этот дом. Мне жаль тебя, но я тебя больше не люблю.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В постели было тепло. Тепло было и в комнате. Огонь в камине уже угасал, но все еще было тепло. Перед камином на полу громоздились нарубленные дрова — целая охапка дров. Тускло светила лампочка-ночник.

Шавлего лежал на спине, откинув одеяло с груди, подложив руку под голову, и смотрел в потолок.

— Дров в огонь подбросить?

— Зачем? С тобой мне и в Антарктике не будет холодно. — Флора не говорила, а мурлыкала. Она легла, как Шавлего, на спину и устроилась поудобней, положив голову на его голую руку.

От нее шел слабый запах вина и ореховой подливки — и еще какой-то другой, легкий и сладковатый.

Шавлего лежал молча и думал о том, что случилось. Ничего похожего не было у него в мыслях ни тогда, когда они уходили со свадьбы, ни после...

Флора высвободила руку, закрыла ладонью его губы.

— Поцелуй!

Шавлего послушался.

— О чем ты думаешь?

— О всяких глупостях.

— Не надо, любимый, зачем думать о глупостях?

— Почему ты не удержала меня, когда я пил? Ненавижу опьянение.
— Я пыталась — но ты не слушал. Ни капли не оставлял в стакане. Пил и смотрел на невесту. Глаз с нее не сводил.

— Она же сидела против нас — на кого еще было смотреть?

— Нет, это был не случайный взгляд, ты не так смотрел...

— Нет, не надо было мне ходить на эту свадьбу, а уж если пошел — не следовало уходить оттуда до самого утра!

— Почему, любимый?

— Со свадьбы я на чьей-нибудь машине отправился бы прямо на станцию встречать Русудан. А теперь мы зависим от милости какого-нибудь проезжего на дороге.

— У Русудан целая куча попутчиков. Зачем ее встречать?

— Не знаю, как ты, но я непременно должен ее встретить.

— И покляжи у нее немного. Встречать незачем.

— Не говори вздор, Флора.

— Любишь ее?

Шавлего кинул на нее взгляд искоса.

— Станный вопрос.

— Очень любишь?

— Я обязан ответить?

— Даже сейчас любишь — вот сейчас, когда ты со мной?

— Неужели ты никогда не любила?

— Не знаю, может быть, любила... Может, это и была любовь — то, что я испытала с мужем. — Голос молодой женщины был печальным.

Шавлего повернул к ней голову.

Тихим, доверчивым, покорным взглядом смотрела на него Флора. И еще... она была красива, очень красива.

— Ты работала после окончания университета?

— Муж не пускал меня на работу.

— А вообще хотела бы работать?

— С удовольствием работала бы в Чалиспири.

— Почему именно в Чалиспири?

— Это мой секрет.

— Так я постараюсь, чтобы ты работала.

— Только пока не надо.

— Почему?

— Хочу насладиться обретенным сегодня счастьем.

— Ты же знаешь — я на тебе не женюсь.

— Знаю.

— Зачем же ты мне отдалась?

— Не знаю.

— Ты должна выйти замуж, Флора. Иметь детей. Тебе нужна семья.

— Будет у меня и семья. Сыновья будут такие же большие, как ты, страшные и... и умные. У меня их будет много — десять.

— Оставь этот вздор, Флора, и дай мне заснуть. Утром я должен рано встать, чтобы поспеть на станцию.

— Ах, ты все помнишь о своей Русудан, даже сейчас помнишь ее! Неужели не можешь забыть ее хоть теперь, когда ты со мной?

— «Память о друзьях и близких нам вреда не принесет».

— Смеешься?

— Забавляюсь.

— Знаю, что забавляешься. И я забавляюсь. Только я хочу, чтобы эта забава была вечной. Я уже люблю тебя. И теперь мне жалко уступать тебя Русудан. Не хочется огорчать подругу, но тебя я никому не хочу отдавать.

Наутро первой проснулась Флора. Она протерла глаза, приподнялась и села в постели.

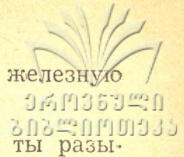
В комнате было холодно. Холод проникал через щель чуть приоткрытой двери.

Флора вздрогнула, внимательно посмотрела на дверь и перевела взгляд на Шавлего, спокойно и ровно посапывавшего во сне рядом с нею.

«Дверь закрывается плотно. Неужели он выходил ночью и, вернувшись, забыл хорошенько притворить ее?»

Она легко соскочила с кровати и на цыпочках побежала закрывать дверь. И тут она заметила на пороге свежие, мокрые следы.

Флора узнала их. Следы были женские.

Шавлего отдал ребенку коробку с шоколадом и игрушечную железную дорожку.

— А где остальные?

— В саду, с матерью, — Теймураз подвинул гостю стул. — Как ты скал мою берлогу?

— А что — здесь, по-твоему, можно заблудиться?

— Ну, в этот тупик ко мне редко ходят. Ленятся искать.

— Только одна комната?

— Есть еще кухня. Без гостей обедаем там.

— А еще называешься секретарем райкома!

— Что делать... Вот, дети подрастут — устроятся получше.

— А жена не бунтует?

— Представь себе, нет. Кто-то получилось, что мы с женой понимаем друг друга.

— Счастливым человек! Детей у вас по-прежнему четверо?

— Вот тут жена меня прижала к стенке. Говорит, пока не будем иметь две комнаты, больше ни одного не рожу.

— Что ж, почти правильно.

Шавлего сел на стул и подался вперед.

— Разве не ты командировал в Чалиспири Бекураидзе и еще одного инструктора по делу Реваза Енукашвили.

— Ах, Енукашвили. Знаю. Это насчет самогона, да?

— Вот именно. Чем он вам не пришелся, этот человек, — никого похуже не встречали или ничего о нем не слыхали? Нашли частного собственника, нашли вора и врага колхозного строя! Что вы к нему прицепились?

— Ах, ты все по-прежнему за него заступаешься? Один раз я его вызволил из неприятностей, но больше мне уже совесть не позволяет. Да и тогда, если бы не уважение к тебе... Впрочем, я и теперь усомнился в его виновности — всегда знал его как дельного работника и хорошего парня. Но помочь ему ничем уже не мог. Два раза ездили в Чалиспири из района и собрали доказательства. После первого расследования, по правде сказать, я попытался замять дело, и мои тушины высказались в том же смысле. Но явился сам дядя Нико, потребовал вторичного расследования — и все подтвердилось.

— Что подтвердилось?

— Что он гнал водку частным образом. Завел винокурню.

— А ты знаешь, кому он эту услугу оказал?

— Все равно кому — важен факт.

— Мне он водку гнал.

— Вот ты сам и признаешь.

— Нищей, заброшенной, почти бездомной старухе.

— Но ведь гнал?

— И еще одному забытому богом и людьми, одинокому, не очень-то крепкому умом бедному человеку.

— И вот именно у этого бедного одинокого человека он берет в уплату хеладу водки — и не стыдится смотреть после этого в лицо людям.

— Кто взял плату — Реваз?

— Да, Реваз.

— Реваз взял у Бегуры кувшин водки?

— Чему ты удивляешься? Да, у Бегуры.

— Кто, Реваз? Нет, право, этот человек сведет меня с ума! — Шавлего встал и заходил по комнате. — Чтобы Реваз позарился на чужое? Да я скорее поверю, что робот родил ребенка. По-твоему, в этой истории с Ревазом Енукашвили вы были на высоте?

— Мы еще очень снисходительно отнеслись к этому парню, я бы сказал, даже слишком уважительно. Он заслуживал примерного наказания.

— Вы не к Ревазу, а к дяде Нико уважительно отнеслись. И выполнили в точности то, что он задумал.

— Закон есть закон, мой друг. Этого я не мог бы простить родному отцу.

Шавлего остановился, резко обернулся к сидевшему на тахте хозяину дома и встал перед ним, засунув руки в карманы.

— Ты юрист, Теймураз. И знаешь, что законы создаются и существуют для блага людей. Кровную мечь, сохранившуюся еще кое-где среди горцев, мы преследуем, так как она ничем не отличается от убийства. Я не отрицаю, что гены играют большую роль в формировании организма и психики. Но человек все же преимущественно — продукт воспитания. Я ненавижу все, что унижает и мельчит в человеке человека.

Теймураз бросил искоса взгляд на ребенка, взиравшего на старших с раскрытым от изумления ртом.

— Мы никогда дома не повышаем голоса. Немножко тише, пожалуйста, а то мальчик подумает, что мы ссоримся.

Шавлего ласково потрепал мальчика по курчавой голове и прицепил вагончик, который тот держал в руке, к игрушечному составу.

— Хороший мальчик... Если только, когда вырастет, не займет, как отец, примиренческую позицию в разных делах.

— Тот, кто убьет в заповеднике оленя, Шавлего, не имеет права упрекать за такой же проступок другого охотника.

— О чем притча?

— О Купраче. С каких пор он стал «твоим»?

— Ах, Купрача... Купрача — другое дело. Это совсем иного толка человек. И все-таки ты прав, только не полностью. Я этого Купрачу заставляю, как пеликана, изрыгнуть все, что он поглотил, перед моими птенцами. И все это делается так, что я ему даже и намеком не давал ничего понять.

— В этом вопросе у нас с тобой разные точки зрения... А вот Реваз... Скажу тебе правду: я не голосовал за его исключение из партии.

— Но ведь молчание — знак согласия?

— У меня не было никаких причин действовать иначе. И я не чувствую в этом деле за собой никакой вины.

— Послушай, Теймураз: если я — одна из спиц колеса, которое переехало прохожего на улице, то на мою долю приходится ровно столько вины, сколько на долю любой другой.

— Изволь соблюдать правила уличного движения, и никто тебя не передедет.

— Ты забываешь, Теймураз, что избежать аварии можно только в том случае, если правила движения соблюдаются обеими сторонами. Почему ты не прислушался внимательнее к Бекураидзе и Утургаидзе? Разве можно довериться Вардену? Место ли среди вас этому бездарному карьеристу? Разве он что-нибудь понимает в людях? Так же, как, впрочем, этот ваш живой покойник, спаси господи его душу, ваш секретарь, как там его отчество, «какович»? Запомню.

— Я ни к кому никогда на «ич» не обращался и себя никому не позволю так называть.

— И прекрасно делаешь. Как можно, чтобы человеческими судьбами единолично распоряжался такой человек?

— Пойми, Шавлего! Если бы даже Енукашвили гнал водку для одного тебя и ничего не взял за это, все равно его нельзя было бы оправдать. Я сочувствую ему, но помочь ничем не могу.

— Ну вот, видишь, какая-то часть вины падает и на тебя. И не только на тебя. В большей или меньшей мере мы все виноваты.

— Не учи меня, сколько будет дважды два. Мне и та прежняя история с четырьмя мешками пшеницы, оставленными будто бы на хранение у соседа, до сих пор кажется подозрительной.

— Почему ты забываешь, Теймураз, что это было семенное зерно?

— Тем хуже! Как он посмел присвоить семенную пшеницу?

— Ох, Теймураз, Теймураз! Ты что, ничего не понимаешь в сельском хозяйстве? Почему тебе не приходит в голову, что Реваз был тогда бригадиром, а он-то знает сельское хозяйство?

— При чем тут это?

— Как при чем? Разве вор украдет когда-нибудь семенное зерно?

— Почему же нет? Совесть не позволит или какие-либо профессиональные соображения?

— Семенное зерно опрыскано ядохимикатами, понимаешь ты или нет? Прошлой осенью, например, поля на берегу Алазани плохо заборонили, и зерно, оставшееся на поверхности, расклевали фазаны. Так вот, пастухи чуть ли не каждый день находили по краям засеянных полей мертвых птиц. Чудак человек — ведь сейчас не первые годы коллективизации, чтобы каждое не вполне обычное, но в конечном счете не такое уж необдуманное действие называть вредительством или хищением? Да и чего тут особенно раздумывать, если нужно укрыть от дождя на время семенную пшеницу — разве не естественнее всего забросить ее в дом к какому-нибудь колхознику на краю деревни, поближе к засеваемому участку? Чего они так поторопились схватить парня и доставить его в Телави? Подождали бы до завтра, посмотрели бы, что он собирается делать. Если бы распогодилось, а он все-таки не вывез зерно в поле — вот тогда можно было бы уже к нему придираться. А вы верите, как священному писанию, всему, что наплетут двое или трое явно заинтересованных людей! Вы же видели, чуть ли не полсела явилось в Телави свидетельствовать о невинности

этого человека! А почему? Потому что крестьянин знает: семенное зерно не идет в помол, не годится в пищу. А для посева — кто же теперь сеет хлеб на приусадебном участке? Ну-ка, подумай, разве я не прав?

— Черт бы тебя побрал, кажется, прав. — Теймураз тер себе лоб и пристально смотрел приятелю в глаза. — Но как же с водкой? Скажем, оставал водку тебе и еще двум соседям — все равно, нельзя это оправдать.

— Послушай меня, Теймураз. Ты многого не знаешь до конца, да я и не виню тебя. Все это — нечестная игра, с подтасованными картами. А подтасовал колоду дядя Нико, потому что он имеет зуб на Реваза. Прежде всего, он не принимал у парня виноградных выжимок для переронки на колхозную винокурню и позаботился о том, чтобы их не приняли нигде поблизости, в соседних колхозах. А выжимок у Реваза было много и выбрасывать их неиспользованными было жаль. Да если бы и мало было — зачем выбрасывать? Разве колхозник в течение целого года кружит над каждым виноградным кустом и лелеет его для того, чтобы потом выбросить плоды своего труда? Ревазу был оставлен единственный путь: самому, у себя дома, гнать из собственного сырья виноградную водку. Вот именно на это и рассчитывали его враги. И этот несчастный Бегура невольно оказался участником заговора. Ему сказали, что Реваз переронит ему чачу даром — он и польстился. Правда, под конец совесть не позволила принять дармовую услугу, и он оставил кувшин водки старухе-матери Реваза, сам не зная, что из этого выйдет. Окажись дома Реваз, ни за что не принял бы этой платы.

— Не тебя, а меня черт побери! — бурчал Теймураз, потирая себе лоб. — Все это действительно похоже на правду. Отчего ты раньше не пришел и не рассказал все это?

Шавлего ничего не ответил. Он продолжал мерить шагами комнату.

Несколько мгновений прошло в молчании.

— А сам ты чего смотрел до сих пор?

Тонкие губы Шавлего сложились в ироническую улыбку.

— У каждого есть свое дело. — Голос у гостя был глухой, неприятный, злой. И лицо, пожалуй, было не таким, как обычно.

«Что случилось сегодня с этим человеком? Какое-то у него странное настроение!» — подумал Теймураз.

— Ладно, перестань богат, как будто тебя вожжой огрели, садись.

— Надо лучше знать людей, ближе к ним подходить, если хотите знать, чем живет каждый человек, что у него за душой. Уж не забываете ли вы порой, кто совершил революцию, с какой целью и для кого? Осторожней, товарищи руководители! Один опрометчивый шаг — и можно погубить человека. Помните всегда: ваше слово имеет силу закона. Опьянение властью — самый страшный недуг.

— Ты прав, ты совершенно прав... Но вот что скажи — у вас семенное зерно опрыскивают уже на складе или в поле, перед самым севом?

— По-моему, на складе, — насторожился гость.

— Надо проверить... Только очень осторожно. Надо выяснить это обстоятельство, и, если подтвердится, что зерно было вывезено в поле уже опрысканным ядохимикатами, твой Реваз будет восстановлен в партии. Мне кажется, мы сможем восстановить его и во всех остальных его правах. Тогда я скажу, что наложенное на него наказание незаслуженно. Это ужасная травма для честного человека. Я догадываюсь, в каком состоянии сейчас бедный парень!

— Боюсь, что твое сочувствие запоздало, Теймураз. Иной раз одна беда влечет за собой множество других. Была та пшеница заранее опрыскана или нет — мне противно спрашивать об этом и выяснять это обстоятельство. Надо просто знать человека. Разве может присвоить чужое то, кто раздает свое? А тем более положить руку на колхозное добро? Это самая грязная клевета, какую можно возвести на честного человека! Так опорочить — хуже чем убить!

— У меня давно уже неладно на душе из-за этого парня и приписываемых ему злодеяний. Но тут еще прибавилось множество слухов: он и гараж дяди Нико взорвал, он и вино у него в марани вычерпал, он и стельную корову председательскую свел и зарезал где-то в овраге...

— Слухи — еще не доказательство. Повторю — надо знать человека!

— Но он сам сказал дяде Нико на бюро, во всеуслышание: дескать, если не останешь, еще худшего от меня дождешься.

— Сам сказал, что он все это сделал?

— Сначала отпирался, но потом признался: да, говорит, я все это сделал, и, если не отвяжешься, еще хуже будет.

— Послушай меня, Теймураз... Нельзя бездумно полагаться на слова человека — надо присмотреться, поразмыслить: а что его вынудило это сказать?

Что заставило так поступить? — Шавлего долго в задумчивости ходил по комнате.

— Ты сегодня поистине открыл мне глаза, Шавлего, — заговорил наконец Теймураз. — Я сам теперь возьмусь за это дело. Я сам все расследую и выясню. И если дядя Нико в самом деле... Тогда пусть побережется! Но как же эта корова, гараж, машина, вино?

— Это дело милиции... Кстати, мне было приятно узнать, что вы восстановили Джашиашвили. А как с начальником?

— Начальнику пришлось собрать пожитки. Серго и председатель райисполкома ездили в Тбилиси.

— Значит, вы выиграли первый раунд. Желаю успеха и в дальнейшем...

* * *

Шавлего еще раз пробежал глазами письмо.

Профессор Апакидзе писал ему: «Весной мы возобновляем раскопки на мысе Пицунда. Ваше участие в них обрадовало бы нас всех». Апакидзе хвалился прошлогодней находкой — монетами, чеканенными в городе Трапезунде, и уверял, что в нынешнем году ожидается еще больший «урожай».

Приманка была, что и говорить, соблазнительная.

Шавлего с улыбкой вспомнил, как степенный старик-профессор исполнял некое подобие языческой пляски вокруг обычного глиняного горшка с отбитым краем. В горшке было сорок девять медных монет. Они являлись неопровержимым доказательством того, что Трапезунд осуществлял независимую торгово-экономическую политику.

И разве не беспрецедентной была эта находка — клад, обнаруженный так далеко от исходного пункта, Трапезунда, на мысе Пицунда? На множество невыясненных вопросов проливал свет изображенный на монете бог солнца и света Митра, восседающий на коне. А если удастся обнаружить еще хоть десяток-другой таких монет, то будет убедительно доказано, что Митра — главное божество Трапезунда. И уже никто не станет удивляться, что в этом эллинистическом городе представитель древнегрузинского языческого пантеона оказался выдвинутым на первый план.

Еще Ксенофонт называл Трапезунд многолюдным городом в стране колхов. Разве не говорит Ариан, описывая Трапезунд, что греческие надписи на шероховатых камнях воздвигнутых там жертвенников содержат ошибки? Какие у нас основания сомневаться в словах этого римского чиновника, исполнявшего поручение своего императора? Он недвусмысленно утверждает, что надписи составлены варварами. А под «варварами» он, несомненно, подразумевает колхов. Ему не нравятся статуи Гермеса и императора Адриана, Ариан считает их изваянными неумело, безвкусно, попросту — никуда не годными. Если бы представители правящих кругов города не были в своем большинстве «варварами», разве они позволили бы украсить свои владения «безвкусными» скульптурами?

В других городах Малой Азии не заметно и следа поклонения Митре. Отсюда следует, что в Трапезунде имелась этническая почва для торжества этого культа.

А нумизматика?.. Больше нигде — ни в одном царстве, ни в одном городе не изображали на монетах ничего похожего на Митру-всадника. Он характерен лишь для Грузии. Геммы, найденные в Самтавро, в Кутаиси и в Урбниси, неопровержимо свидетельствуют об этом. Недаром в древнегрузинском языческом календаре февраль был месяцем величия Митры...

Со второй половины третьего века Трапезунд перестает чеканить свои монеты. На всей же остальной территории Грузии продолжают вырезать Митру-всадника на драгоценных камнях.

Вывод: Митра возник на грузинской почве, он был главным божеством Трапезундского царства и слицетворял небесные светила.

Сколько еще нового и неожиданного может обнаружиться при разысканиях. Археология пролила свет на многие и многие тайны далекого прошлого. Лопата археолога — наиболее надежный инструмент исторической науки...

Что там еще в письме? Ах, да — едут также Лия и Гия.

Ох, эти Гии!

Они есть везде. Почти в каждом учреждении или организации найдется свой Гия. Подобно частицам пыли, они проникают всюду. И достигают всего — одетые со вкусом, вооруженные вкрадчиво-чарующими манерами, набитые новейшими анекдотами, с виду — но только с виду! — простодушно-откровенные, прекрасно владеющие искусством хорошо замаскированного подхалимства, великие мастера тостов, задающие тон за любым столом, бездарные, но восхваляемые всякими приспешниками как неповторимые таланты.

О, эти цветущие здоровьем люди спустыми душами и сердцами! Сладко тебе улыбающиеся и прячущие за спиной наточенный нож...

Но Лия?..

Отчего одаренность и красота так редко сочетаются друг с другом?

Не перегружены ли наши научные учреждения всеми этими Гиями и Лиями?

«Не зови меня больше дядюшкой, если не устрою тебя в аспирантуру и не сделаю сотрудником нашего института!»

Быть может, потому-то и получается, что множество больших, важных вопросов, стоящих перед нами, до сих пор не получили разрешения?

Шавлего отложил письмо и лег на кровать.

Ветки с виноградными гроздьями, развешанные на стене, потемнели за эти дни еще больше. Листья, высохнув, покоробились, свернулись в трубочки. Виноградины сморщились, гроздья стали сплошь коричневыми.

Да, надолго забросил я свою диссертацию... Не слишком ли увлекся сельской идиллией?

Большой соблазн заключало в себе письмо профессора Апакидзе.

Весна и осень среди пицундских сосен...

Морские купанья... Подстерегающий его взгляд Лии и ее вкрадчивые речи, предназначенные только для его ушей... Привычная сутолока... И в завершение — уцелевшие в вихре веков обломок бронзовой пряжки и бусинка из ожерелья какой-нибудь ислевшей в незапамятные времена придворной дамы, реликвии, с которых, трепеща от волнения, сдуваешь доисторическую пыль.

Но чем больше думал Шавлего, тем яснее ему становилось, что он не в силах уехать отсюда. В особенности сейчас. Неожиданный, отчаянный шаг словно разом перерезал все нити, связывавшие его с остальным миром. Лишь безмольное, неизменное и какое-то детски-наивное обожание Флоры несколько облегчало его душевную боль, лъстя оскорбленному мужскому самолюбию.

Что, если Шавлего сегодня же, вот сейчас, пойдет за ней и приведет ее к себе домой? Разве это не будет достойной мезью? Но это ведь будет и преступлением — по отношению к Флоре. И изменой самому себе. Разве ему, мужчине, сильному духом человеку, пристало поддаваться минутному чувству? Имеет ли он право отравить себе навсегда отмеренные ему годы жизни? Нет! У него есть более высокая миссия, нежели любовные интриги, — и он должен эту миссию выполнить. Вот посадит Реваза в председательское кресло, а потом, может быть... Может быть, потом он сразу уедет отсюда. На Пицунду. Чтобы там, на долгогоримом коне, подгоняемом шпорами светоносного Митры, привольно разгуливать по владениям отдаленных предков... Но почему так долго не видно в Чалиспири Реваза? Где это он запропал? Все уже подготовлено для его триумфального восстановления. Однако вот уже полтора месяца никто о нем ничего не знает. Куда он все-таки делся?.. И к Купраче давно не заглядывал. А его старуха-мать?.. Сидит, бедная, в своей дощатой хижине одна и со дня на день ждет его возвращения...

Мать...

Разве моя мать не намучилась, ожидая меня? А сколько времени она ждет, когда я, наконец, обзаведусь домом, семьей... Теперь уж, наверно, совсем потеряла надежду — Нино ей, конечно, кое о чем рассказала...

Шакрия... Шавлего горько улыбнулся. Хочешь, говорит, похитим ее и приведем к тебе домой?.. Вот дуралей! Может, он уже и сговорился с ребягатами? Надо мне разыскать его немедленно — как бы не натворил глупостей. А дядя Нико он-таки подсыпал перцу! Такого номера они ни разу не выпускали. Видно, сознание своей независимости и силы укрепило в них веру... Бедный покойный мой отец... Он никогда не пел. А если, бывало, напевал в задумчивости, то как-то жалобно, с грустью:

Эх, я потерял
Драгоценный лал...

Русудан... Моя Русудан... Гм!.. Если бы она любила меня, разве вышла бы за другого? А может, потому и вышла, что любила меня? Ну, наверно, все же не очень сильно любила, а то бы не пошла замуж... Впрочем, может, именно потому и пошла, что очень сильно любила? Моя Русудан... Моя маленькая Русудан... Ах если бы повторилась та ночь, та давняя ночь, когда я сторожил ее сон в пещере... Чего бы я не дал за это! Вот настанет весна — поднимусь в горы, в те места... Мы уговорились вместе там побывать... В тот день, когда я впервые прижал ее к груди у подножья старой крепости. Когда у нее перехватило дыхание от поцелуя, и она призналась, что чувствует себя счастливой — счастливее всех на свете... Мы условились тогда вновь посетить те места — вместе, вдвоем... А теперь я буду бродить один... Русудан! Хорошая

моя! Разве была еще у кого-нибудь такая милая, как моя Русудан. Она была создана для меня. Только для меня — больше ни для кого. Я... я покажу всем этим Закро... Ворам, крадущим любовь...

Он сорвал с гвоздя пальто и выскочил во двор.

* * *

Надувной поудобней устроил на плече пустые мешки, заложил руки за спину и подумал, лукаво усмехнувшись:

«Эх, вот бы мне сейчас тележку и осла будущего моего тестя! Но увезет ли на себе один несчастный осел все, что я заработал за нынешний год? А если нет, так взял бы ему в напарники самого заведующего складом. Разницы между ними ведь никакой — разве что уши... Да еще, пожалуй, Лео ходит иногда на двух ногах — если он трезв.

Надувной шагал осторожно, стараясь не ступить в грязь, перепрыгивая через лужи, то и дело поправляя на плече сползающие мешки, и все равно забрызгал себе брюки.

«Вчера наконец распогодилось — может, сегодня больше уже не будет дождя. Должен же быть на свете хоть какой-нибудь порядок! Впрочем, скажем спасибо хоть за то, что снег к дождю не примешался. Надо копать ямы. Если дождя не будет, завтра же погоно ребят на гору. А здорово мы там управились! Уже в этом году засадим весь склон фруктовыми деревьями.

Дядя Фома с ума сходит, готов, кажется, мой портрет в своей будке повесить. Эгей, Надувной, — значит, настали твои времена. Раньше тебя ругали да срамили, а теперь благословляют, нахвалиться не могут.

Эрман стал важный, надутый. Как это он так сразу научился нос задирать? Прошу его: подсоби нам у старой крепости, а он: «Мне самому теперь помощь нужна». С утра до вечера носится по селу как угорелый. Попробуй заставить его в сельсовете. Каждый день обходит всю деревню из конца в конец. Конечно — подняли сразу на такую высоту! Говорят, Медико его родственница. Ух, и злые же языки! Злые люди! Если кто-нибудь равный или младший выбьется в люди, для них это горше горького. А со мной Медико тоже в родстве? Впрочем, не удивлюсь, если завтра услышу и о себе что-нибудь в этом роде. Нет, брат, — что правда, то правда, Медико девушка хоть куда. Хватка и понимание у нее — дай бог каждому! Третьего дня приезжала, присутствовала на нашем собрании. Давай, говорит, жми, а если будет трудно, надейся на меня.

Я теперь, значит, секретарь комсомольской организации. У Медико глаз соколиный: она промашки не даст. Разумеется, комсомольским секретарем должен быть я — и давно уже. От огородных чувел настоящего дела ждать не приходится... Но тут, сдается мне, и Шавлего руку приложил.

Шавлего...

Как странно все обернулось! Правильно сказано, что человек предполагает, а бог располагает. Не покинь нас Шавлего, кто знает, что было бы сейчас, как шли бы дела... Если Элико моя вытворит такое... Сожгу ее дом и двор! С землей сравню! Перепашу и, когда травой зарастет, скотину пуцу пастишь.

Жаль мне Шавлего. Жаль, как родного брата. А он и виду не подает. Вот каким должен быть настоящий мужчина! Временами, видно, когда ему совсем невтерпех, он срывается. Вчера, не попадись я на пути, бог знает, каких бед натворил бы... Еле удалось увести его домой. И от такого человека отвернуться... Эх, женщины!

Похоже, что проясняется. Может, дождя не будет?.. Завтра надо выгнать ребят на гору, копать. Ямы должны быть далеко друг от друга. Надо слушаться дядю Фому, нечего жадничать. Лучше сажать деревья не слишком тесно... А если сегодня выйти — чем плохо? Грязь, слякоть? Ну так что ж? На болоте грязи было больше. Право, надо сегодня же вывести ребят. Зачем нам день простаивать? Отдыхать пока еще рано. Мы еще молодые. Возраст энтузиазма... Вот пойду потороплю с распределением — чтобы скорей заканчивали, и — на гору. Если поднимемся среди дня и каждый успеет выкопать хоть по одной или по две ямы — и то выигрешь.

На этой неделе надо созвать еще одно комсомольское собрание, поговорить о весеннем севе. Лексо и тех двух мальцов примем в комсомол. Поговорим заодно и об осушенном болоте. Вода, кажется, уже ушла, можно пахать. Ух, какие там вырастут арбузы! Да и огородные культуры пойдут не хуже. Вот — источник дохода! Караджальцы на одних помидорах миллионерами стали. А скоро и фрукты в новом саду поспеют.

Надо мне заглянуть на опытную станцию в Телави. Сулханишвили — хороший человек, даст мне там все посмотреть...

Не надо и про виноград забывать. Мне кажется, Шавлего прав. Наши края — места виноградные. Лоза дает гораздо больший доход, чем зерновые культуры. И прекрасно сделали, что запланировали на этот год разбивку новых виноградников на большой площади. Взять хотя бы только Максимово — это ведь золотое дно! Дядя Фома говорит, что там уже ко второму году лоза будет толщиной с большой палец!

Когда Шакрия добрался до зерносушилки, там уже взвешивали, кому сколько полагалось на трудодни. Дело было в разгаре. Ребята укладывали кули, набитые кукурузными початками, на конные тележки.

— Ну-ка, побыстрей, давай, давай! — Шакрия помог одному, другому поднять мешок... — Отвезете зерно домой и тут же, не задерживаясь, — обратно. Вся наша бригада к полудню должна собраться у старой крепости. — Он бросил свои мешки на кучу кукурузы. — Ну-ка, Лео, пошевеливайся и ты. Поскорей отпусти ребят, чтобы успели вовремя вернуться.

— Мне спешить некуда.

— А нам к спеху. Значит, и ты должен поторопиться.

— Мое дело — выверять весы и записывать, сколько кому отпущено. Остальное — их забота, вон тех, вон тех, что зерно в мешки насыпают.

— А ты что, не можешь мешки наполнять?

— Может, еще взвалить их на себя и оттащить к тебе домой?

— Ей-богу, я всю дорогу об этом думал — надо бы только хомут приладить, а там тебя и в тележку запрягать можно.

— Хомут тебе больше подойдет, Надувной! Даже «здравствуй» человеку не скажешь, сразу начинаешь ругаться.

— С чего ты взял, что я человеку «здравствуй» не говорю? Я еще никогда с людьми не был невежлив. Только ты-то при чем тут? Советую — поостерегись, а то как бы я и впрямь не сказал тебе чего-нибудь обидного. Глядеть на весы да килограммы записывать — дело нетрудное. Сумеешь и писать, и накладывать — не надервешься.

Лео окинул взглядом изрядную кучу кукурузы и злобно уставился на Шакрию.

— Что, в бригадиры вылез, так сразу и в голову бросилось, Надувной?

Шакрия скорчил брезгливую гримасу.

— Пусть так... А вот, куда тебе, дружок, бросилось, окажись ты на моем месте?

Зарскладом пробурчал как бы про себя — но достаточно громко, чтобы было слышно всем:

— Принесло его... Такого не тронь — развоняется!

— Слышите, ребята, что он мне говорит? — Надувной огляделся. — Ей-богу, Бочоночек, пришел бы я тебя на месте, да боюсь — мокро станет.

Дата и Джимшер зашлись смехом и едва не вывалили на землю полный мешок.

— Ладно, Надувной, коли торопишься, так что же нас задерживаешь? — Лексо стал складывать свои мешки поближе к весам.

— Бьюсь об заклад: если тебя в воду бросить — не потонешь.

— Отстань от него, нам еще и пшеницу вешать.

— Ей-богу, не потонет. Хотите — попробуйте. Всю свою кукурузу ставлю.

— Ты не хлопнул ли стаканчик с утра? Не отрывай человека от работы.

— Говорю вам, не потонет. Ставлю всю кукурузу и еще пшеницу в придачу. Хотите попробуем?

Лео встревожился: от этого полоумного всего можно ожидать. Он искоса глянул на большую застоявшуюся лужу, полную темной жижи, в которой любили валяться буйволы.

Надувной расхохотался и перебросил свои мешки на кучу пшеничного зерна.

Дата вскинул на весы последний свой мешок с пшеницей.

— Сколько?

— Семьдесят один.

— Не хватило мне мешков, ребята. Одолжите кто-нибудь — только довести до дому.

— Погоди, свешаем свою, если останется свободный, одолжим.

— Зачем тебе еще мешок? — прищурил один глаз Лео.

— Не в кармане же унести тридцать пять кило!

— Какие тридцать пять? Тебе полагается еще три кило с половиной. Все в этом мешке поместится.

— Ты что, спятил? Давай сюда наряд, — схватил его за руку Дата. — Думаешь, я слепой? Прочти, что тут написано!

— Я раньше тебя все прочел.

— Так что же ты мудришь, Бочоночек? Решил меня обставить? Видите ребята? Вместо тридцати пяти кило дает три с половиной! Может, тебе и впрямь захотелось в прохладный день искупаться?

Лео рассердился.

— Хочешь, подсыпь еще три с половиной кило, а нет, так забирай мешок как есть да проваливай. Тридцать одно кило с половиной за тобой уже числится.

— Этот человек с ума меня сведет! Почему числится? Покажи документ с моей распиской. Или хоть скажи, когда это, в какой день я забрал зерно. Эй, Бочоночек, глазки у тебя разбегаются по сторонам, как игральные кости... А ну, посмотри хорошенько в свои бумаги! Кого обманываешь? Числится! Может, тебе вареный индюк мерещится, глаза тебе застит?

— Сам ты индюк! Удержу по тридцать одному кило с половиной и с тебя, и с Шота. Ступайте, жалуйтесь на меня куда хотите.

— Что! И с меня? Да он пьян, ей-богу, пьян, собачий сын! Что ты с меня удержишь, дубина? — вскинулся в свою очередь Шота.

— Пшеницу. И с тебя, и с Дата.

— За вами за обоими числится.

— Что числится, почему числится? Когда мы брали?

— Летом. Забыли, как вы с Дата, когда возили пшеницу в Заготзерно, стянули по пути целый мешок, шестьдесят три кило? Государство обкрадывать никто не позволит. Те шестьдесят три кило и послал с вашими сменчиками, в следующий рейс. И не из своего кармана пшеницу доставал. Вот сейчас с вас и удерживаю. Колхоз тоже своим добром не поступится. Скажите лучше мне спасибо, что так легко отделались.

Шота посмотрел на Дата, тот в свою очередь на Лексо, и снова повернулся к заведующему складом.

— Не ври, лео, ты тогда нас обсчитал, недодал один мешок.

— Ничего не обсчитал. Разве мы не все мешки по счету погрузили, Шота?

— Как будто все. Правильно.

— Куда же девался один мешок? Кто его взял? Не потеряли же по дороге?..

— Ума не приложу.

— И я, признаться, не понимаю.

— Весовщик в Заготзерне, вроде, тоже принял без обмана.

— Не мое дело. Я записал шестьдесят три кило на вас обоих. Вышло тридцать одно кило с половиной на каждого. Ну, снимай свой мешок. Люди торопятся. И других надо вовремя отпустить.

— Тогда удержи и с меня. Ведь и я был с ними тогда. Втроем мы зерно возили, втроем и должны за него отвечать.— Лексо вышел вперед со своим мешком.

— С тебя никто не спрашивает. Не суйся вперед без спросу. Шекспир сказал...

— Что сказал Шекспир, не знаю, а я говорю: раздели недостачу на троих. Раз с этих удерживаешь — удержи и с меня. И я там был.

— Пожалуйста. Мне не жалко. Не моя печаль.. Глупая голова всегда в проигрыше. Ни государство, ни колхоз свое добро разбазаривать не позволят.

— А то ты свое отдашь и на чужое не позаришься!

— Эй ты, убудюк, сиди лучше в уголке да помалкивай, как бы на тебя кто не наступил!

— Я тебе такой угол покажу...

— Ну, ну, смотри у меня!

— Бросьте дурить!

Надувной, сидевший до сих пор в молчании на куче пшеницы, встал, схватился за свой полный увязанный мешок и подтащил его к весам.

— Лео прав, ребята. Нельзя ни по заготовкам зерно недодать, ни колхозное присвоить. Только Дата и Шота ни в чем не виноваты. Выдай обоим, сколько им полагается, пусть забирают. Ту пшеницу, Бочоночек, я взял. Вот мой мешок — возьми у меня шестьдесят три кило.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Шавлего остановился и посмотрел вверх.

На верхушке кипариса заливался самозабвенной песней дрозд.

Шавлего любил этот сад. С тех пор как в Телави разбили новый большой парк, горожане редко заглядывали сюда. Но недавно «старый» сад обновили, посадили в нем много новых деревьев. Столетние вязы, липы и ясени переплелись

ветвями, как обнявшиеся танцоры в круговой пляске, разросшийся плещ обвивал зубцы замка Ираклия.

Давно уже Шавлего не совершал такой основательной прогулки по Телави. Как все здесь изменилось — город казался ему почти незнакомым.

Новые многоэтажные дома.

Административные здания.

Гостиница и больница.

Великолепная турбаза и общежитие пединститута.

Огромный еще не законченный стадион под горой Надиквари...

И куда это запропастился Надувной? Пошел доставать машину... Держу пари — считает камешки во дворе у заведующего винной точкой...

Мимо проехала «Победа», свернула в соседний переулок и остановилась. Из машины вышел Купрача.

— Целую неделю тебя не видел!

— Не мудрено — я не выходил из дому.

— Хотел бы я знать, что ты пишешь такое, что даже поглядеть на солнышко недосуг?

— Тебе вряд ли будет интересно.

— А все-таки?

— Исследование: новая технология переработки ресторанных объедков в сырье для изготовления хинкали.

— Смотри, изобретений у меня не красть — а то в суд подам. Хоть в долю возьми.

— Согласен. Ну, я еду в Чалиспири.

— И я туда же. Сейчас вынесу бочонок и поедем.

— Это и есть наш винный подвал?

— Он самый. Спускайся со мной — не пожалеешь.

— Я подожду в машине.

Шавлего сел в машину и захлопнул дверцу.

Через несколько минут они выехали из города и покатали по шоссе.

— Слыхал я — покинуть решил Чалиспири?

— Верно.

— Совсем уезжаешь?

— Совсем. А что?

— Да так. Не хочу, чтобы ты уезжал.

— Монах бежит — монастырь остается на месте... Разве тебе не спокойней будет без меня?

— Нет. Того, что ты имеешь в виду, мне и до твоего приезда хватало. И сейчас хватает. А к тебе я привык. Без тебя в деревне станет пусто. Только не пойми меня как-нибудь иначе. Я такой человек — с самим господом богом чиниться не стану: образования, правда, не получил, но как попадется книга под руку, непременно прочитаю. Всякие я книги читал, и из истории тоже.

— Чудной ты человек, Симон.

— Уж какой есть. Буду огорчен, если уедешь. Ей-богу, буду очень огорчен.

— А если не уеду, может статься, наглухо закрою тебе путь к золотоносной жиле.

— Ты об этом не печалься. Ты мне один путь закроешь — я найду сто других лазеек. От сотворения мира одни ищут брод, чтобы через реку перейти, а другие не могут глоток воды раздобыть, пропадают от жажды.

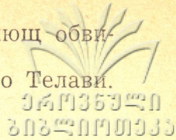
— Мне эта философия непонятна. И у меня с тобой все равно никогда не будет взаимного понимания. Это — волчья философия. Ты должен благодарственный молебен отслужить по случаю моего отъезда. Есть старинная индийская пословица: «В лесу, где нет тигра, шакал раджа». Только знай: в этом лесу остается тигр, который положит конец твоему владычеству гораздо раньше, чем ты даже можешь предположить.

Губы Купрачи искривила насмешливая улыбка.

— Знаю, на кого намекаешь, но пусть тебя обманывают его разглагольствования. Такие говорят одно, а делают другое. Купрача видал людей поопаснее. А я тебе скажу вот что: нет безвыходных положений, есть только неверные пути. Ты вот индийцев знаешь — а я тебе турецкую мудрость напомню: поступи так, как мулла говорит, а не так, как мулла поступает. Ну, а о волках, это ты мне напрасно... Я давно уже сыт по горло. Сейчас я скорее похож на льва, которого радует победа, а не добыча.

— Жаль мне, что у тебя нет образования. Может, тогда ты пошел бы другим путем.

— Будь я образованным человеком — сумел бы найти не сто, а сто два обходных пути. Что для одного полезно, то для другого — смерть. То, что одни бранят и проклинают, другие славят и почитают.

— Умный ты человек, Симон, только все же голова у тебя засорена житейской шелухой.

— Да сейчас в каждом номере газеты, на каждом собрании вы последние ми словами поносите таких, как мы. А все-таки жизнь на нас-то и держится. Газвернутая торговля — источник богатства, Ну-ка присмотришь, какое идет в Телави строительство — что строятся и для каких целей. Спросишь — услышишь один и тот же ответ: торговая сеть — богатая организация, кому же строить, как не ей? Ну, а строит она, конечно, для себя. А что делать организациям, у которых нет средств? Дали бы мне право, так я обложил бы все городские торговые учреждения особым налогом, начиная с директоров и заведующих и кончая последним мелочным торговцем в уличном киоске. Да и многие неторговые учреждения тоже заставил бы платить. С каждого брал бы определенную сумму и на эти деньги построил бы самые лучшие библиотеки, клубы и школы. Скажешь, не нужно? В иных школах дети в три смены учатся. Если подсчитать стоимость одних только машин, купленных на «левые» доходы, так хватило бы на постройку новых корпусов для пединститута. Что скажешь, не нужны? Скажешь, и без того хватает? Вот так-то! Главное — желание. Если ты твердо решишь расколоть камень, он сам тебе покажет скрытую трещину, куда надо ударить. Лишь бы нашелся человек, взял бы на себя такое дело — а я сам с удовольствием выложил бы хоть сто тысяч. А понадобится — так, может, и больше. Думаешь, очень у нас убудет? Все равно останется побольше, чем у вас. Да и то мы скоро все себе вернем — сдерем с вас же самих...

— А вдруг тебя выставят из твоей столовой — останешься без теплого местечка?

— Нашел чем пугать — вот уж не ждал от тебя! Меня сейчас огорчает, что в Чалиспири не останется с кем по душам поговорить.

— До девятнадцатого я, во всяком случае, не собираюсь уезжать.

— А что будет девятнадцатого?

— В этот день я поставлю в колхозе нового председателя.

— Нового председателя? Но ведь дядя Нико жив и вполне здоров! Не такой он растяпа, чтобы запросто уступить свой престол другому.

— Заставлю уступить.

— Очень сомнительно. А кого намечаешь на смену?

— Реваза.

— Реваза? — не мог скрыть изумления Купрача.

— Чему удивляешься? По-твоему, плохая кандидатура?

— Да нет, не плохая, но... Что народ скажет?

— Народ? Ты думаешь, народ верит тому, что на него наклепал дядя Нико?

— По-моему, это дело у тебя не пройдет.

— Что заставляет тебя сомневаться?

— В райкоме у Нико много сторонников, да и народ не так уж им недоуобен. На собрании непременно будет присутствовать секретарь.

— Мне все равно, кто будет присутствовать. После Нико председателем станет Реваз.

— Допустим. Только неизвестно, когда Нико уйдет со своего поста.

— Девятнадцатого. В этом месяце, девятнадцатого числа.

— Ты так думаешь?

— Уверен.

— Что ж... Может, Теймураз возьмет сторону Реваза... Хотя, это такой человек... Он даже на яйце углы да ребра ищет.

— Послушай... Я знаю, почему ты уезжаешь из Чалиспири... Знаю, что два акробата на одном канате плясать не могут. Но... разве мутной водой нельзя пожар потушить?.. А если к тому же вода и не мутнее любой другой, и вообще ничем не хуже... Тогда...

— Тогда вот что: к тому, что знаешь, прибавь то, чего не знаешь. Потом умножь произведение на частное, вычти множитель, и если окажется недостаточно, полученную сумму можешь со мной не делить.

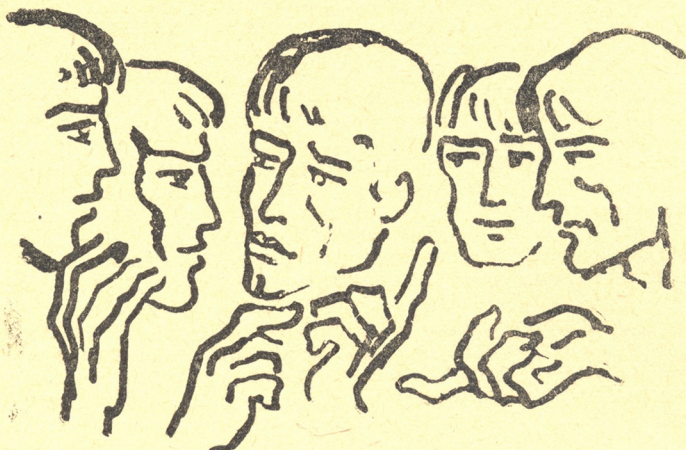
— Извинился бы перед тобой, только не привык, — проворчал Купрача, а про себя подумал:

«Не стучись даже тихонько, одним пальцем, в чужую дверь, если не хочешь, чтобы в твою грохнули кулаком... И не суй руку в пасть льва, чтобы пощупать ему большой зуб».

До самого Чалиспири он не проронил больше ни слова.

Конец первой части второй книги

Авторизованный перевод Элисбара АНАНИАШЕИЛИ

С ПОДНЯТЫМ ЗАБРАЛОМ

●
П о в е с т ь
●

— Телеграмма! — кричали во дворе.

Я вскочил, набросил на плечи халат и опрометью сбежал по лестнице.

С волнением надорвал я узенькую бумажную скрепку, развернул телеграмму. «Встречай приезжаю с Куджи тчк Муртаз». Я вздохнул с облегчением и отер рукой вспотевший лоб.

Почтальон чего-то мешкал, топтался на месте. Сообразив, в чем дело, я пошарил по карманам, хотя отлично знал, что они пусты. Сгорая со стыда, я неловко улыбнулся, потом вдруг схватил почтальона за руку и крепко пожал ее.

Сон как рукой сняло. Да ну его к черту, сон! Сколько бессонных ночей было у меня за эти четыре года! И ничего со мной не случилось. Бывало, две, а то и три ночи кряду не удавалось поспать, когда требовало дело. Но тягостна ночь, которую коротаешь наедине со своими грустными мыслями.

Далеко от меня, куда поезду нужно добираться целый день, — мои ребята и моя работа. И мое сердце. Только тело мое здесь, в этом городе. Я лежу на спине, заложив руки за голову, уставившись в потрескавшийся потолок, и жду рассвета. А когда ждешь, так медленно тянутся минуты и часы... Недолгие часы, когда весь Тбилиси обьят глубоким сном.

Глухая тишина, глухая ночь. Только изредка пронесется запоздалая машина, и долго после того слышен удаляющийся гул мотора и шелест шин по мостовой.

Я боюсь завтрашнего дня. Боюсь этой тишины и мыслей, которые так осмелели под ее крылом.

* * *

Четыре года мы с Куджи Херхеулидзе знаем друг друга. Четыре года мы дружим, мы встречаемся и расстаемся, и вновь встречаемся, и с каждой нашей встречей я открываю в нем все новые и новые достоинства.

Впервые я его увидел на футбольном поле, и он сразу же привлек мое внимание. Как оголтелый, гонялся он за мячом и кричал охрипшим голосом:

— Подай, куда смотришь! Эх, ты!.. Давай, давай!

В публике смеялись, кто-то, подзадоривая его, кричал:

— Бей, дядя Куджи!.. Ой, ой, догонит он тебя! Бей!

Глядя тогда на Куджи, я подумал, что в свое время он, вероятно, был спортсменом.

Помню, тот матч происходил в канун праздника — шестого ноября. На следующий день, седьмого, я приоделся и вышел погулять. Поселок был украшен флагами, транспарантами, цветами. Вдруг я увидел Куджи. В пиджаке цвета хаки, на котором пестрели колодки орденов и медалей, в начищенных до блеска сапогах шел он бодрым шагом, мурлыча какой-то марш, знакомый мне с военных лет. Значит, подумал я, Куджи был на фронте.

Спустя неделю на стройку прибыл новый поток рабочих. Когда они прыгнули с машин, Куджи вдруг бросился к одному из них и сгреб его в охапку своими ручищами — медведь да и только!

— Васька, друг! — услышал я его радостное восклицание.

— Дядя Куджи! Ты жив? — Васька так же неуклюже обнимал Куджи, хлопал его по плечам. Они долго тормошили друг друга, обнимались. Вечером я случайно слышал, как Куджи рассказывал кому-то: «Вот когда мы с Васькой строили «то», а когда мы строили «это», вот когда прокладывали «то-то»...»

Следовательно, — заключил я, — наша стройка для Куджи — не первая.

Незаметно таял, худел календарь, теряя свои листки. А для меня все яснее, все четче становился образ строителя, обретал все новые черты. И в конце концов я увидел его во весь рост, и Куджи сделался моим неразлучным другом.

Куджи уже не молод, да все не решится обзавестись семьей. Сказать правду, о семье он попросту никогда не думал, не думал и сейчас. Семья у него ассоциировалась с состоянием покоя, с кастрюлями, одеялами, собственным домом, банками с вареньями и тому подобными вещами. Его всегда удивляло, как и почему люди, таща все это в дом, беспрестанно думают о еде. Он не был мудрецом, но улыбался снисходительной философской улыбкой, прощая людям все это и стремление к продолжению рода.

Однако женщин он любил! И сейчас, будучи в солидном возрасте, он заглядывался на хорошеньких женщин. Где ни увидит смазливое личико — останавливается и провожает взглядом, только украдкой, чтобы никто не заметил. Любил он и рассказывать о своих приключениях, причем рассказывал увлекательно, живо.

Надо сказать, что у женщин он пользовался успехом. В молодости имел он довольно привлекательную наружность, был большой охотник до кутежей и веселья. Деньги у него всегда водились и тратил он их щедро, тратил бесшабашно, и, наверное, потому всем казалось, что денег у него гораздо больше, чем на самом деле. Своего дома у него сроду не было, он жил где придется, пил с кем придется и работал, работал, работал... Это он тоже любил — работать. Так пролетали годы. Так прошла молодость.

Время и различные невзгоды (у кого их нет!) наложили на Куджи свой отпечаток, силы были уже не те, глаза потеряли былую зоркость, но сердце — сердце оставалось молодым и в желаниях был он по-молодому порывист.

Куда только не забрасывала его судьба и собственная беспокойная натура! Он участвовал в создании колхозов, он строил РионГЭС, прокладывал дорогу в горах Сванетии, сражался у озера Хасан, потом — на фронтах Великой Отечественной, с вещмешком за плечами прошел всю Европу, после победы работал на виноградниках Молдавии, косил траву на лугах Украины... И в конце концов вернулся на родину. Вернулся и вдруг осознал, что и ему, как любому другому, грозит «цейтнот»: молодость уходила, как песок сквозь пальцы — не удержать, и оставалось несделанным, незавершенным что-то главное... всю жизнь он кому-то помогал, всю жизнь он куда-то спешил, заботился и хлопотал обо всех — только о себе не помнил. И вот — ни двора, ни кола, ни жены, ни детей, сам-большой... Сердце его никогда не знало покоя: вдруг, внезапно, раскрутится какая-то пружинка, и все приходит в движение, нарушая не так давно установившийся порядок, и Куджи срывается с места и едет куда-то, где он и сам не знает, что его ждет и что потянуло, привлекло...

Скорым поездом пронеслась жизнь. Из окон этого поезда глядел Куджи — сперва улыбающийся, веселый, беспечный, кудрявый, потом с поредевшими на висках волосами, и потом уже лысый...

Седьмой год работает Куджи на строительстве ИнгуриГЭС. За это время не раз пружинка вот-вот готова была раскрутиться, да, видно, годы давали себя знать. Может, так, а может, и нет... Куджи подсознательно чувствовал: почему пружинка не могла раскрутиться: дело было в том, что Куджи обычно оставлял стройку или какую другую работу только тогда, когда считал свою

миссию там выполненной. Но, может, он все же постарел? Что ж, наверное, и постарел, но не настолько, чтобы помышлять о пенсии. Что с того, если он уставал быстрее, чем прежде! Стройка велика, найдется подходящая работа и для Куджи.

Сразу же по приезде Куджи обнаружил здесь добрых два десятка знакомых. С незнакомыми перезнакомился и передружился за несколько дней.

Он обошел стройку из конца в конец и решил обосноваться именно на том участке, где теперь работаю и я. Стройка, правда, шла пока только на бумаге — на чертежах, проектах, и домов в поселке было — по пальцам сосчитать, но чутье старого строителя подсказывало Куджи, где поднимется плотина, где пройдет дорога, а где перекинется мост и прорежется тоннель... Часами ходил он по дну будущего водохранилища, внимательно разглядывая и детально изучая местность.

Случилось так, что Куджи назначили комендантом общежития. Кого только он не перевидал здесь за шесть долгих лет! Приезжали парни — молодцы хоть куда, рьяно брались за работу, да пыла их хватало на месяц-два, а уже если зима бывала суровая, они уезжали ни с чем — ничего не дав и ничего не приобретя. Куджи не удивлялся и не возмущался — знал по опыту, что поначалу на всякой стройке так и бывает.

Встречались и такие, которые с виду вроде бы не внушали никакого доверия, однако на деле оказывались парнями что надо.

Откуда только не ехали на ИнгуриГЭС! С разных концов страны стекался сюда народ. Пестрый люд. Поди-ка разберись, кто чего стоит, кто работник, а кто шаромыжник. На лбу-то ничего не написано... Иных при первых же трудностях как ветром сдувало, иные осваивались, может, и с трудом, но привыкали... И прилеплялись душой. Стройка, как сито, просеивала людей — оставались только зерна.

Четыре года назад был случай: сбежал парень из девятой комнаты второго этажа. Сказать правду, этот рыжий верзила с первого взгляда не понравился Куджи, и он вовсе не печалился бы о нем, если бы не гнусный поступок, который тот совершил, так сказать, под занавес. Рыжий прихватил с собой казенные простыни, пододеяльники — прямо с постелей товарищей — и чей-то свитер. Как говорят в народе, укравший верблюда и укравший иголку — оба воры. Куджи это хорошо знал, и все же ему было больно за этого рыжего болвана, за этого молодого, сильного парня, который позарился на постельное белье и яркую тряпку! Узнав о воровстве, Куджи бросился в девятую комнату, надеясь, что лучше всех его душевное состояние поймут ребята из этой комнаты.

Оказалось, что полчаса назад вора видели на плотине. Вечерами, известно, машин отсюда почти нет, а пешком далеко не уйдешь. Через четыре часа ребята его настigli. Привели в общежитие, втолкнули в комнату коменданта, Куджи посмотрел на него — и с трудом узнал. Ярость коменданта улетучилась, уступив место острой жалости. Здорово отделили ребята бывшего товарища! В разорванной рубашке, весь в крови, в ссадинах, парень стоял перед Куджи дрожа всем телом.

— Дядя Куджи... не сообщай в милицию, умоляю тебя! — лепетал он. — Отец покончит с собой, если узнает... прошу тебя, дядя Куджи...

Ребята стояли, готовые броситься на него и наддать еще.

По сей день мы спорим меж собой: прав ли был Куджи в том, что не общил о случившемся в милицию и не разрешил нам расправиться с тем парнем. Тогда мы были полны отвращения, презрения, но все же простили его, отпустили ему этот великий грех, не заклеив его с первых же шагов самостоятельной жизни позорным клеймом вора.

После той истории мы стали относиться к Куджи с еще большим уважением.

Кстати, в девятой комнате в то время жил и я, но, когда ребята бросились в погоню, я не пошел с ними — я приехал всего несколько дней и, никого еще толком не зная, решил не вмешиваться.

Помню ту беспокойную ночь... Я не мог оставаться в опустевшей комнате и вышел. Поселок был освещен. Лесистые горы вокруг постепенно уходили в темноту — косматые великаны... Где-то пела гитара, звонко, заливисто смеялась девушка. Я шагал не спеша сперва по асфальту, потом по каменистой дороге в гору. Поселок остался слева. В кустах что-то зашуршало, вдруг шархнулось мне в ноги и промчалось к лесу. Наверное, заяц... А может, лиса... А может, овчарка? Словом, я почему-то струхнул и для храбрости начал насвистывать. Это помогло. Постепенно я увлекся своими мыслями, страх прошел. Долго я бродил и все думал о том парне, о других моих новых товарищах — кто они, что за люди, почему именно к ним пришел Куджи?

Очнувшись, я обнаружил, что далеко ушел от поселка. Светила полная луна. Скоро здесь вырастут корпуса домов... Я опустил на камень, огляде-

ся. ИнгуриГЭС... Строительство огромной плотины... Здесь мне жить, здесь работать, дружить, волноваться, радоваться... Наверное, я знал бы о стройке только из газет или радиопередач, не провались я на приемных экзаменах в институт. У меня было много товарищей по несчастью. Вскоре все, кроме меня, начали работать. Тогда я пошел в райком комсомола и попросил, чтобы мне помогли устроиться на работу. Мне предлагали работу самую различную, специальности-то у меня никакой не было. Я долго ни на чем не мог остановиться, просто ничего подходящего не было. В один прекрасный день секретарь райкома, испытующе поглядел на меня, выдвинул ящик своего письменного стола, вытащил оттуда какую-то бумажку, сложенную вдвое, и протянул мне.

— На, возьми. Ознакомишься дома. Если окажется тебе по душе, завтра же сообщи. Выпишу тебе путевку, и айда!..

Вот что я прочел в той бумажке:

«Дорогой друг!

Сегодня ты получил путевку на строительство одной из величайших гидроэлектростанций нашей страны — Ингурского каскада. На реке Ингури поднимается гигант советской гидроэнергетики. Строительство, где тебе предстоит работать, — величайший комплекс уникального гидротехнического сооружения, в который, помимо арочной плотины высотой в 271 метр, входит деривационный тоннель длиной в 15,1 км, подземное здание основной гидроэлектростанции, канал длиной в 33 км, плотина, которая создаст Гальское водохранилище, канал длиной в 22 км, четыре перепадные гидроэлектростанции, 14 строительных поселков с населением свыше 25 тысяч жителей.

Одновременно со строительством Ингурской гидроэлектростанции строятся семь автомобильных и железных дорог в сотни километров, сооружаются мосты, различные базы, объекты строительной индустрии, что является мощным рычагом экономического, культурного и социального развития для четырех районов Западной Грузии.

Что ждет тебя на нашей стройке?

Сдельная премиальная система оплаты труда, благоустроенное общежитие. В настоящее время идет интенсивное строительство жилых домов в поселках. По культурно-бытовым условиям и с точки зрения архитектуры это будут дома современного типа.

На стройке тебе откроются большие возможности для получения квалификации и образования.

В настоящее время на базе строительства открыто пять вечерних школ рабочей молодежи, филиал Всесоюзного гидроэнергетического техникума, учебно-консультационный пункт заочного отделения Грузинского политехнического института имени В. И. Ленина.

На февральском пленуме Центрального Комитета ЛКСМ Грузии в 1965 году ИнгуриГЭС была объявлена комсомольской ударной стройкой. С того дня по инициативе комитета комсомола стройки и первичных комсомольских организаций создано 28 комсомольских молодежных бригад.

Если ты, товарищ, пожелаешь овладеть новой профессией, можешь приобрести ее в наших профессионально-технических училищах, которые готовят специалистов многих профилей.

В благоустроенном поселке 11 клубов и библиотек, 4 средних и 3 восьми-летних школы, 2 благоустроенные больницы, 14 детских садов и ясель, где воспитывается 3500 детей наших строителей. Свободное время ты можешь провести на стадионе, на спортивных площадках, плавательных бассейнах.

От тебя же, дорогой друг, стройка ждет самоотверженного труда, активного участия в общественной жизни, уважения славных традиций нашего коллектива.

Совсем скоро благодаря твоему и нашему общему самоотверженному труду ИнгуриГЭС встанет в строй — зажгутся яркие огни, и тогда ты вместе с нами будешь иметь право с гордостью сказать: «И я строил ИнгуриГЭС».

Добро пожаловать на комсомольскую ударную стройку ИнгуриГЭС...»

* * *

Долго вертел я в руке эту бумажку, долго думал, но, так ничего и не надумав, вышел на улицу.

Был конец дня. Люди возвращались домой с работы. Солнце палило немилосердно, на проспекте было многолюдно, яблоку негде упасть.

Тем, кто впервые очутится в Тбилиси, туристам в частности, может показаться, что в этом городе никто не работает и улицы переполнены бездель-

никами — столько вокруг солнца, столько скверов и садов, так не спеша ша-
ествуют тбилисцы... А именно в это время идут по улицам люди, уставшие за
целый день работы, идут характерным только для тбилисцев, особым тор-
жественным шагом, на первый взгляд беззаботные и беспечные, будто во
только что они оставили в саду игру в шахматы или домино и, чтобы убить
время, направляются в ресторан.

Смеркалось, когда я вернулся домой. Наши уже отобедали, мать мыла
посуду, отец читал газету, младшая сестра играла с котенком.

— Почему ты опоздал к обеду? — укоризненно глянув на меня, спро-
сила мать.

Я ничего не ответил, подошел к отцу и положил перед ним буклет с при-
зывом. Отец взглянул на меня поверх очков, отложил в сторону газету и стал
читать буклет.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Мне было слышно, как в соседней
комнате отец с матерью о чем-то спорили полупшепотом, замолкали на время
и снова продолжали спорить.

Утром, перед уходом на работу, отец заглянул ко мне. Я еще лежал в
постели. Он начал разговор так, будто мы всего лишь три минуты назад пре-
рвали беседу.

— Этот вопрос ты должен решить сам. Ни я, ни мать ничего не можем
тебе посоветовать... Подумай как следует, взвесь все... — сказал отец и повер-
нулся уходить. Я соскочил с кровати, подбежал к нему.

А ты бы как поступил?..

Отец остановился, по обыкновению посмотрел на меня поверх очков и сказал:
— Я бы пошел... Слава богу, здоровье у тебя отличное, парень ты креп-
кий, и не из робкого десятка...

Три дня спустя отец, мать и сестренка провожали меня на вокзал. Мы
чуть не опоздали. Я долго махал им рукой. А поезд все набирал скорость.

При расставании три четверти печали достается на долю провожающих.
Уезжающий увозит с собой лишь одну четверть.

Мчался поезд и уносил меня в незнакомый край, к незнакомым людям,
к незнакомой работе...

* * *

Ачико, кажется, набрался ума. Набрался ума, но не знает еще, как ему
теперь жить. Он только что вышел из больницы... А лечили его там от алко-
голизма. Когда он попал туда в первый раз, его продержали несколько дней
и выписали. Во второй раз срок пребывания в больнице значительно увели-
чился. В его выздоровление уже никто не верил.

— ...Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять...

Оглушенный, он кое-как привстал на одно колено, потом на другое:

— Десять!

Ачико снова на ногах! Пошатывается, но держится.

— Буммм!

Борьба закончилась. Проиграл Ачико, но на ринге он все-таки не валяет-
ся. Посмотрим, поймет ли он, как ему с этого дня жить?

Скажу заранее — окончательно свалить Ачико не так-то легко.

* * *

Последней порцией водки с пивом его угостил какой-то знакомый. Ачи-
ко заметил, как буфетчик подмигнул этому знакомому и сказал что-то вроде
того, что, не давай, дескать, ему (Ачико) пить, он сегодня уже в который раз
здесь. Знакомый что-то пробубнил — наверное, какое-де это имеет значение.
не я, так другой его напоит, а то сам он раздобудет трояк и надрызгается.

Ачико было безразлично, о чем говорили эти двое. Главное было выпол-
нить сегодняшнюю «норму» — и доползти потом до постели.

Сказать правду, он люто ненавидел тех, кто его «угощал». Связывало
его с ними лишь то, что большею частью у Ачико не было денег на водку, а
у них они были.

Еще в школьные годы Ачико стремился всегда находиться в центре вни-
мания, быть всегда главным. Порой он даже стыдился подобных желаний.
Тем не менее его самолюбие приятно щекотало удивление и восхищение прия-
телей: «Ачико вчера выпил пять бутылок вина!», «Ачико кутил со студен-
тами»...

Он постоянно ошивался среди каких-то, в общем-то полужнакомых лю-
дей. Он просиживал с ними за столом до глубокой ночи. Может, потому, что

боялся остаться наедине с самим собой? Теми шутками, которыми сегодня он сыпал в одной компании, вчера он развлекал других собутыльников, а позавчера — еще каких-то. Оставаясь же в одиночестве, когда ему некого было удивлять и восхищать, он впадал в какое-то непонятное беспокойство. В такие ночи он с нетерпением ожидал рассвета. Втайне ненавидя алкоголь, он все-таки мечтал напиться.

Сегодня так же, как вчера и позавчера... Он не собирался нарушать привычный ход своей жизни. Проснувшись утром, он решил — выпью чуть-чуть, чтобы опохмелиться, чтобы только прошла головная боль.

Это было обычной историей. Он считал, что вино повышает настроение, что вино и водка ему необходимы, как машине смазка.

Однажды, когда он вдруг уразумел, что далеко зашел, его забрал страх, — а что если все станут над ним издеваться? Товарищи, устав его тщетно увещевать, по одиночке отходили в сторону, и Ачико искал опору среди новых друзей, моложе него. Но и они некоторое время спустя уходили своей дорогой и перепоручали Ачико «последующим поколениям».

Шли годы. Но для Ачико время, казалось, заморозилось. Ачико, казалось, и годы-то не берет. Он беседовал и балагурил с парнями лет на десять моложе него с легкомыслием и беззаботностью их ровесника. Но, всегда опасаясь, как бы над ним не подшутили, не посмеялись, он спешил сделать это первым, причем шутки его бывали ядовиты и неприятны.

Давно уже друзья перестали приглашать его к себе в гости, давно перестали подкидывать ему деньги. Все они давно избрали себе путь в жизни, твердо стояли на ногах, имели любимое дело, а он все мыкался по закусточным да по духанам. На него махнули рукой — погибший человек, пропойца! Бывшие друзья сторонились и избегали его — никому не доставляло удовольствия выслушивать его язвительные речи. А Ачико, еще более озлобясь, случайно встречая кого-нибудь из них, кричал вслед (ведь они даже не останавливались!): «Эй, профессор, светоч науки! Поди сюда, выпей сто грамм с язвой общества!»

Его не раз устраивали на работу, но «период трезвости» длился месяц-два, после чего вместе с трезвостью Ачико терял и работу.

* * *

Разбитый и обалдевший от водки, Ачико приоткрыл дверь своей квартиры. Мать, изнуренная болезнями, увядающая, но все еще сохранявшая горделивую осанку женщина, сидела в обществе двух соседок. Они пили чай.

— Пришел, сынок? Почему ты опоздал? — спросила мать светским тоном, так, словно опоздал он впервые.

Ачико, не отвечая, чмокнул мать в щеку, поздоровался с соседками и в изнеможении опустился на тахту.

Соседки затанов дыхание слушали и наблюдали.

С домашними и близкими семье людьми мать говорила по-русски, будто бы подчеркивая этим интимность беседы.

Все те же разговоры, те же соседи, те же родственники!.. Уходя из дому — надо поцеловать мать, вернувшись тоже, все равно, пьян ты или трезв... Мать считала, что этот ритуал необходим для интеллигентной семьи. И поскольку ее семья — семья интеллигентная и поскольку в такой семье сын не может быть пьянчужкой, говорить о пьянстве Ачико здесь было не принято.

— Что ж, он еще молод, вот остепенится... — снисходительно улыбалась мать, беседуя с родственниками и соседями, и всем им ничего не оставалось, как соглашаться с ней. Ведь они наизусть знают рассказы о его дедушке, знают, каким он был блестящим офицером, как он купал лошадей в шампанском, — да, да, в шампанском! А сколько было у него долгов и сколько женщин таяло от любви к нему!

— Моя радость, он вылитый дед! — умилялась мать. — Тот же орлиный взгляд, та же осанка, и кутежи он любит, как дед! Что ж, пусть веселится, пусть развлекается, пока молод...

Соседки слушают, время от времени кому-нибудь из них и удается вставить словечко — это не так-то просто, мать без умолку что-то рассказывает, кого-то порицает, кого-то поучает...

Сегодня Ачико выпил меньше, чем вчера, но так худо ему еще не было. Ноги отяжелели, словно к ним привесили десятипудовые гири, в ушах и в голове беспрерывно звенело, гудело, он так обессилел, что с невероятным трудом заставил себя подняться и сделать несколько шагов, чтобы выйти в соседнюю комнату.

Не раздеваясь, он повалился на постель. Гостей ему было видно в открытую дверь, но слышать их он уже не мог. Постепенно он погрузился в ка-

кое-то марево. Он не спал и не бодрствовал. Его лихорадило. Лица сидящих за столом женщин то желтели, то белели. Потом вдруг вместо лиц он увидел голые черепа с оскаленными зубами, услышал стук костяшек скелетов под платьями. Потом на подоконник вскопчила белая курица, склонив набок голову и уставилась сощуренными глазами на Ачико. Беки у курицы были совсем не человеческими, с ресницами, на ногах — не по три, а по пять пальцев... Из-под крыла торчал градусник. Курица смотрела, смотрела на Ачико и вдруг заговорила голосом его бывшего декана: «Я служил венецианскому правительству...»

Курица исчезла так же внезапно, как появилась. Вместо нее в комнату впригнула обезьяна, повисла на люстре, покачалась, покачалась и вдруг стала грызть шнур маленькими острыми зубками...

У Ачико пересохло во рту, шум в ушах перешел в грохот. Ему казалось, что он лежит не в своей комнате, а в заводском цеху, перед зевом огромной раскаленной печи.

Откуда-то доносились неясные голоса, какие-то люди грозили ему смертью и все не могли договориться между собой — распилить его на куски пилой или забросить в печь...

Ночью у него поднялся жар. Он кричал, метался, рвал на себе одежду. Все тело покрылось сыпью и зудело. Сознание временами возвращалось, но в больницу его привезли уже совсем без памяти. Диагноз был — острое отравление алкоголем, белая горячка.

Мать Ачико кусала губы, ломала пальцы и без конца повторяла шепотом: «Господи, до чего я дожила! Белая горячка... В нашем роду?!»

Первые дни в больнице Ачико не помнит. Наконец он пришел в себя. Попросил есть. Потом он увидел врача. У врача было очень знакомое лицо, но Ачико не мог вспомнить, где он его видел.

— Проснулся, Ачико? — улыбаясь, спросил врач и присел на стул. — Дайка руку... Ага, ничего, ничего... Не волнуйся, все будет в порядке. Может, хочешь что-нибудь? Мама твоя только что ушла и скоро вернется. Я сообщил нашим ребятам, что ты болен, они вчера вечером приходили. И сегодня придут. Словом, все будет хорошо, не волнуйся!

«Нашим ребятам»? Кто это «наши ребята»? Ачико долго не мог сообразить, о ком говорил врач и откуда ему знакомо его лицо. Наконец он вспомнил — он учился с ним в школе, то ли в восьмом, то ли в девятом классе. А вот как его зовут — этого он уж не мог вспомнить.

«Не хватало, чтобы он стал учить меня уму-разуму», — подумал Ачико и закрыл глаза, так ничего и не ответив врачу.

Вечером пришли «наши ребята». Пришли вчетвером. Шутили, вспоминали старые, давно забытые истории школьных лет.

И потянулись мучительные для Ачико дни! Ребята, словно отбывая какую-то повинность, приходили каждый вечер. Чтобы скрыть неловкость, они громко разговаривали, смеялись, всячески старались втянуть в беседу и Ачико. О его болезни ни словом никто из них не обмолвился, будто у него насморк был, что ли...

Вскоре Ачико начал ходить по палате.

— Чего ты все молчишь, Ачико, скажи хоть что-нибудь, — сказал ему кто-то из них.

— Арчил, ты прочел книгу, которую я тебе принес? — спросил другой.

«Если бы вы только знали, как действуете мне на нервы! — думал Ачико. — Поделом мне, я сам во всем виноват. Сам докатился...» Он не знал, почему его раздражали эти парни, вернее, он не задумывался над этим, не искал причины. Он знал, что они, конечно, желают ему добра, полны стремления помочь своему бывшему однокашнику...

Возможно, это и раздражало его. Он был горд и самолюбив. Да, он пьяница, но ведь он сам ущемил свое самолюбие. Он сам исковеркал себе жизнь и сам, без посторонней помощи выберется из ямы, в которую угодил.

Первое письмо, которое Ачико не написал матери

Здравствуй, мама! Пишет тебе твой недостойный сын... Впрочем, в то, что я «недостойный» уверовали все, кроме тебя.

Как я вижу, приезд сюда отнюдь не принес мне пользы. Как я был наивен и глуп! Что я здесь потерял, в этой глуши, в грязи и пыли, среди людей, таких чужих мне...

Давно я не пил, не брал в рот ни капли! Признаться, у меня и желания нет выпить. Но ты себе не представляешь, мама, как мне трудно ходить целые дни праздным и трезвым!

«Прикрепили» меня (как это здесь говорят) к экскаваторщику. Называюсь я его заместителем и помощником, а в чем ему помогать и как — понятия не имею. А он, видно, злится, что я не помогаю. И я злюсь — чего он от меня ждет? Мы совершенно разные люди. За целый день словом не перемолвемся.

Боже мой, до чего же длинен рабочий день!

А как пролетал, бывало, день в Тбилиси!

Кажется, я все же сглупил, приехав сюда и решив, словно ребенок, начать «новую» жизнь.

В общем, посмотрим, сколько я выдержу, насколько захватит меня этот «трудовой пафос», «энтузиазм ударников»...

Ачико достал сигарету, закурил. Прежде, когда он на три-четыре дня бросал пить, им овладевала такая же тоска и тревога, как сейчас. Потом начинали болеть ребра. А он ощущал страшную слабость, боялся всего и всех и болезненно воспринимал каждое услышанное слово.

Ачико давно уже выписался из больницы и давно работает здесь, на строительстве ИнгуриГЭС, но это неприятное чувство его не покидает...

В воскресный день стройка похожа на декорации уже отыгранного спектакля. Тихо, пустынно... Не слышно гула и рева машин, грохота взрывов, криков людей... Никто никуда не спешит. Смирно стоят огромные грузовые машины, словно сытая скотина в хлеву (кто знает, а может, когда человек отводит от них взгляд, они даже жвачку жуют?!). Подремывают экскаваторы. Подъемный кран, удивленно вытянув шею, взирает на недостроенный каркас здания...

А неподалеку от поселка, меж двух расколотых скал, мчитя Ингури. Ингури не может успокоиться, словно чувствуя, что вскоре плотина преградит ему путь, он хочет успеть до того часа пронести как можно больше воды, свободно, вольно промчать себя... Ингури не хочет успокоиться, он безумствует, он рычит и в ярости грозит кому-то. Для всех сегодня — день отдыха. Для всех, кроме Ингури...

Ачико шел по тихим улочкам поселка. Шел, подкидывая носком туфли камешек. Женщины развешивали белье. Собаки, с необыкновенно деловым видом бегая по улице, обнюхивали друг друга — здоровались при встрече. Мальчишка залихватски мчал на велосипеде, а за ним бежали с десятком сорванцов, его приятелей и умоляли дать прокатиться разочек. Ачико подумал — эх, было бы у меня столько денег, чтобы каждому купить по велосипеду. Засмотревшись на них, он чуть не столкнулся с Куджи, вынырнувшим из-за угла.

— Привет! — Куджи протянул ему руку.

— Здравствуй, — неохотно ответил Ачико и хотел было пройти мимо, но Куджи остановился, и Ачико тоже остановился.

— Будь оно неладно, это воскресенье! Не знаешь, куда себя девать!.. — заговорил Куджи ворчливо. — Футбол — вечером, кино — вечером, а днем?.. Особой любовью к книгам я не пылаю... Хотел выпить, что ли, черт поberi, да эти паразиты меня опередили — укатали в Зугдиди, видите ли. А я, знаешь, не с каждым могу выпить. И чего они в Зугдиди таскаются, каждое воскресенье, понимаешь, едут, чего они там потеряли? Девчонок и здесь, слава богу, хватает, кроме того, здесь можно такое достать, что в Зугдиди днем с огнем не сыщешь. Эх... Хотя бы лето было, окунулся бы!..

— Да-а-а, — протянул Ачико, выслушав эту тираду без особого сочувствия, просто из вежливости.

Куджи вдруг закашлялся, выкинул недокуренную сигарету, сплюнул и послал проклятие в адрес того, кто выдумал табак.

— Если тебе делать нечего, пошли в лес. Я там расставил силки, авось кто и попался...

Ачико последовал за ним без раздумий. Он как раз не знал, как бы убить время.

По правде говоря, несколько человек здесь ему нравилось, среди них и Куджи. «Энергии этого человека хватит на маленькую электростанцию», — подумал он как-то раз, глядя на вечно хлопочущего, беспокойного и неутомного Куджи.

— Эге-гей, Павле! Что, удачно поохотился? — окликнул Куджи стоявшего на балконе мужчину. Тот что-то ответил, подкрепляя слова энергичным жестом.

Ребятишки мелом выводили на стене свои автографы.

— Эй, вы, безобразники, а ну марш отсюда! — беззлобно прикрикнул на них Куджи.

Навстречу шла высокая полная молодая женщина с улыбающимся лицом, окруженная целой ватагой ребятишек мал-мала меньше.

— Ой, Маринка, — приостановившись, обратился к ней Куджи. — Поеди-ка ты своего дубину-мужа на режим, хватит тебе каждый год пухнуть.

Та только засмеялась и шлепнула по затылку одного из своих мальчишек.

Так они шли, Куджи и Арчил, по воскресным улицам рабочего поселка.

А когда они вошли в лес, Арчилу в нос ударил ошеломляющий, опьяняющий запах — запах палой листвы, влажной земли, грибов и папоротника. «Интересно, если в силки попалась птица, Куджи отпустит ее?» — подумал Арчил.

Куджи будто бы подслушал его мысли:

— Знаешь, если попадет обыкновенная какая-нибудь птица, я ее выпускаю. Вот жулана мечтаю поймать. В прошлом году он мне попался, а я на него такого ястреба поймал, любо глядеть было! А ты с ястребом охотился?

— Да нет, я с собакой и то не охотился, — улыбнулся Ачико.

— Вот так дела! Ты что же думаешь, здесь надо только работать и работать? Отдыхать тоже надо. Погоди немного, ястреб мой оправится — приболел он чего-то, — и я тебя такими перепелками накормлю — пальчики оближешь!

Долго они ходили. Наконец Куджи остановился возле какого-то куста, пошарил под ним и с сожалением сказал:

— Куда там... Ничего нет, пусто!..

Возле второго куста он сказал почти то же самое. И возле третьего. А возле четвертого:

— Тьфу, сатана! Сглазил, что ли, кто-то...

Они постояли там с минуту, и вдруг Куджи, заглянув Ачико в глаза, спросил:

— По вину не скучаешь, а?

Ачико внутренне содрогнулся и промолчал, не зная, что ответить.

— Чего скучать?.. — пролепетал он наконец.

— Да так... ведь может человек соскучиться по чему-либо?

— Может, конечно

— Да вот и я об том говорю... Если не тянет пить, чего же лучше. Чего же лучше, если вообще не тянет...

— Хватит! Я у вас совета пока не просил. Понадобится — в первую очередь к вам обращусь, — еле слышно проговорил Ачико и, повернувшись, зашагал прочь.

— Арчил! Ачико! — бросился за ним Куджи. — Не сердись, брат, если тебе неприятно, я вообще не зайнусь!.. Я подумал, может, помогу тебе, поддержи, что ли... Ты ведь ходишь, как неприкаянный, я же вижу... места себе не находишь. Нельзя так, поверь ты мне. Я, брат, вдвое старше тебя, а ведь я не обиделся, когда Муртаз сказал: «Зачем Куджи жена, он на всех женщин как на сестер смотрит». Кто как на кого смотрит, я им еще покажу, этим болванам, ладно, ничего... Мы же люди, Арчил, мы должны поделиться друг с другом, сказать друг другу, что болит... Если все в сердце таит, не выдержит оно, разорвется.

Ачико шагал, будто не слушая Куджи.

— Я видел, брат, совсем пропащих людей, а что ты! Ничего, все будет в норме... Труд заставил обезьяну спуститься с дерева на землю, труд превратил ее в человека...

Лесу конца не было. Ачико пытался идти быстрее, но ноги скользили по листьям, и он вынужден был шагать рядом с Куджи и слушать его.

— Да, вот так вот, братец... Думаешь, я не вижу, что ты все не можешь привыкнуть к новому месту, все маешься... Ты сейчас — как рыба, выброшенная на берег. Бросить пить — это еще не все. Надо еще втянуться в работу, полюбить ее, подружиться с ребятами, понять их, узнать, чем они дышат, что они за люди. Знаешь, Арчил, я тебе скажу прямо, — может, ребята, что с тобой в одной комнате живут, все, вместе взятые, не прочли за свою жизнь столько книг, сколько ты один, но это, понимаешь, люди! Послушай ты старика Куджи, и увидишь, все образуется. Правильно сделал твой врач, посоветовав тебе ехать сюда...

У Ачико ноги окаменели. Он застыл на месте. Потом резко повернулся к Куджи, Куджи в это время, нагнувшись, шарил под каким-то кустом.

— Кто вам это сказал? Что вы знаете, что вы вообще можете обо мне знать!.. — выдохнул он и двинулся на Куджи.

Тот смотрел на него снизу вверх сосредоточенно, нахмурившись. И вдруг просиял, выпрямился — а Ачико, взбешенный, стоял над ним — и воскликнул:

— Жулан, жулан, Ачико! Птаха ты моя родная, жуланушка милый!

Ачико, совершенно сбитый с толку, смотрел на Куджи, и постепенно губы его начали растягиваться в улыбку, сжатые в кулаки согнутые руки опустились. Он улыбнулся, потом просто рассмеялся, и все.

Всю обратную дорогу Куджи без умолку болтал о жуланах, о ястребах и зайцах, Ачико слушал, то улыбаясь, то посмеиваясь, и украдкой, искоса поглядывал на молодое, мощнистое — как печеное яблоко — лицо своего спутника.

* * *

Меня выбрали в комитет комсомола. Собрание в тот раз сильно затянулось. Присутствовали секретарь райкома, специально приехавший из Зугдиди, и наш главный инженер. Я был так взволнован и, честно говоря, обрадован, что все время глупо улыбался и то и дело пожимал кому-нибудь руку. После собрания секретарь райкома попросил остаться членов бюро, поздравил нас еще раз с высоким доверием и долго беседовал с нами. Так что, когда мы вышли, наконец, на улицу, было уже темно, но поселок еще не спал.

В нашей комнате собрались ребята — ждали меня. Как только я вошел, поднялся невообразимый шум и гвалт. Хлопали в ладоши, кричали «ура», топали ногами. Кто-то стал петь марш, брэнча на гитаре.

В общежитии все уже знали о том, что меня выбрали в комитет. По этому поводу в нашей комнате был накрыт стол. Зелень, сыр, колбаса, рыба и вино, конечно.

Чуть не следом за мной вошел Куджи с большим свертком в руках. В свертке оказались три отварные курицы.

— Да здравствуют куры! — завопил кто-то.

— Эх, мои дорогие! — с притворной грустью проговорил Куджи. — Знаете, как говорится, — если бедняк ест курицу, значит, либо курица была хвора, либо сам человек нездоров.

— Ладно, хватит прибедняться, скажи лучше, где ты взял этих замечательных кур?

Тамадой избрали Куджи. Виночерпием назначили Ачико — все равно, мол, он не пьет, пусть развлекается.

Первый тост Куджи провозгласил за меня. Из этого его тоста выяснилось, что я похож на Юлия Цезаря, да и на Гиппократа смахиваю, а вот Бисмарк передо мной вообще пешка.

После нескольких стаканов Куджи захмелел и обратился ко мне уже иным тоном:

— Эй ты, — сказал он, — ты и вправду возомнил себя великим человеком! Гляди-ка на него, уже третью ножку обглаживает, а?! Скромность и умеренность украшают человека, знаешь ты об этом? Подайте ему редиску, да, да, редиску! Сыр он не любит, и колбасу тоже...

Я испугался, что мне и вправду, кроме редиски, ничего не достанется, и еще усерднее принялся за курицу.

А Куджи тем временем продолжал:

— Дети мои! Вы еще и не родились, когда я комсомольцем был! Комсомол — великая сила, братцы, это-то, знаете!.. Да, ходил я в ту пору в папаче, на боку — маузер в деревянной кобуре, и конь у меня был, и даже фэ-тон!.. Во! А вы? Галстуки носите, франтите, за смазливými девочками волочитесь. В мои времена, бывало, кто с девушкой в драной телогрейке пройдет, тому честь и хвала! А если девка еще и в солдатских сапогах, да коротко острижена и говорит хриплым голосом, это значит — высший класс! За таких мы дрались. Да-а...

А то вот еще какая история случилась... Я тогда в техникуме учился и был председателем учкома. Невзлюбили мы нашего математика — очень уж строг был и требовал слишком... не нравилось это нам. Мы не долго церемонились — постановили на заседании учкома и на комсомольском собрании: снять его с работы. К тому же мы узнали, что он был женат на дочери бывшего богача. Ну и сняли его с работы. А уж потом, много лет спустя, я узнал, что бывший наш педагог стал заслуженным педагогом республики, что он автор нескольких учебников, что он работает в одной из тбилисских школ и награжден орденом Ленина...

А потом, потом получилось так, что многие из тех, кто был в комитете, стали либо кондукторами, либо комендантами... Да, если бы у нас хватало ума, мы избегали бы многих глупостей. А почему мы ошибались? Да потому, что опыта работы не имели, строили новую жизнь, а не было у нас за спиной поколения, которое подавало бы пример. Глядишь — директором завода

сидит семнадцатилетний юнец, ни знаний у него, ни опыта, ни житейской мудрости, одни идеи и энтузиазм.

Так вот и росли, так вот и строили, и нужду знали, и лихо, — все было. Сами учились, и других учили... Зато теперь какое у нас поколение, а? Смотреть люблю! Эх, ребята, ребята!..

Куджи отер пот со лба. А мы сидели примолкшие. И он продолжал:

— Вот вы пригляделись, какой народ у нас на стройке работает? Ни один из них не захочет ни поваром, ни буфетчиком быть — спокойно очень. А у них избыток энергии, так они ее, эту энергию, совсем не по назначению растратили бы...

Он помолчал, потом почему-то ко мне обратился:

— Ты как думаешь, раньше все сражались в армии либо Буденного, либо Киквидзе? Все ХрамГЭС строили? Все с кулаками боролись? Ни черта! Многие из дому носа не высовывали, в страхе ждали, что же будет-то... у камелька сидя ручки грели... Они тоже были молодцы, но избрали участь стариков, они ушли из мира, так и не познав прелести борьбы, не вкусив сладости победы и не испытав горечи поражения... Да, дети мои, так все оно и было. Смотрю я на вас и радуюсь, что вы лучше нас, что вам и живется лучше... И не верьте тем старикам, которые твердят, будто молодежь нынче хуже пошла, а вот в наше время, а вот мы были... Нет, эти разговоры — стариковская болезнь. Еще до нашей эры, бог знает в каком веке, один из египетских фараонов велел написать на камне: «Боги, защитите нас от нынешней молодежи!» Видите, какая это древняя история... Каждое новое поколение лучше предыдущего. Не будь этого, мир давно бы захирел и погиб. Вот почему я так люблю вас, вот почему я всегда хочу быть с вами, хочу, чтобы у меня по-прежнему билось сердце. Потому, наверно, я не люблю смотреть в зеркало... Когда я вам сказал, что вы ходите расфранченные, бегае за красивыми девушками — я не упрекал вас, нет... Мне чуточку завидно, потому что... потому что сейчас грош цена моей красивой одежде, ни одна девушка и не обернется в мою сторону...

Налейте мне вина, шалопаи вы этикие!

Второе письмо, которое Ачико не написал матери

Здравствуй, мама!

Никак не напишу тебе — ты ведь знаешь, терпеть не могу писать письма. Как ты живешь, что нового у наших родственников, у соседей? Скажи им, что Ачико исправился, что пицци для сплетен и пересудов у них уже не будет.

Впрочем, в чем мне надо было исправляться? Был у меня один недостаток — пил не в меру много. Я не пью, следовательно, недостатка уже нет, исправился, не так ли?

Но не все так, оказывается, как я думал. До «исправления» далеко. Главное, я не знаю, как работать, как вести себя с товарищами во время работы. Не смог я понять, как здесь говорят, трудового народа. Другие, вот, я замечаю, работают с легкостью, а я мучаюсь. Неужели не разгорится во мне «искра творчества»?

Боюсь я. Не нахожу общего языка с окружающими. А возвращаться домой и снова встречаться со всеми теми, среди кого жил до этого, — еще страшнее, еще тяжелее. Спрашивать у тебя совета — ну что ты мне посоветуешь!

Боюсь я, мама, боюсь... Может, я ошибся, приехав сюда, ошибся, начав искать новые пути в жизни?..

* * *

Было около пяти часов дня. Куджи шел берегом Ингури к тому месту, где, как он предполагал, должен был сейчас находиться Ачико. Солнце припекало всюю. Даже близость реки не чувствовалась. Воздух был душный, жаркий.

По мере того как Куджи шел, все отчетливее становился грохот экскаватора, и вскоре он увидел саму машину. Экскаваторщик снял с себя даже майку, сидел за рулем голый по пояс.

— Эй, Сократ, помолчи на минуту! — крикнул ему Куджи и помахал рукой.

Сократ остановил машину, неторопясь вылез из кабины и вымазанной в машинном масле рукой отер потный лоб.

— Здравствуй! — протянул ему руку Куджи.

— Здравствуй! — Сократ вытер ладонь о штанину и только после этого пожал протянутую руку.

- Как дела?
- Да так себе.
- Идут?
- Идут.

Куджи достал сигареты. Оба закурили.

- А где Ачико? — спросил Куджи.

— Да пропади он пропадом!

— Опять не помогает?

— Да ну его, — Сократ в сердцах сплюнул.

Они курили и молчали. Экскаватор негромко тарыхтел.

— Куда он пошел? — спросил Куджи.

— Туда, — Сократ кивнул головой в сторону леса.

— Давно?

— Да около часу будет, — ответил Сократ и забрался в кабину. Экскаватор забасил. Куджи бросил сигарету и направился к лесу.

* * *

— Здравствуй, — протянул руку Куджи.

— Здравствуй, — Ачико привстал, вытер о штанину выпачканную в земле руку и протянул ее Куджи.

— Как дела? — спросил Куджи.

— Да так себе, — ответил Ачико.

— Продвигаются?

— Продвигаются, — горько улыбнулся Ачико и, снова сев на землю, посмотрел на небо.

Куджи достал пачку сигарет, предложил Ачико. Закурили.

— Почему ты оттуда ушел? — спросил Куджи.

— Устал от грохота.

— Думаешь, другие не устают?

— «Другие» меня не касаются.

Куджи бросил сигарету и присел рядом на камень.

— Ачико, нам надо поговорить. — Голос у Куджи изменился.

— Новая ария из старой оперы? — раздраженно произнес Ачико.

— Да, новая, совсем новая, — нахмурился Куджи. — Ты, небось, думаешь — вот назойливый старикан, привязался со своими поучениями, не так ли? Думай, что хочешь, но знай одно: этот мой разговор — последний. Я не обязан ходить за неисправимым бездельником и то и дело поучать — так не следует поступать, а так следует...

— Буду очень признателен! — подчеркнуто вежливо пробасил Ачико.

— Ты, брат, иронию для других побереги. Над Куджи никто еще не смеялся. Если я говорю с тобой, значит, считаю это своим долгом, обязанностью. Только потому я сказал тебе в тот раз и сейчас повторяю: я встречал и совсем пропавших людей, но...

— Что «но»? И их ты «исправлял», как меня?

— Короче, разговор с тобой излишен. Я хотел помочь тебе, поддержать тебя, как отец. Не вышло. Теперь говорю тебе как старший, говорю как человек, заинтересованный в успехе стройки: уезжай, уходи отсюда. Возвращайся туда, откуда пришел. На стройке тебе не место. Не работаешь, дармоедничаешь, да еще свысока на всех смотришь...

Ачико вскочил, бледный как никогда.

— Да, но кому я мешаю?!

— Всем. Ты мешаешь всем. В комнате вас четверо. Трое работают не жалея сил, а ты мудствуешь, сочиняешь какие-то теории, сбиваешь ребят с толку. Кто тебе дал на это право? Ты что, приехал сюда мешать людям? Да что далеко ходить, — почему ты не помогаешь Сократу, а? Не ты ли просил — дайте мне работу? Дали тебе работу. Думали, научишься чему-то, овладеешь профессией, и тебе польза будет, и стройке, а ты...

— Не делайте из меня предателя, Иуду! Я был бы предателем, если бы все мы сидели в лодке, полной воды, и все работали бы веслами и черпаком, а я загорал бы на солнце. Нет. В эту лодку я сел по собственной воле. Просто я не за тем приехал сюда, чтоб убивать себя работой. Если бы я хотел умереть, у меня был более верный путь к тому, ты сам знаешь. Кому я здесь мешаю? Я не работаю — мне не платят, и кончен разговор! Цель моего приезда сюда была иная...

— Погоди, погоди! Начнем с того, что цель у тебя была иная. Итак, что-бы бросить пить, ты решил сменить обстановку. Ты стеснялся тех, кто знал о твоей болезни. А физическим трудом думал вытеснить желание пить. Что же вышло? В Тбилиси тебя знают как пьяницу, на ИнгуриГЭС — как лодыря и бездельника. Поменял шило на мыло. Теперь куда? В Донбасс сбежишь, что ли?

Или еще куда-нибудь? Бегай, бегай, брат, но вспомни, пока не поздно, старую добрую истину: от самого себя не убежишь.

Ачико, понурившись, молча опустился на землю.

Куджи вытащил очередную сигарету — себе и Ачико. Закурили.

Некоторое время молчали. Вздыхал Ачико, вздыхал Куджи. Первым заговорил Куджи:

— Не сердись, сынок, на старика. Вижу в тебе хорошее, потому так в тебя вцепился — не хочу, чтобы ты пропал. А так — язык у меня не чешется, молчал бы себе...

История Иова

...Жил человек в стране Уц... Иов — имя его...

Был Иов богат и благополучен и любим господом. И вдруг он потерял все, что только может потерять человек — кроме жизни.

Послышался ему голос:

— Иов, этот дом, эти сады, леса и поля были твоими... Этот огород и собачья конура, в которой лежишь ты сейчас, тоже принадлежали тебе. Стада, которые пасутся на лугах, тоже были твоими. Иов, ты потерял все. Проклята безжалостно терзают твоё тело, язвы и струнья покрывают его... Что пуще всего тяготит тебя, Иов? То, что ты утратил богатство? Или то, что смерть унесла всех твоих детей? Или то, что валяешься ты в собачьей конуре, как собака?

— Отстань!! Я никому не нужен!

— Никому? Никому, кроме себя самого?

— Да, да, отстань!

— Скажи, что мучит тебя сильнее всего?

— То, что... то, что силы покинули меня... Что не надеюсь ни на кого...

— Кроме себя?

— Не надеюсь, нет... Я пал духом и стыдно мне...

— Это тебя мучит? Видишь, ты знаешь, в чем самое страшное!

— Знаю, да, но оставь меня!

— Оставлю, но сперва послушай: ты не хочешь быть слабым, ты хочешь бороться. Если ты не будешь бороться, лучше тебе сгнить, лишиться рассудка, уподобиться скотине!.. Пожелай что-нибудь, и я исполню твоё желание!

— Исцели меня!

— Но, может, я сатана и...

— Исцели меня! Мне все равно, кто ты — исцели!

— А если взамен я потребую твою душу?

— Исцели меня!! Никто не хочет мне помочь — ни бог, ни человек, ни сатана!..

— Иов, кто может тебе помочь, если ты сам себе враг? Все хотят помочь тебе, но все бессильны перед твоей гордыней. Побори самого себя!

Иов взревел, пытаясь заглушить голос, но голос все усиливался, рос, он уподобился грому... Так прошла ночь.

Утром Иов пал ниц. Молча лежал он без движения.

Иов поборол Иова.

С того дня язвы стали заживать.

* * *

Куджи молчал. Ачико сидел, уставившись в землю. Куджи показалось, что он вззоет сейчас, подобно Иову, но Ачико продолжал сидеть молча, как каменный. И наконец:

— Дядя Куджи...

— Что, сынок?

— Помоги мне, дядя Куджи...

Куджи хлопнул его по плечу и засмеялся:

— Это библейская сказка, сынок, однако, есть в ней смысл. Ты не Иов, и я не бог, но ты должен бороться с собой, прежде всего — с собой. Повторяю: труд создал человека, труд спустил его с дерева на землю. Конечно, я помогу тебе. Мы все поможем. Теперь бери еще сигарету и ступай-ка сейчас к Сократу. Постарайся сам найти с ним общий язык...

Это было несколько лет назад.

Ачико боролся с Ачико.

* * *

Юрий принимал солнечную ванну на раскаленной крыше общежития. Черт знает, чего он сюда забрался, на эту верхотуру! Можно ведь было спуститься к Ингури и валяться на речном песке...

Сидел Юрий на жаркой крыше и грыз семечки.

Из общезнания вышел Куджи с ястребом на руке.

«Как бы он тигра не убил», — усмехнулся про себя Юрий и на всякий случай спрятался за трубу: чего доброго, заметит его Куджи, потом неприятностей не оберешься.

В окне соседнего дома ему было видно, как переодевалась женщина. Женщина оделась, Юрий стал смотреть в другую сторону. К столовой подошла машина с картофелем. Ее ссыпали в огромные корзины и несли на кухню.

Столько картошки?! Юрий даже рассмеялся.

* * *

Несчастнее Юрия Белова в целом свете никого не было. Правда, мальчонкой он не чувствовал себя таким обездоленным — было у него хоть деревянное ружье. Но прошло детство и унесло с собой деревянное ружье, и фильмы, которые показывали в клубе, — фильмы о Зое Космодемьянской, о трех мушкетерах, о Чапаеве... Завилубом совсем обнаглел: как-то раз привез «Лебединое озеро», и Юрий целых полтора часа вынужден был смотреть, как на экране дрыгали ногами полуголые балерины.

Война кончилась за год до его рождения. Безжалостное время давно смело с лица земли и белогвардейцев, и кулаков, и басмачей... Не осталось никого, с кем Юрий мог вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть. И к тому же, рос он в такой деревне, где вообще вроде ничего и не происходило. Ни пожар не случался — хотя бы пожар тушить довелось, ни в реке никто не тонул, ни на железнодорожном полотне никаких происшествий, словом — тишь да гладь!..

Деревня Юрия была самой обыкновенной деревней. Колхозники выращивали картофель, подсолнух, откармливали свиней, доили коров, работали в поле, время от времени играли свадьбы. И свадьбы-то бывали все спокойные: гости только упивались до обалдения и проливали слезы любви. Никто не затевал драк, некого было разнимать...

Но была у Юрия тайна. Никто о ней не знал. Ночью, когда Юрий, погасив свет, ложился в постель, он погружался не в сон, а в мечты. Вот когда начиналась настоящая жизнь, полная тревог, приключений, борьбы! То он воображал себя невидимкой, то снакал на неоседланном коне по прериям с лассо в руках, арканя мустангов, то извлекал сокровища из трюма потопленной бригантинны... А днем герою-ковбою доводилось лишь копать картошку и лущить подсолнух...

Товарищи Юрия каким-то непонятным для него образом находили интересное и на свиноводческой ферме, и на выгоне...

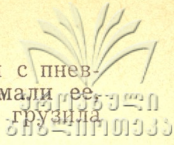
Юрия влекло куда-то, какие-то силы будоражили его. От работы он не то что не бегал — работал на совесть, но радости от нее не получал.

Наконец судьба улыбнулась ему: по окончании школы его призвали в армию. Попал он в хорошее место — на границу. Пробежали дни за днями, проходили месяцы. И прошло несколько лет так, что ни один шпион не попытался перейти границу! С какой надеждой выходил Юрий на пост! Все ждал: вот на этот раз обязательно что-нибудь случится. Но нет! Ничего не случилось. И не было на свете человека несчастнее Юрия Белова...

Кончилась армия. Ни за какие коврижки не вернулся бы Юрий в свою родную «картофельную» деревню. Мир велик, Юрий должен был найти такой уголок и такую работу, где каждый миг надо было быть готовым к борьбе, где необходима была бы его смелость, отвага, самоотверженность, где всегда было бы шумно, оживленно...

О Грузии Юрий слышал не мало, но видел этот край лишь на карте да на экране кино. До последнего времени и знать не знал ни о Зугдиди, ни об ИнгуриГЭС, и, когда вдруг попал сюда, все его поразило, все было необыкновенно интересно.

Тоннель показался внезапно, неожиданно. Огромный зев его зиял чернотой. Юрий почему-то думал, что тоннель будет коротким, но, оказалось, нет: долго они шли, прежде чем далеко впереди, в темноте, словно вперегонки друг с другом, замаячили огни, как светлячки. Грузовые машины свободно разъезжались в разные стороны, и свет их фар был словно луч жизни в царстве тьмы. Потоки воды бились в двери машины, в крышу, вода сочилась сверху, с еще не бетонированных стен, стояла внизу, как озеро... Еще при входе в тоннель Юрий услышал странный визг. Этот визг напомнил ему музыку из фильмов, имитирующую космические звуки. Огни, которые мерцали впереди, постепенно разгорались, стали яркими, как огни прожекторов. К визгу добавился звук, подобный звуку пулеметной очереди. Вскоре Юрий уви-

дел и «авторов» этих звуков — в конце тоннеля у скалы стояли люди с пневматическими молотами в руках. Они яростно боролись со скалой: ломали ее, крошили... Другая группа рабочих расчищала тоннель от породы и грузила ее на машины.

Провожатый Юрия, человек уже пожилой, которого все называли Куджи, взял его за локоть:

— Вот и твой бригадир, — сказал он и окликнул кого-то: — Эй, Амиран, останись на минуту, человека привел тебе.

Какой-то парень, вымазанный в земле, подошел к ним. Прислонил к стене свой молот, уставился на Юрия.

— Откуда приехал? — спросил он охрипшим голосом.

— Из Херсона...

— На взрывах работал?

— Нет...

— Так я и знал! О чем они думают! У меня же не детский сад, почему присылают младенцев! Теперь что же мне, его учить или дело делать?

— Ладно уж, не хнычь. Ты-то сам много знал, когда попал сюда? С виду он парень неплохой, может, и подойдет нам, — возразил Куджи.

Юрий хотя и не знал грузинского, все-таки понял, что бригадир не хочет его принимать, и от страха у него перехватило дыхание.

— Бери лопату и пошли... будешь работать на очистке, — неохотно проговорил бригадир и метнул на Юрия сердитый взгляд.

(Между прочим, голос у меня и вправду был тогда простуженный, хриловатый. Но насчет того, что я очень плохо встретил Юрия, — это уж Куджи поклеп на меня возвел).

Говоря по правде, мне было из-за чего сердиться. Опытных рабочих распределяли по другим участкам, а мне присылали зеленых юнцов, которых я с грехом пополам обучал-таки делу, и вот тут-то их у меня отбирали. «В другой бригаде отстают с планом, одного человека забираем у тебя, зато двух даем», — говорили мне в один прекрасный день, и — ломай голову, начинай все сначала. В конце концов я уже привык к этому положению вещей и спокойнее стал относиться к «заменам». Кстати сказать, Юрия я встретил уже гораздо мягче, чем его предшественников, но бедный парень так боялся, что его забракуют, и так ожесточенно размахивал лопатой, что я испугался, как бы он не изувечился в первый же день, и отпустил его домой за два часа до конца смены. Он решил, что я его выгоняю, у него даже подбородок задрожал. Я пожалел его и сказал:

— Ступай в общежитие, на сегодня хватит. Завтра прибавим еще час, а послезавтра будешь работать на полную катушку. Передай Куджи, что бригадир, мол, просит в его комнате тебя поместить, там есть свободная кровать. А ну, давай теперь, уматывай отсюда!

* * *

Я наблюдал за Юрием месяц, два и пришел к выводу: странный он парень. На все глядит он иными глазами, все видит совсем особо, не так как остальные. Для нас для всех машины есть машины, неодушевленные предметы. А для Юрия нет! Пневматический молот, которым Юрий работает уже довольно долго, оказывается, и не молот вовсе, а рука богатыря, который единоборствует со своим врагом — скалой. А в скале замурована невеста богатыря, и он попросил Юрия помочь ее освободить. Так-то...

Однажды шли мы на реку — купаться. И Юрий вдруг как закричит: «Смотрите, смотрите на ту машину, на ее фары, капот... Не похожа разве на дядю Куджи?» Мы все посмотрели, конечно, на машину, потом на Юрия с сомнением — не рехнулся ли. Перед нами стоял ЗИЛ-150. Может разве он походить на Куджи? А Ачико как расхохочется: «Ну да, правда похож на Куджи, когда он рассержен...»

Ачико с Юрием подружились в первые же дни. Работали они, правда, далеко друг от друга, но выходили из дому и возвращались всегда вместе, вместе ходили в столовку, словом, можно сказать, шагу друг без друга не делали. Если спорили они о чем-то, Ачико всегда спокойно доказывал свое и почти всегда убеждал Юрия. А Юрий был завзятый спорщик. В нашей комнате такой крик, бывало, поднимался, когда он с кем-то спорил, со стороны могли подумать, что у нас скандал идет. Ачико обычно молчал до поры до времени, но его авторитетное выступление было для Юрия последней инстанцией. Юрий, оказавшийся побежденным, молчал и только хлопал глазами со смущенным и жалким видом. Ачико не раз говорил: «В нашей комнате Юрий самый смысленный и способный парень. К таким чистым людям надо относиться бережно».

Юрий и вправду был способный человек. Свое дело он изучил быстро, через полгода он уже свободно говорил по-грузински, а через года подбора ли меньше он сдал вступительные экзамены в филиал гидроэнергетического техникума.

Как-то раз приехал к нам журналист. Надо сказать, что к нам они без конца ездят, покоя от них нет. Знаю, знаю, что дело это нужное, я и сам без газет и журналов жить не могу, но удивительно, вечно они приезжают именно тогда, когда конец квартала или еще что-то в таком роде и работы невпро-ворот. Приезжают, расхаживают с восторженным видом, задают кучу наивных вопросов, записывают, щелкают фотоаппаратами, а на прощанье всем пожимают руки и приглашают в Тбилиси (все больше оттуда к нам едут). Приглашают, а ни имени, ни адреса своего ведь не скажут, да мы и не думаем к ним в гости ехать, но так уж, к слову пришлось... Я даже предложил однажды на комсомольском собрании: давайте, говорю, будем встречаться с журналистами после работы, будем беседовать с ними хоть до утра, все, что им интересно, расскажем. Все меня поддержали, да на том дело и кончилось.

Да, словом, приехал журналист и — ко мне. Стоит передо мной с таким видом, будто тоннель только для того и проводили, чтобы он в газете про то написал. Мне было не до разговоров, и я попросил Юрия с ним побеседовать.

Вечером из общезития вызывает меня главный инженер. Вхожу к нему, смотрю — гром и молнии мечет.

— Ты знаешь, говорит, какой был бы скандал, если бы я случайно не прочел записей этого корреспондента? Как вы смеете! Что вы себе думаете! и Пошел, и пошел... Завтра же устрой собрание и сдери шкуру с этого болвана!

Оказалось, Юрий начудил. Он рассказал корреспонденту вот что: «наша бригада ударная, работаем по 18 часов в сутки. Место нашей работы находится как раз под городом Гали. В нашей смене четыре Героя Социалистического Труда, а у бригадира нашего — две Золотые Звезды. Ежемесячно в среднем мы получаем 900 — 1000 рублей...» Словом, наплел с три короба, а корреспондент все и записал. Что было делать, этот вопрос мы вынесли на собрание, да и в нашей комнате устроили Юрке разнос. Под конец Ачико сказал ему пару слов, спокойно, как всегда, но Юрий был совершенно убит и едва не плакал.

Третье письмо, которое не написал Ачико

Здравствуй, мама!

Сколько времени я работаю на ИнгуриГЭС и вряд ли написал тебе с десятков писем. Зато от тебя письма приходят часто.

Ну, что тебе сказать... Живу я хорошо, так хорошо, что ты и представить не можешь. Поздоровел, мускулы у меня такие, что ты и не поверишь — неужто этот богатырь твой сын. Впрочем, ты мне сама говорила, что и дед мой был здоровяк и силач, выпивал по десять бутылок шампанского, потом садился на коня без посторонней помощи и носился как ветер. Коль скоро я упомянул о шампанском, расскажу тебе вот о чем: недавно в нашей комнате устроили кутеж. Я, конечно, не пил. В разгар общего веселья подсел ко мне Куджи Херхеулидзе (я тебе писал о нем) и заставил выпить два стакана шампанского. Я боялся, но ведь ему нельзя не покориться, — выпил. Представь, от этих двух стаканов я слегка захмелел, но пить мне больше не захотелось. А Куджи смеялся — нам, говорит, монахи не нужны, на кутеже чуть-чуть, а надо выпить. Вот, мама, какие дела.

Мы все очень дружим, мама. На днях, вот, заболел наш товарищ, Амиран (я тебе о нем писал). В его бригаде пять человек, и всех разом свалил этот проклятый грипп. Амиран страшно нервничал — план сорвется, время ли сейчас болеть. И вот, иду я с работы, а навстречу мне ребята с другой бригады. «Пошли, — говорят, — в бригаду Амираана, нужно им подсобить, подменить больных». Ну, пошли, конечно, хоть я еле ноги волочил. Проработали мы всю вечернюю смену, а нас потом другие сменили. После них я снова вышел вместо Амираана.

Мама, знаешь, что превратило обезьяну в человека? Если не знаешь, познакомлю я тебя с Куджи, он тебе все объяснит, да и твой собственный сын Ачико тебе — живой пример.

Муртаз жил в нашей комнате уже несколько лет. В прошлом году, ценой больших треволнений, вздохов, слез, уговоров, после неоднократного засыпания снов и, наконец, после угрозы самоубийства, Муртаз женился на девушке Зугдиди, в которую был бешено влюблен.

После свадьбы Куджи в торжественной обстановке передал им ключи от отдельной комнаты, пожелал им счастья и направился к нам.

«Бедный мальчик, — сказал он, — теперь начнется: пойди за молоком, бегай в аптеку, почему поздно пришел, почему рано уходишь... Тьфу, черт!»

Потом он долго сидел молча, с грустным видом, курил папиросу за папиросой, и бог его знает, о чем думал, и, наконец, пошел к себе спать.

Жена Муртаза — Нелли — работала в нашей библиотеке. Была она недурна собой и нрав имела спокойный, да только не было в ней ничего, чтобы Муртаз так сходил по ней с ума. Хотя, как сказал Саади, чтобы постигнуть красоту Лейли, нужно посмотреть на нее глазами Меджнуна...

Так или иначе, в нашей комнате стало одним человеком меньше. Когда Нелли, будучи в положении, уехала к родителям в Зугдиди, Муртаз каждую субботу с виноватым видом прощался с нами и отправлялся к ней. Вслед ему несло хихинанье Куджи.

Муртаз обожал кино, мог просиживать несколько сеансов подряд. Потому он сказал Нелли:

— Нелли, дорогая, не нужно сегодня идти в кино, давай лучше погуляем по саду, поедим мороженое... да?

— Ни в коем случае! Именно в кино!

Расчет Куджи оказался точным: «Если хочешь сделать что-то, предложи жене обратный вариант, и она заставит тебя сделать именно то, что тебе хотелось». И еще одно наставление Куджи Муртаз старался не забывать: «Слушай, парень, не бегай за девчонкой, как околтелый, она вообразит, что лучше нее в целом мире никого нет. Цени себя. Женщина, как тень: станешь за ней гоняться — убежит, сам убежишь — она за тобой погонится». Как бы там ни было, Муртаз втянулся в семейную жизнь, а Куджи все подтрунивал и посмеивался — «дорогой сегодня был базар?», «сколько стоит пучок лука?» и т. п. Муртаз сердился, оправдывался перед Куджи — я, мол, все тот же Муртаз, чего это ты дурака валяешь. А Куджи не унимался. «Ну, зятек, как нынче дело-то?» — обращался он к Муртазу и подмигивал нам.

Строительство ИнгуриГЭС имеет четыре автотранспортные конторы, управление их находится в селе Мзиури Гальского района. Наш участок обслуживает третья автотранспортная контора. В нашем распоряжении двести различных машин и столько же водителей. Но разве все они одинаковы? Взглянешь на машину — и сразу видно, какой человек сидит за баранкой, любит он или нет свое шоферское дело.

У Муртаза, может, много недостатков (Нелли в свое время подведет им итог), но машину он любит, как родное существо, ни о чем и ни о ком не говорит с такой нежностью, как о машине. Мой и чистит ее до блеска, словно это не огромный самосвал «БелАЗ», который через полчаса пойдет через овраги, лужи и топи, а изящная легковая машина лучшей марки.

Не так давно нужно было перевезти на объект двадцатитонные конструкции по двадцать метров длиной. На наших машинах это оказалось невозможным: двадцатипяти-двадцатисемитонные грузовики не прошли бы по горным дорогам.

Целый день мы ломали головы, как быть. Совещались все четверо в нашей комнате, чертили, высчитывали, придумывали различные варианты. Я предложил разрезать конструкции, перевезти, а потом произвести сварку. Ачио сказал одно только слово на мое предложение: «чепуха». По мысли Юрия надо было вызвать вертолет, подвесить к нему цепями за два конца конструкцию и доставить на место воздушным путем. Опять все зашумели, и Ачио сказал: «Эх, Юрий, Юрий, спустись-ка на землю». Долго судили-рядили, наконец сошлись на предложении Муртаза: повесить на машине борта, укрепить конструкции, поставив их в высоту, и тогда машине сравнительно легко будет преодолеть повороты.

Наутро Муртаз передал главному инженеру чертеж. А в конце месяца мы узнали, что идея Муртаза, которую осуществили, дала строительству экономии в сумме 30 000 рублей!

Муртаз был родом из здешних мест. Его родная деревня — Лиа — необыкновенно поэтический уголок. Когда заходит солнце, начинают петь кузнечики, и не громко, а тихо, мелодично, вкрадчиво сообщая — мы здесь, а ну, найдите-ка нас! Старый дощатый дом Муртаза стоит в глубине уютного двора, покрытого ярко-зеленой травкой. Перед домом, словно стражи — несколько взметнувшихся в небо осин. А в просторной чистой комнате беззубый старичок-камин, обли-

зывая губы красным языком, пришепetyвая, рассказывает что-то милое, ласковое, родное...

Мы приехали к Муртазу неожиданно, и спустя четверть часа на столе уже появилось обычное деревенское угощение — горячие хачапури, цыплята, жаренные на каменных сковородах...

Если в этом доме присутствует Куджи — он и тамада, если нет — отец Муртаза поднимает винную рюмку с тоюсенькой талией и провозглашает здравицы. В этом доме мы играли свадьбу Муртаза и продолжили ее у нас в поселке, в нашей комнате, а потом в Зугдиди, в доме Нелли.

Недели две спустя после их свадьбы Ачико обратился ко мне с просьбой: — Мне нужно 500 рублей, если есть — одолжи.

— Слава богу есть и одолжу с радостью, — сказал я, немного удивившись в душе, зачем ему эти деньги.

С той же просьбой он обратился к Юрию и получил аналогичный ответ. А вечером того же дня мы вкатили в комнату Муртаза пианино. Нелли и Муртаз глядели на нас, разинув рты, а Куджи надрывался от смеха:

— Погубили тебя, Муртаз, погубили! Пианино-то в рассрочку куплено, плати теперь, как хочешь!

Все мы посмеялись, а потом Ачико сел за пианино, заиграл лекури, и Куджи пустился в пляс.

Время должно идти — это его обязанность.

Время шло.

Тоннель становился глубже.

Врачу изменила жена (был большой переполох).

Приезжала делегация из Таджикистана — из Нурека. Члены делегации осмотрели стройку, было много разговоров — и мы, и они говорили о том о сем.

Мы получили семь новых автомашин, две старые списали.

Куджи завел собаку.

Прекратилась подача воды на компрессор — нужно было прочистить канал. Прочистили...

Проиграли футбольный матч команде Зугдиди со счетом 3:0.

Трех братьев Норакидзе — Гиви, Нодара и Омара — наградили Почетными грамотами ЦК ВЛКСМ. Что заслужили — заслужили!

Меня пролесочили на открытом партсобрании.

Столбы высоковольтки снесло осыпью. Какой труд пошел насмарку!

Теперь мы «подготавливаем» склады для плотины.

Все, что я перечислил здесь, зримо, ощутимо, осязаемо...

А вот то, что происходило незаметно для глаза, исподволь, — мы росли день ото дня и привыкали друг к другу, да что привыкали! Сроднились и не помнили дней, когда-то проведенных врозь. За несколько лет прошлое, особенно в молодости, стирается в памяти... Нам казалось, что мы всегда были вместе. Мы думали, что до старости будем вместе.

Мы живем нашей работой, дышим ею. Понедельник, вторник, среда... суббота... Мы работаем. Устаем. В воскресенье мы отдыхаем, и нам не терпится дожидаться рассвета, того часа, когда надо быть на своем участке. Постоянный шум, напряжение, грязные сапоги... Без этого нет ничего.

Не верите? Правильно, коли не верите. Раньше, если бы мне рассказали такое, и я бы не поверил. Но как вам объяснить, что такое зуд созидания?

Иной раз нам говорят — вы герои. Но когда столько героев вместе — герой уже не существует. Просто те, кто остался на стройке, знают: без них ГЭС не заработает.

Если бы время было послушно человеку, жизнь его была бы значительно короче: мы сами подгоняли бы наши дни, сократили бы время ожидания.

Скоро, скоро вступит в строй ИнгуриГЭС.

* * *

Сейчас уже никто из нас и не вспомнит, кому первому пришла в голову идея изучения иностранного языка. Но однажды вечером мы решили это и стали выбирать язык.

— Немецкий, — сказал Ачико.

— Английский, — сказал Юрий.

— Французский, — сказал я.

— Американский, — заявил Муртаз.

Тут мы посмеялись. Но бросили жребий. Выпало нам изучение немецкого.

Мы начали заниматься три раза в неделю по часу. Куджи тоже присутствует на уроках, даже поправляет нас — я, мол, позабыл немецкий, а вот когда с немцами воевал, я знал их язык. — так он говорит. Но ошибается он чаще нас.

— Как по-немецки «окно»? — спрашивает Муртаз.

— Как? Швестер! — с достоинством отвечает Куджи.

— Не «швестер», а «фунстер»!

— Хорошо, фунстер.

— Как будет — «слон»?

— Олофант!

— Не «олсфант», а «олифанте».

Куджи посрамлен.

— Не знаешь ничего, двойка! — заявляет Муртаз и пишет в журнале против фамилии Куджи жирную двойку.

— Завтра же вызови родителей! — ухмыляется Ачико.

Юрий сидит тихо. Постепенно он углубляется в свои мысли и лишь физически присутствует здесь.

— Как будет «рыба»? — глухо доносится до его слуха.

Рыба?.. Четвертый день траулеры преследуют эту рыбу. Экипаж измучился. Капитан махнул рукой и пошел отдыхать. Матросы тоже разбрелись по кубрикам. Тихо, чтобы никто не услышал, Юрий соскочил на канату за борт и скрылся под водой. Огромная медуза уступила ему дорогу и в удивлении пошевелила мягкими щупальцами. Юрий долго оставался на воде. Погас свет на траулере, и он стал похож на сказочного кита.

Борьба была короткой, но упорной...

Утром, когда проснулся экипаж, восторженные возгласы огласили просторы Атлантического океана. Посреди палубы лежала колоссальная рыба, а окровавленный Юрий, шатаясь, брел к двери своей каюты. Дойдя до нее, он потерял сознание и рухнул на палубу...

— ... Как сказать «цыпленок»?

Цыпленок?!

...Конечно, незачем было выводить на ринг этого цыпленка! Бакинский боксер в первом же раунде нокаутирует его. Позор!

Так думала и невеста Юрия, с волнением наблюдая за поединком. Зрители свистели, смеялись над тщедушным и слабым на вид боксером. Однако к третьему раунду свист прекратился. Зал замер. Происходило невероятное: низкорослый, худенький «цыпленок» выигрывал бой у заслуженного мастера спорта, многократного чемпиона мира!

На пятом раунде бакинец валялся на полу. Нокаут! Зал загремел, Юрия качали на руках. Его невеста утирала слезы радости и гордости. Между прочим, на этом матче присутствовали и родители его невесты, и его односельчане, и армейские товарищи, и ребята с ИнгуриГЭС... а больше Юрий никого не знает...

... Урок закончился. Ачико получил пятерку, Муртаз — четверку, а я — тройку. Куджи и Юрий больше двойки не заслужили.

— Удивительно, как это люди разговаривают по-немецки без запинки, без ошибки! — со вздохом проговорил Куджи, направляясь к дверям. — Пойду. На третьем этаже кран был перекручен, посмотрю, починили или нет...

В этот момент отворилась дверь, и вошел главный инженер Отар Чиковани.

— Привет, ребята!

— Привет!

Куджи прикрыл за ним дверь и подошел к столу.

— Присядьте, батона Отар!

— Нет, спасибо, я спешу, у меня небольшое дело к Ачико.

— Ко мне? — удивленно переспросил Ачико, встал и почему-то застегнул верхнюю пуговицу на сорочке.

— Да, к тебе. У твоего экскаваторщика, у Сократа, заболела жена. Я отпустил его на машине в Зугдиди. По всей вероятности, он не вернется к завтраму, а у нас конец квартала, сам знаешь, какво, если экскаватор будет простаивать. Хочу, чтобы ты сел за руль. Сможешь?

— Что значит — сможет! — вмешался Юрий.

— Конечно, смсжет! — вскричал Муртаз.

— Чего молчишь, Арчил, решайся... — Отар положил руку на плечо Ачико.

— Эй, парень, отвечай! — не выдержал Куджи и отер сразу вспотевший лоб.

— Смогу, — еле слышно произнес Ачико и медленно опустился на крайшек кровати.

Письмо, которое Ачико написал матери

Здравствуй, мамочка, как живешь, что делаешь, как твои подружки? Я живу хорошо, мама, живу замечательно хорошо! О том, что мне поручили экскаватор, я тебе уже писал. С того дня прошло три месяца. Сократа по возвращении перевели на другой участок, и я теперь сам себе голова.

Мама, ты не представляешь, как радостно работать самостоятельно, видеть результаты собственного труда! Я счастлив, мама. Я никуда отсюда не уеду, я и тебя сюда привезу. Знаешь, мама, я стал другим Ачико, совсем другим, я это чувствую, и мне иногда даже не верится... Мамочка, вышли мне мои черные брюки, пожалуйста. Денег не присылай, повяла! Целую — твой сын Ачико.

* * *

С тех пор как я стал секретарем комитета комсомола, меня постоянно вызывали на совещания в Зугдиди, в наше главное управление. На эти совещания приезжают партийные, профсоюзные и комсомольские работники со всех объектов.

Совещания интересные, я их люблю. Часто разгораются такие ожесточенные споры, что ой-ой! Что ж, дело требует споров, обсуждений... Ни одно наше совещание не похоже на предыдущее. Но одно из них я в жизни не забуду.

Я сидел в углу зала и слушал. Говорил главный инженер. Говорил спокойно, но резко — говорил о недостатках.

— Больше, значительно больше мы сможем сделать, если будем иметь поддержку. Правда, коллектив пятой АТК выполнил план досрочно, однако мы по сей день не дождались машин, выделенных планом первого квартала. Готов новый бетонный завод, но еще не запущен. А не запущен, потому что автомашин не хватает и не успели завести цемент, песок и щебень. Мы вынуждены были выполнить план за счет прокладки тоннелей, зато работы по заливанию бетона приостановлены. Еще одно: мы не получили вовремя необходимый материал для...

Он отпил воды из стакана и только открыл рот, чтобы продолжить, как в зал влетела испуганная секретарша начальника управления. Она метнулась к начальнику и что-то прошептала ему на ухо. Он изменился в лице.

— Товарищи, несчастье! На рабочем участке плотины обвалился утес...

Все повскакали с мест, бросились к выходу.

«Кто попал туда? Погиб? Почему произошел обвал?» — лихорадочно сообщал я и бежал к машине.

* * *

Дорога была великолепная. Машина гладко катилась по огромным бетонным плитам, плотно прилежавшим друг к другу. Трудно было удержаться от искушения и не развить бешеной скорости. Правда, горная дорога имела бесконечное множество поворотов, но Муртаз отлично вел машину, которая, казалось, и сама чувствовала приближение поворота и, как хороший скакун, без подсказки хозяина одолевала все препятствия.

Машина пронеслась мимо нескольких экскаваторов, работающих на небольшом расстоянии друг от друга. Они, как голодные звери, вгрызались в скалистую почву — готовили дно будущего моря.

Муртаз усмехнулся, представляя себе удивленное лицо Ачико: «Так быстро вернулся? Носишься как сумасшедший, смотри, шею свернешь!». И Муртаз, охваченный ребяческим азартом, все нажимал и нажимал на газ.

Извивалась, вертелась дорога, и огромный «БелАЗ» с грохотом и шумом летел вперед. От густых дремучих лесов, некогда покрывавших склоны гор, которые вознеслись между Мегрелией и Сванетией, уцелели лишь небольшие зеленые островки. Ветви деревьев тянулись к небу, не подозревая, что вскоре их покроет вода.

Желтый экскаватор Ачико работал на левом берегу Ингури, на высоте 20 — 25 метров над уровнем реки. Он проводил борозду такой ширины, на которой мог бы уместиться сам, утрамбовывал землю гусеницами и медленно продвигался вперед. Несколько самосвалов с трудом поспевали вывозить отработанную им землю.

Однажды Ачико поймал себя на интересной штуке: когда под стрелу экскаватора подходил самосвал Муртаза, Ачико насыпал туда меньше земли, чем

на другие самосвалы, да еще старался избегать больших камней — словно Муртаз переносил этот тяжелый груз на собственных плечах...

Вьется дорога, и мчатся по ней порожние и тяжело груженные машины. Эту чудесную дорогу построили всего несколько месяцев назад. Она была бы готова и раньше, если бы дело это не поручили одному самоуверенному и болтливому инженеру. Все бы ничего, но инженер, видимо, придерживался теории, согласно которой незачем слоняться по свету и строить дороги, лучше сидеть дома и провозглашать здравницы. Может, он думал не совсем так, но, когда его снимали с работы за провал, в прощальной его речи эта «теория» выразилась довольно четко.

Теперь он не строит дорог, но слоняется по дорогам, построенным другими. Его преемник взялся за дело по-настоящему, и любой шофер, которому хоть раз случится проехать по той нашей дороге, вспоминает его добрым словом.

Огромный «БелАЗ», высотой с двухэтажный дом, несмотря на свои габариты и 26 тонн веса, подчинялся Муртазу, как игрушечная машина.

Муртаз ехал, не подозревая о несчастье. Муртаз сожалел, что не сидит рядом с ним Ачику — «посмотрел бы на него, когда я буду гнать машину на подьеме», — подумал он и почему-то стал вспоминать вчерашний вечер.

...Вчера мы вернулись в общежитие полумертвые от усталости и, с трудом скинув грязные сапоги, не раздеваясь, повалились на кровати. Когда отошла первая усталость и мы смогли говорить и двигаться, Ачику взялся за гитару (это у него здорово получалось), а я начал бриться. Муртаз поймал какого-то огромного черного жука и пустил его гулять по своей подушке. Юрий лежал, заложив руки за голову, устремив взор куда-то в пространство. Лицо у него было такое блаженное, просветленное, словно ему кто-нибудь почесал искусанную комарами спину.

— О чем это ты задумался, — спросил я его и прошелся бритвой по своей намыленной щеке.

Он продолжал лежать неподвижно, точно и не слышал моего голоса. Ачику уюлок и отложил гитару. На какое-то время в комнате стало тихо. Муртаз не выдержал.

— Юрий, а, Юрий! Скажи хоть слово...

Юрий медленно повернулся к нам. Потом привстал и сел на кровати. Взял сигарету, помял ее пальцами и наконец заговорил:

— Вчера я прочел в журнале любопытную вещь... Сперва вроде и внимания не обратил, а сегодня вот весь день думаю...

Оказывается, жил во Франции во время Революции человек по имени Жильбер Ром, якобинец, член Конвента. Когда победила Революция, Жильбер Ром составил новый календарь и назвал его революционным календарем. Теперь он — достояние истории. Но как же сильно была ненависть народа к прошлому, что и календарь-то ему хотелось иметь новый, свой! И каким ударом для Жильбера Рома было поражение Революции...

— Наверно, бедняга сошел с ума...

— Что это был за календарь, объясни в конце концов, — обхватив руками колени и иронически уставившись на Юрия, спросил Муртаз. Он был сегодня в шутливом настроении и объектом шуток почему-то избрал Юрия.

— Какой был этот календарь... — Юрий достал из кармана исписанный листок бумаги и начал читать. — Вот как назывались весенние месяцы: жерминаль — месяц произрастания, флореаль — месяц цветения, прериаль — месяц лугов, летние — мессидор — месяц колосьев, термидор...

— Несчастный, и не лень тебе было выписывать по-французски столько слов! Ты бы в школе французским занялся, вышел бы из тебя ученый, — проговорил Муртаз и подмигнул ребятам — поддержите, мол...

— Да, и, значит, пришел Наполеон, и календарь Жильбера Рома был забыт.

— Ой, господи, да чего там, давай восстановим! — Муртаз взмахнул руками. — Арчил, ты когда идешь в отпуск, в месяце флореаль или термидор?

— Муртаз, перестань дурачиться, — сказал я осторожно. — Какая муха тебя укусила?

— Пусть себе дурачится, а ты давай продолжай, — поддержал Юрия Арчил.

У Муртаза шутки в тот вечер не получались, но он сам, видно, этого не чувствовал, а может, и наоборот, чувствовал, но не мог остановиться.

— Ребята, — сказал Юрий, обводя всех горящими глазами, — я, знаете, к чему... может, это смешно, только я подумал... а что если мы здесь, на стройке, примем свой, ингургэсовский, календарь? Например, январь — месяц плотины...

— Гениально! Умопомрачительно! Амиран, завтра же объяви о нашем календаре в комитете комсомола, и, может, вся Грузия подхватит наш почин, а потом и весь мир! — захохотал Муртаз.

— Идиот! — завопил тут Юрий таким голосом, что стало ясно — ирония Муртаза давно его раздражала и он просто сдерживался. — Может, я говорю глупость, да, но в этой глупости что-то... что-то... — он не договорил, встал и выбежал из комнаты.

Муртаз был растерян и смущен.

— Да что случилось, что я ему такого обидного сказал... — говорил он.

— Ладно, кончай, хватит, — махнув рукой, возразил ему Ачико и подошел к окну: — Человек взволнован, а ты...

— Что я, что я!.. Разве сам ты никогда не смеялся надо мной? — чуть не со слезами в голосе воскликнул Муртаз.

— Да ну, правда, ничего ведь такого, ну, пошутил человек, — вступился я за Муртаза.

— Амиран, ты хоть скажи, в чем я провинился? Если спросить его, так «с дружбой нужно быть таким же осторожным, как с молоком, которое стоит на огне», — голосом Юрия проговорил Муртаз и тоже выбежал вон.

Этот-то эпизод и вспомнился сейчас Муртазу.

Споры у нас случались, но они никогда не переходили в серьезные размолвки или ссоры. На второй же день спорящие стороны примирялись.

До конца рабочего дня оставалось два часа, и Муртаз спешил до сумерек попасть домой. Внезапно его внимание привлек утес на левом берегу Ингури, — утес, казалось, дрогнул и, кренясь, стал сползать вниз. Муртаз не поверил своим глазам, затормозил и выглянул из окна кабины. Нет, ему не показалось: утес действительно сползал вниз. Он медлил, как бы в раздумье — обрушится или нет, и вдруг страшный грохот сотряс окрестность. Внизу, куда еще не добрались оползень и пыль, трепыхался маленький, как жучок, желтый экскаватор Ачико. В сравнении с этой обрушившейся машиной он выглядел жалко и беспомощно.

— Ох! — вырвалось у Муртаза, и он прикрыл глаза рукой, чтобы не видеть, с какой быстротой приближается оползень к Ачико.

Больше он ничего не помнил. Как рванул машину, как понесся по бетонированному шоссе и как потом очутился на месте катастрофы — он не знал.

Пыль постепенно осела. Но не видно было ни желтого экскаватора, ни узкой дороги, им проложенной. На том месте были лишь груды земли и камней. Отчаянно гудел экскаватор, работавший на противоположном берегу. На всех близлежащих участках работа прекратилась, и люди устремлялись сюда — на машинах, пешком, на бульдозерах. Кого-то звали, что-то кричали, бегали, махали руками... Муртаз, оглушенный, потрясенный, стоял впереди всех, словно окаменев, и только повторял: «Ачико.. Ачико.. Ачико...».

— Дорогу! Дорогу! — заорал сменный инженер. — Отойдите от бульдозера! Ребята, живо за мной, берите лопаты!

Человек десять поспешно стали взбираться на вершину образовавшегося кургана. Ноги у них увязали в мягкой глине. Наконец они одолели подъем и начали разгребать землю. Бульдозер пришел им на помощь. Бульдозерист в тревоге то и дело выглядывал из окошка, проверял свою работу и с искаженным лицом кричал:

— Отойти! Раздавлю!..

Завыла сирена — мчалась карета скорой помощи.

Сменный инженер, бледный, с всклокоченными волосами, в выпроставшейся из брюк сорочке, отдавал распоряжения. Он вызвал второй бульдозер, и дело пошло быстрее.

Муртаз стоял ни жив, ни мертв. Стоял и смотрел.

Инженер то и дело кричал, чтобы не лезли вперед. Люди отходили на несколько шагов назад, и снова налегали стоявшие сзади, и все снова двигались вперед.

— Если он не задохнулся без воздуха, может, выживет...

— Дай-то бог!..

— Добрых две тысячи кубометров земли на парня навалилось...

— Ох, и достанется же начальству!

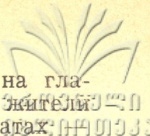
— Время ли сейчас об этом думать!

— Ничего, у экскаватора крыша крепкая.

— Только бы уцелел!

— Ничего, братцы, спасется, порода-то мягкая, рыхлая, камней мало...

Людам не хотелось верить в беду, и хотя трудно было себе представить, что человек, очутившийся под такой массой земли, может остаться в живых, они обнадеживали друг друга.

Бульдозеры работали с необыкновенной быстротой. Курган таял на глазах. Люди сменяли друг друга. Кроме строителей, сюда сбежались и жители прибрежного села. Бухгалтеры и счетоводы, повара в своих белых халатах все были здесь.

Куджи, без сорочки, в майке, даже не заправленной в брюки, метался с таким лицом, что на него жалко было смотреть. Сейчас он выглядел глубоким стариком. Юрий, который прибежал из тоннеля, стоял рядом с Муртазом, белый как бумага.

Вечерело. Солнце то скрывалось за кроны сосен, то выглядывало в просветы, освещая красноватыми лучами долину. Работа шла более трех часов. Вывезли огромное количество земли и камней. Каждую минуту ждали появления экскаватора. Секунды шли, медленные, как минуты, минуты — как часы. Наконец ковш бульдозера ударился о металл. Земля осыпалась, обнажив желтую крышу. Сразу все стихло. И вдруг отчаянный вопль взорвал напряженную тишину:

— А-чи-но!

Юрий, обезумев, вырвал у кого-то из рук лопату, побежал туда, к бульдозеру, и начал копать.

Снова загомонил народ, снова стали теснить и толкать друг друга, стремясь продвинуться вперед. Сменный инженер протолкался кое-как ко мне и, глядя в глаза, сказал:

— Амиран, сейчас нужно, чтоб без паники... Убери как-нибудь Юрия и Муртаза. Вот-вот отроем Ачико, не нужно им здесь быть... Послушай меня, не спорь, сделай, что говорю. Так лучше.

* * *

Бывало, мы не раз спорили и так и не приходили ни к какому выводу: существует ли судьба, счастье, рок? Сейчас я готов поверить в то, что да, существует провидение, оно и спасло Ачико. Он выжил. Третью неделю он лежит в зугдидской больнице и уже чувствует себя значительно лучше. Ему ампутировали правую ногу выше колена — кость была так раздроблена, что иного выхода не оставалось.

Сперва мы были счастливы, что вся эта страшная история окончилась так: ведь жизнь Ачико была на волоске! От радости мы сами не знали, что вытворяли. Но постепенно мы осознали, что особенно радоваться все-таки нечему.

Ежедневно мы навещали Ачико, всячески старались его приободрить, развеселить. Мы вели себя так, словно ничего страшного и не произошло. Главное — он жив, а мы, его друзья, рядом с ним, и все будет хорошо.

Ачико слушал и молчал. Его, казалось, ничего не интересовало. Он полностью ушел в себя, и мы тщетно пытались установить с ним какой-то контакт. Иной раз он смотрел на нас таким отсутствующим, чужим взглядом, что становилось не по себе. И еще — мы не раз чувствовали, что наша болтовня раздражала его.

Приехала из Тбилиси его мать. Она ухаживала за сыном и, надо сказать, держалась довольно неплохо. Но однажды она сказала нам:

— Молодые люди, не обижайтесь, но не приходите так часто, вы же видите, что ваше присутствие нервирует Ачико. Он не хочет иметь ничего общего с этим ужасным строительством.

Мы ушли убитые. Но на следующий день пришли снова, и приходили опять каждый день, но теперь уже молча смотрели на бледное, истаявшее, как свеча, лицо друга.

В вашей комнате стало так уныло и тоскливо, что не хотелось заходить. Мы почти не разговаривали друг с другом. Нас донимало чувство какой-то вины перед Ачико — словно мы были виновны в том, что произошло.

Мы старались думать о другом, но о чем бы мы ни думали, мысли убежали туда, в Зугдиди, где в светлой палате лежал наш Ачико.

Прошло еще какое-то время, и мы распрощались с Ачико. Он уехал в Тбилиси, уехал так, словно гостил здесь день-два, словно эта стройка была для него каким-то совершенно незначительным эпизодом, а не переломным, поворотным пунктом всей его жизни.

Сидели мы в нашей комнате, молчали и думали об Ачико.

На северных склонах гор снег еще лежал. Но в голосе Ингури уже звучали злые нотки. И где-то в горах уже началось таяние снегов — талые воды, как покорные подданные, выбегали к Ингури со всех сторон.

— Гляди, как Ингури злится, — заговорил раз со мной Куджи. — Кто знает, Амиран, может, Ингури затаил в душе на нас зло и лет через двести взбе-

сится и попытается снести плотину, а? И, если хоть один из нас работал не на совесть, плотина может не выдержать... и тогда уцелевшие от ярости реки люди проклянут строителей, которые по незнанию, или неумению, или расхлябанности и глупости своей так несерьезно отнеслись к такому серьезному делу... Ведь мы строим на века...

...Знаешь, Амиран, я прочел твои дневники, которые ты дал мне. Написано там все немного наспех — ну, это, впрочем, понятно, — и немного восторженно, а так ничего. Хорошо, что пишешь о дружбе, хорошо... Правильно делаешь, что не говоришь о том, сколько килограммов мяса сварил повар Петре, или о том, что техник продал десять метров кабеля, а кто-то уволок домой мешок цемента... Это дело милиции и прокуратуры. Нет, это, конечно, и наше дело, но все это — пятна на солнце, память о которых не должна оставаться. На века останется то, что мы строим — ИнгуриГЭС, а не такие делишки. Старая египетская поговорка гласит: «Все боится времени, а время боится пирамид». Мы возводим пирамиду, которая будет самой высокой в мире...

* * *

...Муртаз и Нелли повздорили и были в ссоре. Муртаз, зная, что товарищи в курсе его семейных дел, ходил, ни на кого не глядя, — стыдно было!

Ачико в тот день поздно вернулся домой. Перебросив через плечо полотенце, он направился умываться и, кивнув головой в сторону Муртаза, спросил:

— Отелло спит?

— Кажется, да, у него ведь все так благополучно, — ухмыльнулся Юрий.

— Пусть спит, пусть. Когда дураки спят, обществу легче. Что, ты правда спишь, лежебока? Спи, спи. Твоя жена уезжает в Тбилиси, и ты с завтрашнего дня можешь водить в кино Амирана или, еще лучше, Куджи.

— Под ручки!... — захохотал Юрий.

Муртаз вскочил, как ужаленный.

— А-а, ты, значит, прикидывался, не спал! Сейчас же убирайся отсюда и иди к большому дубу, что стоит возле гастронома. С трудом я удержал девочку! Иди и запомни — если она еще раз на тебя пожалуется, лучше не попадай-ся нам на глаза.

...Юрий, милый, не будь ты таким вспыльчивым, не спорь со всеми и обо всем. Вокруг тебя люди, которые знают больше тебя, а погляди, как скромно они себя держат. Перебори себя, не шебуршись. Знаешь ведь: тот, кто смирит дух свой, сильнее того, кто покоряет города.

Не люблю я поучений, да что поделаешь — иной раз нужно...

Письмо, которое Куджи не писал

Здравствуй брат, друг и сын мой, Арчил!

Я послал тебе четыре письма, мальчики писали тебе столько же раз, но ответа не получил никто. В чем дело, чем объяснить твоё молчание? Может, ты за что-нибудь обижен на нас? Неужели мы совсем ничего не значили для тебя и ты начисто забыл о нас?

Трудное у тебя положение, что и говорить. Молодой человек и... А помнишь, ты раз сказал: «Я был калека духом, но вы исцелили меня».

Если бы такое произошло со мной или с Амираном, или с Муртазом, или с Юрием, как бы ты поступил? Ты всегда умел здраво рассуждать, здраво оценивать обстановку, что же с тобой сейчас?

Я бросил бы все и приехал бы к тебе и был бы с тобой — на кусок хлеба, ты знаешь, я везде зарабатую, — но остальные наши ребята? Как я их покину? На старости лет я обрел четырех сыновей, я думал, что вашим счастьем и я буду счастлив...

Милый Ачико! Я стал присматриваться к тебе с первого же дня твоего приезда. На моих глазах началось твоё второе рождение. Разве я не видел, не замечал, как ты боролся с собой, как трудно было тебе привыкать к нам, входить в ритм нашей жизни, как постепенно ты выпрямлялся во весь рост, как стал, наконец, тем Ачико, которого полюбили не только мы, но все на нашей стройке. Почему тебя стали так уважать, так считались с твоим мнением? Думаешь, только потому, что ты знал больше, чем кто-нибудь другой? Или работал с большей отдачей, чем кто-то другой? Нет. Потому, что ты сумел победить себя и не подвел тех, кто втайне, но надеялся на тебя и наблюдал за тобой, кто старался тебе помочь незаметно для тебя и учил тебя любить труд.

Я понимаю, Арчил, как тебе тяжело. Нет ничего хуже, когда молодой, полный сил человек чувствует себя отторгнутым от общества.

Но Арчил, дорогой, мы узнали печальную новость. Ачику, мол, избегает всех. Ачику снова начал пить. Лучше бы земля разверзлась и поглотила меня... Я бы не знал этого.

Ачику, я уверен, что вокруг тебя много добрых людей, которые готовы тебе помочь пережить, преодолеть это несчастье. Помни, человек бывает одинок лишь в одном случае — когда он мертв. Чем больше ты будешь бегать от людей, тем хуже будешь запутываться.

Ачику, с тех пор как ты уехал, я не узнаю наших мальчиков. О тебе мы не говорим, но думаем о тебе все — это я чувствую, я знаю. Твоя кровать стоит на старом месте, у окна. Я никого не вселил в вашу комнату, хотя люди приезжают... Совсем я поглупел, старый: в неделю раз, когда мальчики уходят на работу, я меняю постельное белье, и тебе меняю, и разговариваю с тобой.

Ачику, брат мой, друг мой! Неужели ты жил настоящей жизнью всего те несколько лет и теперь снова опустился в болото, из которого еле выбрался?

Наконец, на этих днях, мы заговорили о тебе. Это было тогда, когда я узнал, что ты снова пьешь. И мы решили отрядить к тебе Амирана, чтобы он привез тебя обратно, к нам. Мы договорились, что, если он не осилит сам этого дела, он даст нам знать, и я с Муртазом выедем на подмогу. Сегодня мы получили телеграмму от Амирана: «Пьет близко не подпустил приезжайте».

Этой ночью мы выезжаем. Все теперь за тобой. Будь крепким, будь сильным, будь мужчиной — возвращайся с нами вместе. Ты сможешь, правда?..

Наши кровати пустуют третий день. Юрий остался один, и ему не хочется даже выходить на улицу. Время от времени кто-нибудь приоткрывает дверь и спрашивает его:

— Ну, что, ничего не слышно?

— Ничего пока.

Устал от трудового дня поселок, притих, примолк. Устало солнце и от правилось на покой, за высокую гору — спать. Только Ингури шумит, неутомимый, неумемный. Шумит и мешает спать елям и дубам.

Погасли огни в окнах общежития. Все уснули, один только Юрий не спит. Припав лбом к оконному стеклу, глядит он на тихий поселок, на темный-темный лес. Дэвы живут в том лесу. Днем они спят, спрятавшись в своих тайниках, а ночью выходят и буйствуют, переворачивают все верх дном. Свистят, режут, выывают на поединку рыцарей. А рыцари не слышат — они спят, сняв свои шлемы. Только один из них бодрствует. Стоит, прикинув лбом к холодному стеклу, и слушает бахвальство дэвов.

Луна выглянула из-за деревьев — недоверчиво, с опаской. А дэвы, причесав за деревья, потихонечку зашагали к поселку.

Вот один из них показался на повороте шоссе, за ним и второй, и третий... и четвертый... Постепенно растут их фигуры. Дэвы... но дэвы ли это? Дэвы на рассказывают так смело, словно хозяева... Или это рыцари идут на борьбу с дэвами? А где же их шлемы, почему они идут с открытыми лицами, без забрал? И почему четвертый хромает?!

Неторопливо, широко шагают рыцари, и вдруг:

— А-чи-ко-о! Ачику! Ачику!

Ночь взорвалась, загудела, и сразу затопало, загремело по лестницам, по коридорам, по улице... И всюду звенело — Ачику! Ачику! Ачику!..

А куда исчезли дэвы? И существуют ли вообще дэвы?..

Луна, совсем осмелев, засияла на небе, ярко освещая всю окрестность.

По улицам поселка бежали рыцари, встречали друга, который вернулся, чтобы плечом к плечу с ними продолжать борьбу.

* * *

— Раз, два, три, четыре, пять...

Жизнь-арбитр замолчала — ей не пришлось считать до девяти.

И борьба продолжилась.

У Ачику большой опыт — он не раз выходил победителем из тяжелых поединков.

Я же сказал вам — его не так-то легко одолеть!

Перевод Камиллы КОРИНТЭЛИ

Жизнь, отданная революции

В феврале нынешнего года состоялся XXX съезд Ленинского комсомола Грузии. Активно участвуя в борьбе за претворение в жизнь грандиозных предначертаний XXIV съезда КПСС, комсомольцы Грузии приняли на своем съезде боювую программу действий на оставшиеся два года девятой пятилетки — «Комсомольскую двухлетку».

«Литературная Грузия» горячо приветствует славный авангард грузинской молодежи, верный ленинским заветам, революционным традициям старшего поколения.

Публикуемый очерк освещает страницы героической жизни замечательного деятеля революционного движения, одного из организаторов Ленинского Коммунистического Союза Молодежи Грузии Бориса Дзнеладзе.

МАРТ семнадцатого года. Тифлис. В здании городской управы, на Эриванской площади, с большой помпой заседает конференция «Союза учащихся марксистов Закавказья». Объединенная делегация тифлисской дворянской мужской гимназии и реального училища предлагает направить приветственный адрес высокочтимуому ОЗАКОМу, полностью — «Особый Закавказский Комитет», облеченный Временным правительством «всеми правами наместника».

Зачитать приветствие угодно самому председателю конференции. Его обрывает невысокий, худощавый паренек Борис Дзнеладзе. Тонкое лицо Бориса бледнее обычного.

— Опомнитесь! Отдайте себе отчет — кого вы собираетесь приветствовать?! Тех, с кем завтра нам неминуемо всту-

пать в борьбу? Не забывайте — наша революция еще впереди!..

Смятение, шум, крики... «Долой, выведите его из зала!..» Возгласы одобрения: «Браво, Борис!.. Ура большевикам!»

Инцидент обсуждается в высшем свете. Ной Жордания снисходительно замечает:

— Борис Дзнеладзе? Помню, тихий мальчик-сирота. Наша кухарка в Озургетах звала его помочь выбить ковры, наколоть дрова... С малых лет предоставлен себе. Заблудшая овца... При случае надо вразумить...

Случай будет, хотя и не так скоро. До того многое еще произойдет и в государственном устройстве Кавказа, и в борьбе политических партий, и в людских судьбах.

Разношерстный «Союз учащихся марксистов» продержится недолго. Вместо

него с сентября 1917 года возникнут «Спартак» — предшественник комсомола Грузии и Армении, и еще два «внеклассовых, всенациональных» объединения грузинской и армянской молодежи. Те же грузинские меньшевики и армянские дашнаки, только годами помоложе.

На первом учредительном собрании «Спартак» в клубе на Авлабаре Дзенеладзе оглашает «Манифест»: «Спартак» обращается к вам, ко всем молодым борцам, призывая вас создать свои местные и общие организации и всегда и всюду горячо поддерживать революционное движение интернационального пролетариата... в особенности на Кавказе, где атмосфера пропитана национальной рознью. Здесь еще больше трудностей придется поборо́ть интернационалистической молодежи, ее «Спартак»...»

Двадцать шестого мая 1918 года «Грузинский национальный совет» провозглашает отделение «независимой Грузинской республики» от Советской России. Во дворце бывшего наместника теперь полностью хозяйничают меньшевики. Туда, во дворец, и является Борис Дзенеладзе. Требуется приема у самого Жордания.

Аудиенция дается по наивысшему разряду. Помимо Жордания в беседе с восемнадцатилетним Борисом участвует и Ираклий Церетели. Оба внимательно его разглядывают. Борис смотрит, как всегда, в упор, кратко излагает свое дело.

— Молодежная организация «Спартак» добивается истины. Мы устраиваем доклад Миха Цхакая: «Итоги и перспективы Октябрьской революции». Пожалуйста, Ной Николаевич, и оппонируйте Цхакая.

Жордания удивленно восклицает:

— Разве вы не их соратники?

Дзенеладзе, особенно четко выговаривая слова:

— Господин Жордания, лично я в Коммунистической партии с 1917 года, как только позволил возраст. А в «Спартаке» сотни молодых людей еще колеблющихся, ищущих. Приходите, боритесь за них на равных!

...Вечером 10 октября цирк братьев Есиковых переполнен молодыми рабочими, ремесленниками, учащимися. К восьми часам, как условлено, приходит Цхакая, начинает доклад. Жордания не будет, вместо него прибывает Кедия — начальник «особого отряда», как именуется меньшевистская охранка. С ним несколько десятков «народных гвардейцев». Раздается зычная команда: «Никаких рассуждений! Немедленно разойтись!!» Той же ночью арестован и увезен в Метехский тюремный замок Борис Дзенеладзе, а с ним и остальные организаторы митинга.

Впереди многие месяцы жесточай-

шего террора. Тогда и появится запись в блокноте Миха Цхакая:

«Этот удивительный юноша, Борис, в 1918 году на моих глазах настолько вырос и возмужал, настолько развились его способности, что во всех организационно-политических мероприятиях начатой тогда нами нелегальной работы он разбирался с поразительной быстротой и заслуживал такого же доверия, как революционер, закаленный долготелней борьбой».

Редактор официозных меньшевистских изданий Сеид Девдариани с санкции главнокомандующего британскими военными силами в Закавказье читает в Тифлисском оперном театре лекцию «Ужасы большевистской азиатчины. Личные наблюдения».

Начало лекции сенсационно: «В Грузии большевизм абсолютно невозможен!» И тут же на публику обрушиваются листовки: «Мы против меньшевиков, мы за Советскую власть, мы твердо стоим на платформе Коммунистической партии!...

Организация молодых коммунистов «Спартак».

«Спартак», изрядно пополненный рабочими из Надзаладеви — в Тифлисе это как Выборгская сторона в Петрограде, как Красная Пресня в Москве, — начинает свой отсчет времени с нелегальной конференции 31 марта — 2 апреля девятьсот девятнадцатого года. Борис Дзенеладзе, докладчик о новом уставе, неуступчив до предела: «Членом коммунистической организации молодежи «Спартак» может быть лишь тот, кто безоговорочно признает программу Коммунистической партии и ее идейное руководство. Также необходимо согласие с тем, что «Спартак» — неотделимая часть Российского Коммунистического Союза Молодежи. Устав, принятый на Первом съезде РКСМ, одинаково обязателен для Москвы и для Тифлиса. Это — первооснова. Полностью приемлешь — оставайся. Колеблешься — уходи с миром. Борьба в условиях, сложившихся на Кавказе, требует чистоты воззрений, непреклонности, немалой доли суровости».

Положения этого устава обязательно надо сравнить с теми, что казались почти вершиной в начале пути — на учредительном собрании «Спартак» в клубе на Авлабаре. «Слова «социалисты-интернационалисты», а не «социал-демократы — большевики» были выбраны нами не случайно. — объясняет тогдашний секретарь Тифлисского комитета партии Анастас Микоян. — Имелось в виду, что такое название облегчит приток в наш союз тех левых элементов из молодежи, которые еще не самоопределились как большевики, но склонялись к нашей тактике в революции».

На последнем заседании конференции — выборы руководящего центра этого уже далеко вперед шагнувшего «Спартака». Название центра не совсем точное — Бюро Тифлисского комитета. А направлять, налаживать работу ему по всей Грузии и в большей части Армении. Все голоса за то, чтобы возглавлял бюро по-прежнему Дзnelадзе. Борис не отказывается. Просит лишь разрешения на время отправиться в Озургетский уезд — в места, где прошло его сиротское горькое детство.

В селе Бурнати Борис с братом попали, скитаясь после смерти родителей. Очаг семьи Дзnelадзе когда-то был в Гори, где 19 августа не то тысяча девятисотого, не то девятьсот первого года родился Борис. Существует версия: вступая летом 1917-го в Тифлисскую организацию РСДРП, Дзnelадзе один год себе добавил, указав в анкете: «Родился в 1900 году».

По убеждению Бориса именно в Озургети — крестьянском крае, где особенно популярен Ной Жрдания, — сейчас надлежит вербовать сельских парней, создавать организацию молодых коммунаров.

Весной в патриархальных крестьянских селениях за Борисом шли одиночки. Осенью в повстанческий отряд Дзnelадзе устремляются десятки убежденных в невозможности поступить иначе. Сражаться с карателями гурийские спартаковцы будут дольше других. И никому так яростно не станут мстить цепляющиеся за власть меньшевики. Озургетской тюрьмы не миновать тогда и Дзnelадзе. Начиная с ноября, он будет пять раз арестован, дважды выслан из Грузии. А пока Борис отправляется в Баку на началах вполне добровольных. «Общим желанием, общим требованием тифлисского «Спартака» и бакинского Интернационалистического союза рабочей молодежи, — сообщает Дзnelадзе подпольному краевому комитету партии, — является созыв Кавказской объединительной конференции организаций молодых коммунистов».

Крайком дает согласие. Начало конференции 22 сентября в Баку.

Написано Борисом Дзnelадзе на узких листках ливанной бумаги: «После возвращения узнаю, что здесь подготавливается восстание. Наиболее реальная цель создать угрозу тылу Деникина, заставить его перебросить побольше полков к границам Грузии в момент особенно грозный для еще отступающей Красной Армии».

Партия нам поручает добыть сведения о противнике... Поручает также дать хороших разведчиков. Впоследствии, когда меньшевистское правительство обнару-

жило наши документы, оно было крайне удивлено, об этом писалось в газетах, с какой поразительной точностью выявлено все...

Мы дали своих лучших товарищей для этой работы, разбили их на маленькие отряды, десятки и пятерки. Товарищи снимали планы более или менее важных государственных учреждений, записывали, сколько дверей и выходов имеет тот или иной дом, и тому подобное. Так, например, был снят план арсенала и юнкерского училища. Нет нужды распространяться о том, с какой опасностью была связана эта работа. Собрание таких сведений меньшевики рассматривали как военный шпионаж, как «деяние, наказуемое смертной казнью».

За два дня до начала восстания англичане и меньшевики арестовали почти весь состав Военно-революционного штаба и Гарнизонный совет. Начались облавы, повальные обыски, разоружение большевистски настроенных войск. Мы выступили с листовкой: «За каждого расстрелянного коммуниста — 10 чиновников меньшевистского правительства!» Отпечатали, как обычно, в типографии ЦК меньшевиков...»

У Бориса: «в типографии ЦК меньшевиков». На листовках, на тех, что сохранились, — «Типография крайкома РКП» или «Издательская организация «Спартак» №1. Город Баку». Не ошибка, нет, просто конспирация. Примерно полгода всю нелегальную литературу на грузинском языке и газету для солдат «Джарискаци» набирали и печатали на Ольгинской улице, в главной типографии ЦК меньшевиков «Эртоба». Там же заимствовали бумагу лучших сортов. А в одну трудную ночь, рассыпая перед уходом уже ненужный набор прокламации, забыли верхнюю строку: «Российская Коммунистическая партия (большевики)». Утром строку нашел заведующий типографией Бухадзе. Самолично доставил Кедия... На время пришлось Дзnelадзе — главе «Технической коллегии», ведавшей всей издательской деятельностью, — перенести свои заказы в типографию, также достаточно хорошо оборудованную, — ЦК социал-федералистов...

Не была обойдена вниманием и типография «Борьбы» — меньшевистской газеты на русском языке. Еще в середине 1919 года Борис Дзnelадзе для большого удобства снял квартиру по соседству с типографией. А ключи от всех типографий Тифлиса предусмотрительно добыл старый печатник Аветик Казаров. Так в типографии «Борьбы» исправно печатались и подпольные газеты крайкома большевиков, и прокламации, и брошюры. Общим тиражом за восемьдесят тысяч экземпляров вышли: «Принципы коммунизма» Фридриха Энгельса; «Государство и революция», «О среднем

крестьянине», «Письмо к американским рабочим» Владимира Ильича Ленина, «К народу и интеллигенции» Максима Горького.

Под вечер 17 января 1920 года от перрона тифлисского вокзала отходит поезд на Баку. Вагоны сразу оцепляют «народные гвардейцы» и союзники — солдаты в шотландских юбках — проверка документов.

Английский офицер бесцеремонно наводит электрический фонарь, затем сверяет с какой-то фотографией. Курчавый, слегка рыжеватый землемер самтредской уездной управы Деви Бахтадзе не особенно тревожится — еще на вокзале он слышал, что ищут опасного московского агента, некоего Дзnelадзе. Ну, и пусть себе ищут: лишь бы ночью не мешали спать.

Благополучно Бахтадзе проходит досмотр и на станции Баку. На привокзальной площади неторопливо выбирает фаэтон по вкусу. Приказывает отвезти себя на Молоканскую улицу. Там находит мастерскую Сергея Мартияна — слесарные, лудильные, паяльные работы. Зачем-то дважды пересчитывает выставленные на витрине никелированные самовары. Убедившись, что число нечетное, — входит. Улыбается, заговаривает по-грузински. Мартиян обрывает: «Не понимаю чужой разговор!» Пришелец громко смеется, жаждет объять. Мартиян раздражается: «Зачем играешь, кто такой?!»

Не остается ничего другого, как снять парик, сорвать пышные усы. Теперь совсем другое дело! Парень вполне соответствует приметам, заранее сообщенным Мартияну членом Кавказского крайкома Виктором Нанейшвили. Сам Нанейшвили и другой член крайкома Мирза Давуд Гусейнов нетерпеливо ждут Бориса Дзnelадзе в задних полутемных комнатах мастерской. Бакинским и тифлиским подпольщикам необходимо согласовать план подготовки к восстанию, обсудить, как надежнее переправить в Грузию оружие, прибывающее на баркасах с Волги от Сергея Мироновича Кирова.

Документы землемера Деви Бахтадзе до поры до времени останутся в Баку. А Борису срочно вживаться в новый образ князя Визирова, старшего дипломатического курьера Совета обороны Кавказа. Князь следует из Порт-Петровска¹ в Тифлис. С ним охрана и особой важности почта. Должно быть предоставлено отдельное купе в спальном вагоне. Никаких проверок, никакого беспокойства.

Когда осенью Дзnelадзе по комсомольским делам придется предпринять кратковременную поездку в Персию, снова вышлывет на свет князь Визиров...

По северную сторону Кавказских гор неудержимо наступают советские войска. 25 марта освобожден Грозный² 30 — Владикавказ² и Порт-Петровск. В ночь на 28 апреля мусаватистское правительство сдало власть восставшему бакинскому пролетариату. На площади Свободы первомайский парад, праздничное шествие. В Тифлисе в те самые минуты демонстрацию расстреливают ружейными залпами, пулеметными очередями. «Народные гвардейцы», английские военные полицейские хватают уцелевших. Многим из последних сил шагать в Метехский тюремный замок.

На той же неделе правители Грузии в полное подтверждение предельно точной характеристики, данной им Лениным, — «Что такое меньшевики? Это люди, которые держат нос по ветру» — сообщают в Москву о своей готовности заключить мирный договор. Обязуются дать большевистским организациям «право свободного существования и деятельности, в частности, право свободного устройства собраний и право свободного издательства (в том числе органов печати)». На свободу выходят более тысячи коммунистов. Среди других, к огромной радости Бориса, — его «крестный отец» Миха Цхакая.

Пользуясь моментом, Дзnelадзе захватывает на Ново-Бebutовской улице «особняк» — бывшую кухню и чулан при ней. К дверям прибывает две от руки написанных таблички: «Центральный Комитет комсомола Грузии», «Редакция газеты «Молодой Пролетарий». Не останется это без внимания высоких сфер. Будет за него спрошено при первой возможности...

Борис — полномочный делегат Грузии на Конгресс Коминтерна. Вместе со старейшими, выдающимися большевиками. С Цхакая, Махарадзе, Тодрия!

От Баку дальше на север грузинская делегация едет в вагоне Серго Орджоникидзе. Серго подолгу стоит с Борисом у окна, расспрашивает о том о сем, сам рассказывает. Перед прибытием поезда на Минеральные Воды снова уединяется с Дзnelадзе. Заставляет себя сказать:

— Надежд на то, что после Конгресса меньшевики дадут тебе вернуться в свое царство, почти никаких. Рисковать нельзя. Дело быстро идет к тому, что в Грузии нашему брату опять работать в подполье. Кем заменить тебя, я не представляю... Сходи, Борис, с поезда, добрайся побыстрее в Тифлис!.. Я не приказываю, прошу!.. Дай руку!..

25 августа 1920 года в четыре часа тридцать минут в помещении «Национального Совета» открывается съезд

¹ Порт-Петровск — ныне Махачкала.

² Владикавказ — ныне Орджоникидзе.

комсомола Грузии. С предварительного разрешения министерства внутренних дел. Дзnelадзе просит всех посторонних удалиться. Переодетые агенты «особого отряда» и «народных гвардейцев» ничего «не слышат». Борис повторяет еще раз: «Все, кто не имеет делегатских удостоверений или пригласительных билетов, обязаны уйти!» Объявляется вице-директор министерства, рекомендует время не терять: «Мы зала не покинем. Заседайте при нас!»

Что ж, можно и при них. Пусть слышат из первых уст.

Дзnelадзе: «Все равно, как бы ни преследовали, как бы ни истязали в тюрьмах наших товарищей, меньшевистский режим... обречен, противоестествен. В один прекрасный день трудящаяся молодежь Грузии, вместе со всем народом, отпоет заукоянную господам Жордания и Гегечкори...»

Неполные сутки спустя тот же вице-директор руководит операцией по разгрому ЦК комсомола и редакции молодежной газеты; Борис уже в Метехской тюрьме, как обычно обвинение неизменное: «Призыв к вооруженному восстанию». Следует резкий протест полномочного представительства России, напоминание об обязательствах по мирному договору. Циничный ответ: «Государственные интересы настоятельно требуют, чтобы Дзnelадзе Борис Девович был выслан из Грузии».

Меньшевистский произвол оборачивается помощью. На 9 сентября в Баку назначен Первый съезд молодежи Востока — Кавказ, Туркестан, Бухара, Хива, Турция, Персия. Борису быть обязательно — выступать с основным докладом, баллотироваться в бюро Совета молодежи. Есть неотложные дела и в Иранском Азербайджане — Тебризе, Казвине.

В Москве, на Малой Дмитровке, 6, в здании бывшего купеческого собрания — Всероссийский III съезд комсомола. Для Бориса все впервые, необычайно, сверхудивительно. Москва... Комсомол, свободно обсуждающий свои дела. Речь Ленина, обращенная к ним, молодым!..

Не двигаться, не говорить, только жадно впитывать в себя. Не сразу доходит содержание переданной ему из президиума записки: «Приготовься! Фамилии твоей называть не будем».

Председатель: «Слово для приветствия имеет представитель красной молодежи Грузии».

Представитель Грузии: «Я приветствую вас от имени ЦК Коммунистического Союза Молодежи Грузии. Вы, пролетарская молодежь России, счастливые — потому что имеете возможность свободно устраивать съезды и решать все дела.

Коммунистическая молодежь Грузии лишена этой возможности. Нас арестовывают и сажают в тюрьмы за то, что мы говорим, что в конце концов пролетариат Грузии должен восстать и свергнуть изменников рабочего класса, чтобы соединиться со свободной Россией. Коммунистический Союз Молодежи Грузии ведет самую ожесточенную борьбу против меньшевистского правительства за то, чтобы сделать нынешнюю Грузию Советской».

...У меня хватит смелости заявить от имени наших молодых коммунаров, что в самом скором времени этой меньшевистской Грузии не будет, а скоро будет Красная рабоче-крестьянская Советская Грузия!»

Скоро... После одной зимы.

В третью годовщину Октябрьской революции арестован полностью весь Тифлисский комитет комсомола. Делегаты, прибывшие на республиканский съезд Союза молодежи, собираются на... крыше здания представительства России. Зато лучшая гостиница Тифлиса «Ориант» предупредительно отдана под постой «горскому правительству», «комитету содействия горцам и терским казакам по их освобождению от большевиков», «комитету возрождения Баку»...

По требованию министра внутренних дел Н. Рамишвили объявлена «чрезвычайная мобилизация» — гимназистов и их почтенных дедушек хватают на проспектах и бульварах, под конвоем доставляют в казармы. Карательные отряды артиллерийским огнем сжигают селения нейтральной зоны, установленной после войны Грузии с Арменией. Разорваны дипломатические отношения с Азербайджаном, его посольство заключено в тюрьму.

...Весеннее половодье прорывает плотину. Восстание перебрасывается из уезда в уезд. Из Восточной Грузии в Западную, в горы Рачи, в приморские долины Абхазии. Борис Дзnelадзе среди тех, кто на рассвете 25 февраля 1921 года — в Грузии это начало весны — водрузил над Тифлисом красное знамя Советской власти.

Сразу два назначения — секретарь 2-го городского райкома партии и член Кавказского бюро ЦК РКСМ, впервые учрежденного для руководства комсомолом по обе стороны Главного Кавказского хребта — стало быть, в Азербайджане, Армении, Грузии, Дагестане, Горской республике.

Два месяца спустя участники пленума ЦК комсомола Грузии энергично атакуют Серго Орджоникидзе: «Дзnelадзе должен вернуться! Настаиваем, чтобы он был ответственным секретарем нашего ЦК!» В конечном счете Серго подымает руки: «Быть по-вашему!»

Еще почти год Дзnelадзе будет заниматься исключительно комсомолом. До

письма Ленина: «Это и для тов. Серго и для всех членов ЦК Груз. Ком.

...Во что бы то ни стало и немедленно развить и усилить Грузинскую Красную Армию. Пусть I бригада для начала, пусть даже меньше — 2—3 тысячи курсантов красных, из них полторы тысячи коммунистов... Тут шутить нельзя. Это политически абсолютно необходимо — и Вы лично и весь Грузинский ЦК ответит перед всей партией за это».

«Партией мобилизованный» Дзnelадзе становится комиссаром Грузинской военно-сводной школы. Тогда о ней точно и уважительно говорили: «Кузница красных командиров». Двадцать пять генералов, более двухсот полковников, соток Героев Советского Союза — бывшие курсанты того, первого, набора. И в каждом — немало от комиссара Бориса Дзnelадзе.

Начало октября двадцать третьего года застаёт Бориса в горах, в туберкулезном санатории Абастумани.

Из Тифлиса депеша с пометкой: «Особо важно. Срочно!» Приглашение на республиканский съезд комсомола Врачи категорически против. Годы подполья, меньшевистские тюрьмы оставили слишком глубокий след. Болезнь лечению поддается плохо. Уверенности никакой...

— Не надо уговаривать. Я обязан поехать. Хотя бы для того, чтобы попрощаться... Другого случая не будет.

Не будет и этого. Живым до Тифлиса Борис добраться не сумеет. В пятницу, 5 октября, из горла хлынет кровь... Десятого в театре имени Руставели — траурное заседание. Одиннадцатого похороны.

Прожито двадцать три года! Потом будет памятник в центре Тбилиси, в саду Коммунаров. Будет баллада, сложенная замечательным армянским поэтом Егише Чаренцом.

И — память поколений!

Философия и романтика ИСТОРИИ

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ

Вслед за романами о фараоне Эхнатоне и Перикле Георгий Гулиа написал третью часть трилогии, в которой он обращается к истории античного Рима в период одного из ее сильнейших переломов.

Если каждый человек — сын своего времени, то это тем более относится к великому человеку. И говоря об античном гуманизме, мы должны признать, что Перикл был одним из выдающихся представителей этого гуманизма.

Антиподом благородства греческого стратега, каким мы увидели его в предыдущем романе, явился римский диктатор Сулла, который в годы своего господства залил страну кровью. Сулла также не был лишен таланта, но жизнь Рима его времени, разъедаемая частыми гражданскими и внешними войнами, была иной и нуждалась в руководителе другого типа. Сулла оказался самым сильным среди современников и потому победил. Вспомним слова Митридата Евпатора о политической жизни тогдашнего Рима: партийные распри больше ослабляли его, чем внешние войны.

Для художественного отображения этого сложного исторического материала, кроме известных «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха (т. II, стр. 119—153), в романе о Сулле в основном использованы исключительно богатые сведения Теодора Моммзена¹, дошедшие до нас части «Истории Рима» Аппиана, в которых содержатся колоритные описания гражданских войн Древнего Рима², и труд профессора Машкина по вопросам истории Древнего Рима³ и много других источников.

Нельзя не упомянуть уцелевшие фрагменты из 22 томов «Воспоминаний» самого Суллы, которые он закончил незадолго до смерти и посвятил Лукулле. Автор трилогии приводит все дошедшие до нас выдержки из этих «Воспоминаний», что придает больше убедительности исторической правде художественного произведения.

Кто же был Сулла?

Луций Корнелий Сулла настолько крупная фигура в истории Древнего Рима и столь многое связано с его именем, его поразительной личностью и еще более сложным его временем, что все это могло послужить материалом для написания не одного романа. Плутарх указывает, что происходивший из рода патрициев или эвпатридов Сулла, один из предков которого — Руфин был консулом (по вине этого предка все потомство обеднело), воспитывался в небогатой семье. Впоследствии, когда от похода в Африку Сулла разбогател, кто-то сказал возгордившемуся полководцу: «Ну, как тебе быть порядочным, если ты, ничего не унаследовав от отца, владеешь таким состоянием?»⁴. Но Сулла стал обладателем крупного состояния не только в результате африканского похода; по завещанию молодому Сулле оставила изрядное наследство его пожилая воз-

¹ Моммзен, История Рима, т. II, 1937, стр. 50—430 (почти весь второй том).
² Одна часть включена в книгу: «Поздняя греческая проза», 1960, стр. 203—215.
³ Н. А. Машкин, История Древнего Рима, 1948, стр. 237—249.
⁴ Плутарх, Сравнительные жизнеописания, т. II, стр. 119.

любленная Никопола. То же самое сделала мачеха Суллы, которая любила сына как родного сына⁵. Этот выдающийся римский полководец, выдержав столько роковых испытаний, пройдя через множество рискованных предприятий и величайших опасностей, прожил всю свою жизнь, оставаясь целым и невредимым, и не случайно был прозван «счастливым». Сулла и сам называл себя так. Избалованный судьбой и талантом, он считал, что был «любимцем Афродиты».

Но вернемся к характеристике личности Суллы.

В античной истории долго не прекращались горячие споры о том, что имя Сулла значит «веснушчатый» и происходит от этого слова, так как у Суллы действительно на лице были веснушки. Плутарх отмечает, что Луций Корнелий Сулла был остроумным шуником, любителем вина, ловеласом. Эти качества в нем сохранились и в период диктаторства, и в старости⁶. В силу его характера ему смолоду пророчили большое продвижение на военной и политической арене, а один иностранец, сопровождавший Оробаза — посла царя Арсака на переговоры с Суллой, сказал: «Человек этот непременно достигнет самого высокого положения, да и сейчас приходится удивляться, как он терпит над собой чью-то власть»⁷.

Историки всегда высказывали удивление по поводу противоречивости его характера: иногда за самые незначительные пропуски он предавал людей смерти, а тяжкие преступления иной раз оставались как будто незамеченными. Всюду и во всем им двигало одно — достижение поставленной цели. Ради этого он шел на любые жертвы и не останавливался перед вероломством. Он был упорен, смел и решителен.

Как политический деятель и полководец Сулла, несомненно, крупная фигура в истории античного Рима. Достаточно вспомнить предпринятый им в 87 году до н. э. поход из Нолы (нынешний Неаполь) на Рим для уничтожения тираннии. Он считал тиранией правление, осуществляемое Гаем Марием и Публием Сульпицием, с которыми дружил в течение десятков лет. Однажды Марий даже спас от смерти Суллу, но последний вскоре предал забвению эту услугу, а после взятия Рима установил награду за голову Мария; Сульпиций же был убит по его приказанию. Сулла незамедлительно отменил законы Сульпиция, ввел свои, что означало восстановление законов Сервия Туллия в пользу партии оптиматов. Из политических соображений Сулла приблизил к себе своего противника Цинну — приверженца Мария и провел его в консулы, заставив его предвзятельно дать на Капитолии «страшную клятву» верности (эту клятву Цинна вскоре нарушил). Он жестоко покарал врагов и стал полным властелином Рима. Так пишут Плутарх (стр. 126—127), Моммзен (240—247), Машкин (240—241). Однако те же историки указывают, что остается неясным и непонятным, как могло случиться, что в таких условиях Сулла отправился на эллинский Восток воевать против Митридата Понтийского. Согласно правильному замечанию Моммзена, это была вторая дилемма, а первой являлось доведение до конца непосредственных дел Рима. «Что именно побудило его сделать такой выбор: патриотизм или равнодушие, останется навсегда неизвестным» (т. II, стр. 247), писал Моммзен, и эта проблема поныне осталась необъясненной.

Выступив из Рима, Сулла овладел многими городами Греции и подступил к Афинам. После взятия этого города в 86 году он «опустошил Академию, самый богатый деревьями пригород, и Ликей»⁸. В этих местах были расположены знаменитые философские школы Платона и Аристотеля — Академия и Ликей. Город был разграблен, разрушен и опустошен. Но тиран все же проявил «великодушие» — кое-что «простил» Афинам за великое прошлое. В частности, после того как огромное пространство было залито кровью, Сулла, пресытившись мезью, тепло высказался о славном прошлом Афин пришедшим к нему с просьбой о пощаде и добавил, что «милует живых (кто же уцелел? — Г. Д.) ради мертвых». Тиран Сулла приказал отравить ядом другого тирана — Аристорона. Что касается похода против Митридата, Плутарх говорит, что после убийства Фимбрием консула Флакка и нанесения поражения понтийским полководцам положение изменилось. Митридат попытался подружиться с Суллой, чтобы объединиться против Фимбрии, тем более что последний являлся политическим врагом Суллы. Митридат и Сулла заключили мир в Дардане (Троада), а Фимбрий, войска которого перешли на сторону Суллы, покончил жизнь самоубийством (там же, стр. 138—139).

⁵ Там же, стр. 120.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 122.

⁸ Там же, стр. 129.

После этого Сулла вступил в Пирей, где «забрал себе библиотеку теосца Аппеликона, в которой были почти все сочинения Аристотеля и Теофраста, тогда еще мало кому известные. Когда библиотека была доставлена в Рим, грамматик Тираннион, как рассказывают источники, многое привел в порядок, а родосец Андроник, получив от Тиранниона копии привезенных книг, обнародовал их и составил указатели, которыми пользуются и поныне»⁹.

В личности Суллы военный талант органически сочетался с смелостью и коварством. Против сорока когорт Сципиона он выставил только двадцать своих, но хитростью привлек на свою сторону войска врага и добился победы без боя. В его личности уживались лисица и лев. Карбону приписывают слова, что, «воюя с жившими в душе Суллы лисицей и львом, он больше терпел от лисицы»¹⁰. Его отважность, хладнокровие, сообразительность, способность быстро и при том безошибочно разбираться в явлениях были поистине сказочными, равно как и неукротимая жестокость, когда действовал лев, и милование, когда место льва занимала лисица.

После окончания войны с Митридатом Сулла вернулся к непосредственным италийским делам, в 83 году нанес жестокое поражение марианцам, взял Рим, и снова по его приказу начались массовые убийства. В Беллонском храме он собрал сенаторов, и, когда начал говорить, снаружи послышались отчаянные предсмертные крики обреченных жертв. Потрясенным сенаторам Сулла сказал спокойно: то, что происходит снаружи, их не касается; там-де по его повелению вразумляют кое-кого из негодяев¹¹. О том, что представляло собой это «вразумление» и кто были «негодяи», история повествует так: после взятия Рима уцелевшим врагам Сулла обещал безопасность, в случае если они явятся к нему с повинной. У цирка собралось шесть тысяч человек, которые были зверски перебиты посланцами Суллы, окрестившего убийство шести тысяч человек «вразумлением кое-кого».

О разнузданном произволе, царившем в то время в Риме, подробно говорится в исторических источниках. Составлялись особые списки-проскрипции, согласно которым без суда и разбора убивали людей, а имущество их конфисковывали. Отцы и сыновья награждались за то, что убивали друг друга или родственников. Так происходило во всех городах Италии, в храмах, на улицах. «Мужей резали на глазах жен, детей — на глазах матерей»¹². В небольшом городе Пренесте (близ Рима) собрали вместе и вырезали 12 тысяч человек. Были убиты включенные в проскрипции восемьдесят (Плутарх) или девяносто (Макин) сенаторов и 2600 воинов. Луций Катиллина, получивший известность организацией заговора 63 года, в знак фанатической преданности Сулле убил собственного брата, добился включения его в проскрипцию задним числом и в благодарность за это преподнес сидевшему на форуме Сулле голову Марка Мариа, а потом умыл окровавленные руки в «священной кропильнице» храма Аполлона¹³. Нет надобности приводить все ужасы, творимые тогда, но надо сказать, что проскрипции при Гае Марии и Сулле приняли неслыханные до того масштабы. Аппиан приводит указ Триумvirата времен Цезаря, в котором сказано: «...мы не покараем так много людей, как в недавнее время — другой диктатор (имеется в виду Сулла. — Г. Д.), который спас государство во время гражданской войны и которого вы за его удачные действия называли Счастливым»¹⁴. Слова о том, что не будут карать многих, как при Сулле, содержат в себе скорее оправдание, чем признание истины. Аппиан, посетивший виллу трагически погибшего во время этих проскрипций великого Цицерона (в которой скрывался знаменитый оратор и философ Древнего Рима), пишет: «Злодеяния были чудовищные — таких не увидишь даже во время восстания или после вражеской победы, когда страшатся восставшего или врага, но твердо полагаются на своих домочадцев; теперь же сами домашние внушали больше страха, чем убийцы»¹⁵.

Учинив чудовищную кровавую расправу и уничтожив без суда и разбора противников и невиновных, Сулла захватил неограниченную власть, стал диктатором, полным хозяином положения в Риме. Что бы он ни совершил, ни за что не отвечал. Когда его приверженец Лукреций Офелла стал домогаться консульства, Сулла приказал зарезать его и сам наблюдал из храма Диоскуров за исполнением ужасного акта.

⁹ Там же, стр. 139—140.

¹⁰ Там же, стр. 142.

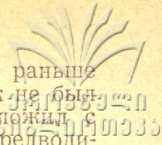
¹¹ Там же, стр. 145.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ «Поздняя греческая проза», 1960, стр. 206.

¹⁵ Там же, стр. 207.

Сулла официально получил от сената титул диктатора, но если раньше диктаторов избирали на определенное время, то для Суллы никакой срок не был установлен. Несмотря на это, совершенно неожиданно вампир сам сложил себя в 79 году диктаторские полномочия, сохранив за собой только предводительство войсками, и присутствовал на консульских выборах как частное лицо. Одним словом, остался на вершине славы, полагаясь на свои заслуги и необыкновенный авторитет.

В это время Сулла живет в исключительной роскоши, почти ежедневно пьет не в меру сорокалетнее вино, вместе с друзьями устраивает оргии с участием женщин, пьянствует с самого утра. Актрисы, актеры и кифаристки развлекают серьезно заболевшего повелителя. Известный комический актер Росций, мимик Сорик и исполнитель женских ролей, уже перешагнувший в старость Метробий, любовь в котором, как свидетельствуют историки, не скрывал Сулла, всячески его развлекали, хотя у него в то время была молодая красивая жена Валерия. Как-то Сулла присутствовал в театре на гладиаторских играх. Некая Валерия, бывшая в то время вдовой, заняла место поблизости от него и, проходя мимо, вырвала шерстинку из его тоги, сказав при этом: «Да ничего особенного, император, просто и я хочу для себя малой доли твоего счастья»¹⁶. Сулла женился на Валерии, но, и года не прожив с ней, умер в 78 году в возрасте 60 лет от страшного недуга «фтириазис» (вшивая болезнь).

Были устроены грандиозные похороны. По словам Аппиана, Сулла «был страшен даже после своей смерти»¹⁷. Естественно полагать, что такие его похороны были обусловлены страхом, а не искренним уважением, хотя недостатка в них кровавый диктатор Древнего Рима никогда не чувствовал и при жизни. Не лишено интереса свидетельство Плутарха, что Сулла сам написал и оставил надпись для надгробного памятника, смысл которой заключается в том, что «никто не сделал больше добра друзьям и зла врагам, чем Сулла» (т. II, стр. 149). Кому бы ни принадлежали эти слова, они хорошо отражают характер личности и политики римского диктатора.

Так охарактеризован Сулла в исторических источниках.

Но как он показан в последней книге трилогии Гулиа?

Роман начинается с приготовления Суллы к походу на Рим. Уже экспозиция дает почувствовать античный римский дух, тогдашнюю ситуацию, ожесточение Суллы против Мариа и Сульпиция, временную отсрочку войны с Митридатом Понтийским для урегулирования «внутренних дел». Здесь же Децим, одинокий человек, фанатичный боец, центурион, который столь же фанатически любит могущественного Суллу, считает его отцом и братом. Автор замечательно рисует портрет Суллы, его демагогию, с помощью которой достигал стольких успехов «любимец Афродиты». Писатель так хорошо описывает лагерь Суллы в Ноле, окружающую его обстановку, Эпикета — верного слугу, толководца и вообще исторические события 88 года до н. э., что трудно различить — читаешь научный трактат или художественное произведение. Точные исторические факты излагаются с помощью таких сильных штрихов, что эффект получается поразительный. Сравните нарисованную в романе сцену избияния камнями посланных сенатом двух народных трибунов — марянцев Харина Лабриана и Гнея Регула — с историческими источниками. В одном случае мы имеем краткое, скупое, холодное повествование, кажущееся тривиальным, в другом — повествование, вызывающее такое сильное возбуждение, волнение и напряжение, что дух захватывает. В этом все искусство, и к чести Гулиа надо сказать: то, что нам знакомо из истории, он, вооруженный палитрой художественной прозы, показал с такой глубиной, которая под силу истинному беллетристу. Именно здесь сказывается специфическое назначение познавательной сущности искусства. И мы хотим особо отметить точное знание автором исторических фактов Древнего Рима, что позволяет ему создавать, опираясь на эти факты, новые факты, т. е. оживлять историю сообразно с ее же данными. Все исторические личности остаются в исторических рамках, все выдуманное и сочиненное воплощает историю. Поэтому «Сулла» с начала до конца — исторический роман, как и «Фараон Эхнатон» и «Человек из Афин».

В этой третьей книге трилогии много сильных, впечатляющих мест. Автору везде удается самым кратким описанием или показом действия нарисовать полную картину. Для иллюстрации приведем только одно место: поход на Рим начался, Сулла двинулся со своими легионами, чтобы расправиться с Марием и марянцами. В то время ему было уже 50 лет, но он все еще выглядел бодрым. «Сулле подвели белого коня, и он показал такую сноровку, садясь на

¹⁶ Там же, стр. 147.

¹⁷ Приводим по Н. А. Машкину, История Древнего Рима, 1948, стр. 247.

него, что ему могли позавидовать молодые. За ним последовали ближайшие помощники, а также и Буфтомий. Прекрасная Филенида следовала за войском в более удобном экипаже, чем военная телега из обоза» («Звезда», № 9, стр. 85). Характеризуя оптимата Суллу и популяра Мариа, автор ни разу не уклоняется от исторической правды. Он пользуется приемами документальной прозы, но так оригинально переплетает эпистолярный материал с художественным текстом, что нигде не чувствуется искусственность. Известное демагогическое послание Суллы встревоженному сенату достаточно для доказательств этого положения, если оставить в стороне исторические сведения, приводимые из «Воспоминаний» будущего диктатора и из других источников. Параллельно и вымышленные лица (например, гладиатор Корд и башмачник Крисп) настолько колоритны, что хорошо «уживаются» с действительными историческими типами. Первый — приверженец Суллы, второй скептически смотрит на дела «любимца Афродиты», как и многие горожане тогдашнего Рима. Среди них — колбасник Сестий, зеленщик Марцелл, одним словом, римские простолюдины, служачие и рабы, все представители гражданских и духовных сословий. Рим 80-х годов первого столетия до н. э. живо предстает перед читателем вместе с его партийной борьбой, внутренними распрями, коварством и вероломством, резней и убийствами, неслыханными мучениями и пытками. Батальные сцены везде нарисованы с большим чувством меры. Автор не упустил из виду и последнюю убежище побежденного Мариа на Палатине, в доме Тита — потомка рода Юлиев, где центурион Децим встречается с Коринной, сразу влюбляется в нее и по этой причине не производит здесь обыска. Не будь Коринны, фанатично преданный Сулле центурион Децим обязательно схватил бы консула Мариа. Для Децима это было большой ошибкой, и, если бы об этом узнал Сулла, смертная казнь не миновала бы Децима. Но впоследствии, когда Сулла вторично взял Рим и снова учинил кровавую расправу, он не простил ошибку своему верному центуриону — приказал другому центуриону убить Децима, как это обычно происходило в то время в Риме.

История любви Децима и Коринны — одна из трагических страниц романа. Читатель с большим интересом знакомится с ней, проникаясь сочувствием к молодым людям, которых судьба обрекла на такую страшную участь.

Когда Сулла взял Рим, резня и убийства, пожары и разрушения в городе достигли таких масштабов, что доведенные до отчаяния римляне кричали: «Что вы делаете? Это же не Карфаген!» (№ 9 стр. 87). Правда, Сулла оградил Рим от участи Карфагена, но три дня убирали трупы убитых по его велению римляне, а на четвертый день победивший Сулла явился в сенат, заседание которого устроил в храме Беллоны. Дочитав роман, читатель поймет до конца демагогию и вероломство Суллы, тот смысл, который содержится в следующих словах «любимца Афродиты»: «Эти господа, кажется, довольны, — сказал полководец тихо. — Идем-ка отсюда поскорее — нам надо заняться настоящим делом» (№ 9, стр. 90). Сулле как будто ничего не стоила данная им сенату клятва в том, что он установит с ним дружбу, а армия будет хранить верность республике, на что наивные сенаторы ответили приветствием.

Чтобы разнообразить повествование, Гулия прибегает и к драматическим диалогам. К примеру, можно упомянуть беседы Корда и Марцелла (№ 9, стр. 98 — 99), Красса и Помпея (№ 10, стр. 94 — 95), Корда и Сестия (№ 10, стр. 106). Тем самым автор вносит новый штрих в свой роман. Не забывает поэтоса (сцены с Вакеррой), щедрое одарение друзей (стр. 100 — 107), хуление философии — она плохая помощница в борьбе, моя философия — щит и меч (стр. 104), убийство Сульпиция (по указанию Суллы Сульпиций был убит его слугой Гиллом, который вместо вознаграждения был тоже убит по его же приказанию), оппозицию Цинны, которому победивший Сулла предложил дружбу, взял с него клятву и, ссылаясь на Перикла, сказал: «Надо проявлять терпимость в отношении своих противников. Кажется, не я первый говорю это. Перикл следовал тому же принципу. Перикл и наши предки. Я хочу, чтобы такой великий политический, государственный деятель, как Цинна, стоял рядом со мною и спорил со мною. Чтобы в споре этом рождалась истина» (№ 9, стр. 112). После этого Цинна и Сулла поклялись друг другу в верности, но, как мы указывали выше, Цинна очень скоро нарушил эту клятву.

В романе показаны живые образы действующих лиц. Один из них — Эпикед, верный слуга Суллы и в то же время советник. Сулла любит Эпикеду, и автор прав, когда говорит: «Да, Сулла любил Эпикеду. С давних пор. Привязан к нему. Любит его всей душой. Странно звучат эти слова, когда говоришь о человеке, который презирал даже само имя человека. И презирал человечество. Счет людям он вел только на когорты и центурии. Женщин любил только потому, что они доставляли ему наслаждение. И Рим любил потому только, что ни в каком другом городе мира не могли бы исполниться его заветные меч-

ты. Ни в Фивах, ни в Афинах, ни в Карфагене. Его честолюбивые помыслы связаны только с Римом. Без Рима он — один из особой рода человеческого. Ему нужен Рим. Не может он без Рима. И без Эпикета не мог обойтись. Он говорит ему все. Любую дерзость. Разумеется, наедине. Да и сам Эпикет, который тоже любит Суллу, никогда не позволил себе высказать какой-либо попрек на людях. Потому что для всех он — прах».

Таков Сулла. Здесь дана совершенно точная характеристика внутренних сил и внутренних духовных потребностей его личности, и мы вполне оправдываем автора, который на всем протяжении романа старается представить Суллу таким, каким он был в действительности, а не только в соответствии с каким-либо возвеличивающим или унижающим его одним источником. Отношение современной историографии к личности Суллы, к его военной и политической деятельности, к его месту в истории Рима до конца сохранено в романе, и это надо считать несомненным достижением автора. Для этого ему понадобилось вспомнить Эхнатона, заставить Суллу говорить о Перикле, ведь в конце концов автор трилогии хорошо понимает, что все три действующих лица его романов, так отдаленные друг от друга по времени, знаменовали грани поворота в истории своих стран и постольку имеют что-то общее хотя бы на меридиане творческих способностей.

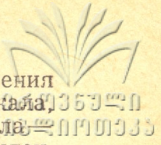
Все эти три деятеля были по-своему верующими. Эхнатон, как мы увидели, ниспроверг древнего бога Амона и уверовал в нового бога — Атона... За это его время объявило фараона после смерти виновным, а древнего бога Амона восстановило со славою. Просвещенный в философских науках Перикл — друг Сократа и Анаксагора — признавал греческих языческих богов, но не был суевереен. Сулла — безбожник, атеист, но верит в предопределение, почитает суеверие, одним словом, возвеличивает предестинацию. Это известно автору трилогии и потому он показывает Суллу накануне походов покорным тому, что предсказывают ему гадатели Буфтомий и Постум.

Для характеристики внутреннего духа Суллы решающее значение имеют его «Воспоминания». История не сохранила их, но существуют отрывки, цитируемые другими поздними авторами. Сулла превосходно использует эти отрывки, когда хочет показать внутренний мир своего героя.

«Воспоминания» написаны им, когда, сложив диктаторские полномочия, он жил в Кампанье. Сулла рассказывает о достигнутом согласии с Цинной во время первого вступления в Рим и о подготовке к выступлению в поход против Митридата Понтийского. Он пишет: «В то время я не мог поступить иначе. Я мог бы пойти и на другие унижения. Ради того, чтобы достичь главной цели своей. Ради того, чтобы после унижить всех моих недругов. «Мы ждем от тебя беспощадных действий в соответствии с твоей силой, твоей великой мощью, а ты унижаешь себя и тем самым унижаешь нас», — говорили мне многие мои друзья из числа знатных и родовитых римлян. Я полагал тогда, полагаю и сейчас, находясь на своей вилле в Кампанье, что поступил правильно. Кто знает, что было бы, если бы я заартачился, заупрямился, словно осел, и поссорился с Цинной? Представляю себе примерный ход событий: вполне возможно, что Цинну все равно избрали бы — вопреки моему противодействию, — как избрали Секунда и Севера в пику мне. И что бы я тогда выгадал? Разве не ясно, что я оказался бы в проигрыше? Даже то, что случилось между мной и Цинной позже, не переубедит меня во мнении, что я был совершенно прав, поступая так, как поступил. Мне надо было думать о походе, мне надо было формировать войско, собирать корабли для переброски армии в Малую Азию, накапливать в городе Брундизий продовольствие, оружие запасное и прочее. И в то же время вести дурацкую интригу с сенатом, который не переспоришь, ссориться с Цинной и тому подобное — это выглядело бы совершенно по-мальчишески. Я бы не жил сейчас на покое здесь, в Кампанье, по существу держа в руках всю власть, если бы не последовал велению своих чувств!..» (№ 9, стр. 119 — 120).

Если бы этот весьма примечательный отрывок из утраченных «Воспоминаний» диктатора был даже апокрифическим, он все равно высказан с большой достоверностью и убедительностью, и соответствие этого высказывания с действительностью доказано исторически. Объяснение тогдашних действий Суллы самим диктатором до конца ясное и убедительное. Малейшее сомнение в этом явилось бы неоправданным скептицизмом. Надо помнить, что, идя к намеченной цели, Сулла ничего не отвергал — ни войну, ни мир (вспомните Митридата Понтийского), ни тиранство (проскрипции), ни милование (примирение с Цинной). Одним словом, достижение победы для него главное, все равно какими средствами — силою ли льва или хитростью лисицы. Совершенно очевидно, что одним из источников легендарного могущества Суллы являлось одинаковое использование всех средств для победы, проявление в применении этих средств необыкновенного упорства, чтобы нигде не допускалось послабление, чтобы воз-

де осуществлялось наступление, если решение принято и борьба для достижения цели начата. Вот это — первейшие признаки непреклонной, крепкой, как скала воли Суллы. Поэтому мы всецело согласны с автором трилогии, что его исторически существовавший Сулла, а не кем-либо сочиненный или вымышленный. Его Сулла получил в трилогии такое художественное воплощение, когда искусство нигде не противоречит научной истине, а наука нигде не отвергает искусства. Вспомните включение цитат из произведений Плутарха и Аппиана (например, № 10, стр. 96 — 97) как органических частей авторского прозаического текста. Этим приемом писатель достигает двух результатов: во-первых, убеждает читателя подлинными историческими источниками, во-вторых, добивается того же с помощью сочиненной собственной беллетристики. Достаточно сослаться на взаимоотношения между поэтом Варинием и диктатором Суллой, на их спор во время обычной выпивки, после чего пьяный и рассерженный «любимец Афродиты» говорит центуриону Дециму относительно Вариния: «Это несправимый марианец. Половина имущества — твоя. Голову выставишь на форуме» (№ 10, стр. 95—100). Конечно, волю диктатора преданный ему центурион, к тому же невежа и неуч, который никакого представления не имел о достоинствах поэта, поспешил выполнить неукоснительно. Вариний погиб трагически, а Сулла, присутствовавший в цирке на представлении бестиариев (гладиаторов, борющихся с дикими зверями), вспомнил поэта и сказал: «Был бы жив поэт Вариний, увидел бы сам, как весел и счастлив римлянин» (№ 10, стр. 102). Сцены в цирке — бой гладиаторов, необычные обстоятельства знакомства пожилого (59-летнего) Суллы с 30-летней Матринией читаются с увлечением. Мастерски нарисованы также конец центуриона Децима, убийство самим Децимом увлеченного астрономией юного солдата Гнея Алкина и, наконец, эпилог, в котором описан исторический факт, как умирающий «любимец Афродиты» вызвал к себе магистрата города Путола — Грания, который отказался уплатить долг государству, рассчитывая на то, что сложивший диктаторскую власть Сулла скоро умрет и денег не придется платить. Удушить! — приказал Сулла своим слугам. В сильном гневе он так закричал, что у него лопнул сосуд на шее, но он успел уничтожить жертву и спустя двенадцать часов, рано утром, в возрасте 60 лет умер. Смерть тирана, последовавшее затем сожжение его тела и вообще церемония погребения изложены в романе с такой же точностью, как у Плутарха, как у всех историков Древнего Рима. Но если последняя фраза эпилога — «Костер заливало, над Римом ярилась гроза» (№ 10, стр. 110), с одной стороны, рисует дождливую погоду в день похорон Суллы, с другой — аллегорически намекает на те новые военно-политические катаклизмы, которые после только что умершего тирана со страшной силой разразились над Римом.

Таков в общих чертах исторический портрет Луция Корнелия Суллы, сохранившийся в древних источниках, и таков его художественный образ, нарисованный в третьей части трилогии Гулла.

* * *

Подвергая анализу все три части трилогии и сравнивая их друг с другом, можно сделать интересные выводы. Мы считаем бесспорным, что в «Фараоне Эхнатоне» романтическое начало превалирует над философским на социальном фоне, во второй части трилогии — о Перikle — философское сочетается с романтическим, не исключая социального, а «Сулла» объединяет романтическое и философское начала вместе с социальным. В то же время нигде не забыто лирическое, везде подчеркнуто эпическое, и вся трилогия представляет собой лучший образец перехода лирического в эпическое и эпического в лирическое на фоне трагического.

Язык и стиль трилогии лаконичны, но в них чувствуется внутренняя теплота, темперамент, преисполненные красоты. Диалоги чередуются с повествованием, а повествование с диалогами. В обоих случаях мы имеем дело с органической цельностью, а оригинальность проявляется в неожиданной взаимной замене. Внутренние переживания автора в процессе творчества настолько ощутимы, что передаются и читателю. Поэтому невозможно читать произведения Гулла без волнения. Писатель, выросший у моря, привыкший к нему и сроднившийся с шумом воды, щедро одаренный природой динамическим характером, очевидно, не мог избрать другой стиль. Какую бы тему он ни разрабатывал — современную или историческую, — манера его письма настолько самобытна, что везде можно узнать автора, не прибегая к специальному исследованию. Проза его настолько опозитивирована, что внутренний ритм ее зачастую звучит как поэзия. Поэтому не случайно столь частое обращение к тавтологии во всех частях трилогии.

Гулиа давно уже создал собственную манеру и стиль письма, свободные от посторонних примесей и реминисценций. Это, несомненно, его победа, и мы не можем не отметить это особо.

Есть еще один момент, также свидетельствующий о безусловном авторстве автора трилогии. Мы имеем в виду сюжет исторического романа.

Вообще самой сложной проблемой для авторов исторических романов является фабула и умение связать ее в цельный сюжет. Если писатель игнорирует исторические факты, опирается только на свою фантазию, выдумывает ситуации, тогда этой проблемы у него уже нет. Но если соблюдает точно все, что было в истории, что дошло до нас в виде фрагментов, и выдуманные факты использует только для того, чтобы проложить мост для соединения пробелов, тогда проблема фабулы, сюжета встает перед писателем со всей остротой, требуя от него поистине кропотливого труда. Первый путь — сравнительно легкий, второй — несравненно труден. Гулиа избрал второй путь, самый сложный, самый тяжелый. Во всех трех романах им достигнута цельность сюжета, все части трилогии отличаются его собранностью, а исторические факты нигде не нарушены, наоборот, выдвинуты на передний план со всей точностью. Сохранившиеся в древнейших источниках все без исключения сведения об Эхатоне, Перикле и Сулле автором использованы необычайно широко.

* * *

В заключение несколько слов о моем личном отношении к автору трилогии.

С Георгием Гулиа я впервые познакомился в конце 1932 года, когда был командирован на строительство Черноморской железной дороги как молодой журналист. Моей «резиденцией» был город Очамчире. Оттуда в течение целого месяца я посылал заметки и телеграммы в редакцию газеты «Ахалгазда комунисти».

Как-то придя на один из участков строительства, я увидел ровесника, радушно беседовавшего с начальством. Тот познакомил нас. Георгий Гулиа, сын Дмитрия Гулиа, — сказал он. Мне понравилось улыбающееся лицо Георгия, та непосредственность, с которой он встретил меня. Я невольно подумал — вот счастливцев, сын славного, именитого отца! Завязалась беседа на трех языках: грузинском, русском, мингрельском. Мы разошлись как друзья, а в дальнейшем встречались как сражающиеся на литературном поприще солдаты. Время текло, многое изменилось, но наши отношения всегда оставались неизменными. Георгий Гулиа я всегда считал обещающим литератором, но скажу, не скрывая, не думал тогда, что он достигнет столь многого, станет таким видным беллетристом, создаст такую историческую трилогию, для написания которой требуются как глубокие знания ученого-историка, так и талант романиста. Я рад, что рассмотренная мною историческая трилогия принадлежит перу человека, который в пору юности был моим знакомым, позднее — другом, а ныне является выдающимся писателем, произведения которого читаются с таким увлечением.

ПРИБЛИЖАЯ К ПОЗНАНИЮ

Прошло тридцать лет с тех пор, как стихи Маквалы Мревлишвили впервые нашли путь к сердцу наших маленьких читателей, и я думаю, счастье приобщиться к миру стихов поэтессы выпадет на долю многих последующих поколений.

Природа человека вообще, а ребенка в частности прямо или косвенно подвластна изменениям эпохи, но биологические, психологические и другие его особенности не столь уж легко подчиняются течению времени. Он остается самим собой в любые эпохи, и даже в тридцатом столетии не хотелось бы видеть важно шествующего двух- или трехлетнего мудреца, которого не удивляли бы чудеса природы, который не приходил бы в трепет от волшебства весны, от пения соловья, не испытывал бы безудержного восторга, бегая босиком по траве...

Маквале Мревлишвили знакомо малейшее движение детского сердца, и потому мы так бесконечно доверяем ее душевному разговору с детьми.

Истинная простота внешне непритязательна, и поэтому кажется — постичь ее не столь уж трудно. Но именно в этой непритязательности и заключена тайна подлинного мастерства. Это относится прежде всего к детской поэзии, в которой один нюанс, счастливо найденная деталь равны порой целому открытию.

Дети, конечно, не осознают, да и многие из взрослых, возможно, не почувствуют, что естественные как дыхание строки «Доброго утра» родились в результате мучительных творческих поисков. Обычные слова приветствия — «Доброе утро» зазвучали в стихах поэтессы по-новому, стали действенным компонентом художественного фона их основной мысли. Для авторского замысла органична непринужденная интонация, сочетание вопросов и ответов, придающих стихотворению непосредственность, благородную наивность и лаконичность. В нем раскрылся преломленный в призме детского восприятия и мышления мир, где все живет для радости ребенка, для добра. Нужно было самой в полную силу испытать притягательную, неповторимую красоту утра, чтоб потом с помощью фантазии вылепить такие конкретные, такие четкие образы.

Белинский говорил, что, чем меньше ребенок, тем непосредственнее должно быть его нравственное воспитание. Иными словами, тем более мы не должны его обучать, а должны приучать к добрым чувствам, стремлениям и поступкам. Опора для этого, в основном, привычка, а не преждевременное и, следовательно, неестественное развитие интереса. Иначе, что может быть легче, чем зарифмовать правила хорошего тона. В литературе почти каждый подобный опыт либо терпел крах, либо приносил обратный результат. Ребенку и так приходится слышать немало нравучений и голых формулировок, а похожие друг на друга как две капли воды назидательные стихи лишь отобьют у юной души интерес и тягу к поэзии.

Чистота, искренность чувств — эликсир детской поэзии. Кто не верит в большие потенциальные возможности детей, тот не имеет права называться детским поэтом.

Маквала Мревлишвили принадлежит к числу тех, кто осторожно и исподволь развивает в душе наших маленьких граждан замечательные качества, без которых немислим настоящий человек, но адресат воспринимает эти стихи не как назидание, а как добрую родительскую беседу, как безобидное, не унижающее их детское достоинство замечание:

Не бойся, фиалка!
Мэзия не сорвет тебя,
Она хочет лишь посмотреть на тебя,

Она присядет рядом
И скажет другим детям тоже,
Чтоб никто тебя не тронул!¹

И беседа с фиалкой, и «поручительство» свидетельствуют о большом такте автора.

Среди стихов М. Мрвлишвили особенно приметны «Лали», «Котенку понравилось», «Домохозяйка», «Две сестрички», «Спокойной ночи», в которых извечные, старые как мир и всегда новые проблемы внутренней жизни ребенка решены с большим художественным мастерством. Юные герои стихов Маквалы Мрвлишвили служат живым примером уже не одному поколению и впредь будут воспитывать и приобщать своих ровесников к удивительной красоте материнской и детской любви, к почитанию старших, к умению дружить с ровесниками и еще ко многим замечательным человеческим качествам.

Мы можем лишь пожелать их автору еще шире раздвинуть рамки в тематическом решении стихов и освободить их от некоторого идиллического налета.

Известные нам циклы стихов М. Мрвлишвили — в стихии народного творчества. Но в данном случае и речи не может быть о каком бы то ни было заимствовании. Поэтесса восприняла из народного творчества лаконичность, лексическое богатство и ритмико-интонационное разнообразие. Здесь вы не встретите голого, холодно констатирующего тот или иной факт описания. Каждое стихотворение — своеобразное живописное полотно, в котором пластическое изображение сливается с неиссякаемым богатством грузинского языка, благозвучной и звонкой рифмой. Традиционные средства стиха переплетаются с его современной культурой. И это очень хорошо, что наши дети, прежде чем сами возьмут в руки букварь и научатся читать, через стихи М. Мрвлишвили приобщаются к образному, емкому, чистому грузинскому языку. Вспомним несколько примеров:

В воде стоят
Цапли,
Приподняв
Голени.

Боятся
Лягушата
И больше
Не кувыркаются.

Так предельно точно и в то же время образно нарисована картина, которая не просто скупой и сухо говорила бы ребенку о чем-то, давала бы полезную информацию — перед его взором разыгралась целая сценка, эмоционально окрашенная и вызывающая определенное настроение.

Опираясь на магическую силу звуковых повторов, поэтесса достигает необычных эффектов. А музыка стиха способствует тому, что ребенок очень легко и быстро запоминает его.

А как часто в стихах Маквалы Мрвлишвили одна удачно найденная деталь придает тон всему повествованию, становится стержнем, на котором строится все стихотворение. Вспомним строки:

Выпал обильный снег,
Надевает боты слон,

Пары бот ему не хватит,
Топает в двух парах он.

Целый ряд стихотворений носит на себе печать времени — века телевизоров и освоения космоса. Сегодняшний ребенок вполне подготовлен к восприятию такой картины:

Маленький паучок
Спустился сверху по паутине,

И я, мол, люблю скользить
По воздушным дорогам.

Искренняя любовь к природе, к живому миру никогда не мешает поэтессе разговаривать с детьми о достижениях техники, говорить об этом понятно и доступно. Снова обратимся к словам Белинского, говорившего о том, что о достижениях технического прогресса, о машинах для детей надо писать как о живых существах.

Стрекоза, например, напоминает поэтессе вертолет, и она делится этим впечатлением с детьми:

Кувыркнулся вертолет,
Хвост у него длинный!

Не подумайте, что это и вправду вертолет,
Это всего лишь стрекоза.

¹ Здесь и далее стихи даны в подстрочном переводе.

Такие одушевленные аналогии очень современны, и Маквала Мревлишвили часто обращается к ним.

Богатая палитра красок способна передать сложнейшую гамму настроений. В стихах Мревлишвили мягкий юмор соседствует с психологической наблюдательностью, задорная песня чередуется с сочным, остроумным диалогом, считалки — со скороговорками.

Раз черешня, два черешня,
Много черешен — веточка!
Птичка их насобираала,
Приволокла к нам.

Проще и не скажешь, но обратите внимание, как естественно переплетены в стихах познавательные, воспитательные и эстетические элементы. Ребенку необходимы такие стихи, которые войдут в его мир, а потом станут неразлучными его спутниками, помогут расти, уметь, познавать окружающее.

В стихах М. Мревлишвили можно проследить процесс развития и созревания ребенка как личности. Первый цикл стихов — «Наши игрушки» завершается стихотворением «К школе», в котором превалируют элементы реальности, когда каждый предмет в основном должен быть назван своим именем. С детьми этого возраста уже можно говорить о высоких материях, в частности, они уже понимают и чувствуют, что значит для них родина. Именно для детей старшего дошкольного возраста написана обаятельная по своей тональности песня:

Моя мать — Грузия,
Я буду любить тебя до самой старости,
Буду любить твои красочные горы и долины,
Сиянье цветов.
Не прошла еще зима,
А весна уже мчится...
Это ведь моя отчизна,
Явившаяся мне в образе матери.

Несметные, красочные
Цветы
Распустились и засверкали
Под лучами девятиглазого светила.
Это ведь дети твои,
На которых не налюбуйешься ты,
Бирюзовонебая Грузия,
Я поклоняюсь имени твоему.

Поэтесса расширила кругозор детей до масштабов общечеловеческих понятий. Темы ее стихов разнообразны. Здесь и борьба за мир, школьная учеба и дружба, братство между народами.

Маквала Мревлишвили — автор множества стихов, нескольких поэм и сказок, которыми по праву гордится вся грузинская детская литература. В них много не только интересного, но и оригинального, новаторского и самобытного.

Истинный талант вечно молод, вот почему мы ждем от Маквалы Мревлишвили еще очень и очень многого. Ждем еще и потому, что благодаря ее переводам приобщились к очарованию французской народной поэзии, исполненной жизненной правды, блестящей остроумием, проникнутой искренностью. Восхищаясь талантом поэтессы, мы уверены, что каждая строка, вышедшая из-под ее пера, будет отточена с прежней энергией и вдохновением мудрого мастера.

Жоборники дружбы и братства

«Для Акакия Церетели основной и главной темой являются дружба и братство. Мечта о братском союзе и единении народов вдохновляет поэта... Своим острым пером он разоблачает врагов дружбы и единения народов, тех, кто сеет семена вражды между ними. Для Церетели все нации равны и являются братьями», — писал видный азербайджанский литературовед Ф. Кочарли в 1908 году в газете «Терегги» в связи с 50-летием поэта.

Проследим эти положения на примере творческой практики этого выдающегося проповедника идей дружбы народов в аспекте отражения в его многогранном творчестве азербайджанской тематики. Начнем с того, что, будучи студентом факультета восточных языков Петербургского университета, Акакий Церетели изучил азербайджанский язык, что дало возможность впервые именно ему перевести на грузинский язык комедию великого азербайджанского драматурга М. Ф. Ахундова «Визирь Ленкоранского ханства», которая в 1898 году была опубликована в журнале «Ежемесячный сборник Акакия».

Далее, первым среди грузинских поэтов он выступил против политики царского самодержавия, спровоцировавшего в 1905 году резню между азербайджанским и армянским народами. В своем стихотворении «Совет» поэт призывал их прекратить безумное кровопролитие, отбросить сабли, кинжалы, не смотреть враждебно друг на друга. Объединив

свои силы, писал А. Церетели, они смогут уничтожить любого врага.

Городу нефти поэт посвятил стихотворение «Баку», впервые опубликованное в газете «Теми» («Волость») 9 апреля 1912 года. Оно проникнуто глубокой симпатией к бакинскому рабочему. Поэт описывает узкие пыльные улицы города, серые дома, постоянный ветер, тяжелые условия труда нефтяников. Даже воздух там пахнет нефтью, — говорит он. — Только деньги не пахнут. А они в чьих руках? Ими владеют несколько человек, тысячи же голодают. Богатством владеют Тагиевы, Нагиевы и другие. Сила XX века, — по словам поэта, — только в миллионах, миллионах и миллионах. Вот почему он не хочет хвалить Баку.

Той же линии укрепления дружбы между азербайджанским и грузинским народами придерживался в своей деятельности и Илья Чавчавадзе. Он знал лучших представителей азербайджанской литературы. На страницах газеты «Иверия», редактируемой им, напечатаны отрывки из произведений известного азербайджанского поэта М. Ш. Вазеха, опубликовано много материалов, рассказывающих о социально-политической и культурной жизни Азербайджана. В шести номерах газеты помещены путевые заметки «Несколько дней в Баку». Стихотворение И. Чавчавадзе «Весна» переведено на азербайджанский язык еще в конце прошлого столетия.

Но, пожалуй, особенно большое место Азербайджан занимал в жизни и творчестве Иродиона Евдошвили. В 1894 году он служил в Баку в 153-м пехотном полку. С 1896 по 1899 год работал бухгалтером на нефтепромыслах Нобеля.

Свое первое революционное крещение писатель также получил в Баку.

В 1897 году в газете «Иверия» был опубликован его художественный очерк «Письма из Баку», в котором рассказывалось о перспективах развития промышленности города нефти. Вот как характеризуются в нем, к примеру, Балаханы: «Балаханы, заводы которого возвышаются на десять сажень, и окраины его — Сабунчи и Рамана, когда смотришь издали, похожи на чудес-

ный лес, а когда смотришь вблизи — на ад».

Работая в Баку, поэт написал стихотворения «Рабочий», «Надежда», «Герой», «Волны», «Сон рабочего», «На улице», «Уже поздно» и другие. Реалистический подход к событиям сочетается в них с острой критикой капиталистического образа жизни, с отражением революционного духа бакинского пролетариата.

Есть у И. Евдошвили и рассказы, темы которых взяты из азербайджанской жизни. Так, в рассказе «Фонтан» говорится о жизни бакинских рабочих, жестоко эксплуатируемых капиталистами. Центральный образ произведения — Абдулла. Свои юношеские годы он провел в деревне, был чабаном. Но в деревне жить стало трудно. Чтобы прокормить семью, Абдулла едет в Баку. Рассказ кончается трагически — нефтяной фонтан, забивший из скважины, погубил Абдулла.

Рассказ «В пивной», напечатанный в 1901 году в газете «Цнобис пурцели», — это гневный приговор капиталистическому миру, низведшему положение азербайджанской женщины лишь до роли служанки.

Как и А. Церетели, И. Евдошвили поднял голос против вражды между азербайджанцами и армянами, которая вспыхнула в результате провокационной политики царизма. Будучи свидетелем братоубийственной резни, он выступил в газете «Иверия» с публицистической статьей «То, что я видел собственными глазами». В ней повествуется о событиях, происходивших в Казахе, и попуго резко критикуется царское правительство.

В газете «Амирани» 28 сентября 1908 года было опубликовано стихотворение И. Евдошвили «Саттархану», посвященное возглавлявшему Иранскую революцию храброму Саттархану. Участники этой революции автор называет «сынами с львиным сердцем».

Много писал на азербайджанскую тему талантливый грузинский писатель Леван Кипиани. Его стихотворение «Тар» посвящено азербайджанскому музыкальному инструменту, а стихотворение «Кебаб» рассказывает об азербайджанце Гасане, который своим умением отлично готовить шашлык завоевал уважение всех. Оба произведения опубликованы в журнале «Кавказский вестник».

Из азербайджанской жизни почерпнут материал целого ряда рассказов В. Саатишвили, Д. Чианели и других.

Шно Аравгвспирели, которого высоко ценили Илья Чавчавадзе и Акакий Церетели, провел свое детство в селе Цилкани (ныне оно входит в Мцхетский

район), где наряду с грузинами жили и азербайджанцы. Шно изучил их обычаи, нравы, быт. Это и дало ему возможность написать впоследствии повесть «Гюли» о жизни азербайджанцев, которая увидела свет на страницах журнала «Моамбе» (№№ 9—10) за 1900 год.

Литературная критика восторженно встретила это произведение. Гр. Кипшидзе, давая обзор грузинской печати за 1900 год, большое место уделил Ш. Аравгвспирели, в частности его повести «Гюли». Говоря о его рассказах из сельской жизни, в которых во всем блеске обнаруживается талант писателя, его умение рисовать неприкрашенные картины жизни, Гр. Кипшидзе писал: «Такими же достоинствами отличается его повесть «Гюли», написанная им из жизни татар (азербайджанцев. — Г. В.), проводящих зиму в степях Караяза со своими стадами крупного и мелкого рогатого скота. Мы давно не читали такого мастерского произведения этого автора...».

Герои повести представители трех народов — азербайджанец, грузин и армянин. Они живут в дружбе, работают вместе. Азербайджанец Али находит общий язык и с армянином, и с грузином. По его мнению, крестьянин — независимо от того, кто он по национальности, — прежде всего человек труда. Члены семьи тоже идут по пути, предложенному Али; они уважают представителей соседних народов — грузина Митро и армянина Оганеза.

Многочисленная семья старого Али, состоящая из трех его жен — Етар, Лейлы, Гюли, детей и невесток, вся занята молочным хозяйством. Из Тифлиса к нему приезжают старый друг, торговец Оганез и его помощник Митро, чтобы тоже заняться сыроварением. И тут Митро влюбляется в третью — молодую жену Али, которая не любит старика; ее выдали замуж за него только потому, что он заплатил за нее большой калым.

Особенно ярко очерчены автором образы старого Али, его второй жены Етар, добродушного Оганеза и прелестной Гюли. Правдив образ Митро, которому лишь на мгновение улыбнулось счастье, но только для того, чтобы навсегда сделать его несчастным.

Прекрасно знал азербайджанский язык, жизнь, обычаи и быт, фольклор соседнего народа и замечательный писатель Михаил Джавахишвили. В 1903 году он начал работать на Аллавердском медеплавильном заводе, где у него и зародилась мысль написать статью «Два дня на Аллавердских рудниках». В ней описано трудное положение рабочих азербайджанцев, приведены принужденные беседы с ними.

Герои первых произведений М. Джавахишвили знают азербайджанский

язык, поют баяти. Интересен с этой точки зрения рассказ «Сапожник Габо», впервые опубликованный в 1904 году в приложении газеты «Цнобис пурцели». В нем нашел отражение процесс деградации человека в условиях капиталистического общества. Габо в безвыходном положении. Утешение он находит лишь в баяти. Причем поет он их на азербайджанском языке.

В рассказе «Свадьба Курки» писателем создан образ азербайджанца-ювелира Абдуллы, который готовит для жениха серебряный пояс. Грузин Михако произносит на свадебном пиру азербайджанские фразы.

Еще в 1906 году, редактируя газету «Глехи» («Крестьянин»), М. Джавахишвили писал: «Я хочу, чтобы перед законом были равными все — русский и татарин, грузин и армянин, осетин и еврей, бедный и богатый, крестьянин и князь, священник и азнаур». И этого принципа писатель сам всегда придерживался. В своих произведениях он создал положительные образы людей самых разных национальностей. М. Джавахишвили боролся против тех, кто сел межнациональную рознь. Глубокое уважение к азербайджанскому народу проявилось в целом ряде его произведений — в повестях «Праведный Абдулла» и «Ламбало и коша», в романе «Арсен из Марабды», которым грузинская литературная критика дает высокую оценку.

В «Праведном Абдулле» описывается событие, происходящее в азербайджанской деревне.

Красной нитью через всю повесть проходит идея дружбы азербайджанского и грузинского народов на примере Абдуллы и Шахро. Они любят друг друга как родные братья. Шахро всячески помогает Абдулле: пишет за него письма, утешает его, после освобождения идет в деревню, чтобы узнать о по-

ложении семьи Абдуллы, присутствует на судебном процессе своего друга и приглашает его к себе в гости. Абдулла открывает свою душу только ему.

В повести «Ламбало и коша», где действующие лица — люди разных национальностей и один из них — азербайджанец, произнесен приговор националистической политике, которую проводило царское самодержавие.

В романе «Арсен из Марабды» писателем создан образ национального героя Арсена, руководителя крестьянского движения, нестигаемого борца за свободу и справедливость. Плечом к плечу с ним стоят представители разных национальностей — грузины, армяне, осетины, русский, украинец, азербайджанец. Дружба Арсена с азербайджанцем Дали Гасаном — олицетворение братства азербайджанского и грузинского народов.

Выдающийся грузинский поэт Георгий Леонидзе в стихотворении «Поэтам Советского Азербайджана» призывал своих азербайджанских друзей:

**Споем о высокой немеркнувшей цели,
О нашем великом и радостном деле,
О том, что, как сказку,
когда-то воспели
Ильяс Низами и Шота Руставели.**

Братскому Азербайджану посвятили свои произведения и такие замечательные представители грузинской советской литературы, как Валериан Гаприндашвили, Симон Чиковани, Сандро Шаншиашвили, Карло Каладзе и многие другие. «Трое» и «Бакинские комиссары» С. Шаншиашвили, «Баку» В. Гаприндашвили, «Девичья башня» С. Чиковани, «Самед» и «Мингечаур» К. Каладзе — образцы успешной реализации азербайджанской тематики в грузинской литературе.

На службе

«Кооперация — огромное культурное наследство, которым нужно дорожить и пользоваться».

В. И. ЛЕНИН.

литературе и искусству

В летописи многовековой культуры грузинского народа много ярких страниц принадлежит кооперации, возникновение которой тесно связано с деятельностью грузинских писателей и общественных деятелей, имевших прочные контакты с русскими революционными демократами и разделявших их взгляды.

Кооперация Грузии — ссудно-сберегательная, потребительская и сельскохозяйственная — с первых же дней своего возникновения наряду с экономическими задачами уделяла большое внимание удовлетворению духовных потребностей своих членов: снабжала литературой, делала их достойным театральные постановки, издавала литературный журнал, художественные произведения писателей и поэтов и тем самым в определенной мере способствовала развитию национальной культуры. Об этом свидетельствуют архивные документы, сообщения старых газет и журналов, а также воспоминания деятелей литературы и искусства.

* * *

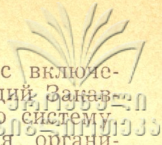
Возникновение кооперации в Грузии непосредственно связано с именами таких выдающихся грузинских писателей и общественных деятелей прошлого века, как И. Чавчавадзе, И. Николадзе, С. Месхи, Г. Церетели и другие, которые считали главной задачей своей деятельности борьбу на экономическом и культурном поприще. Старые газеты и журналы — «Сасопло газеты» («Сельская газета»), «Дрозба» («Времена»), «Кавказ» и «Иверия» повествуют о большой работе, которую вели грузинские просветители, разъясняя кооперативные идеи, проникшие в Грузию из России и стран Западной Европы.

По мнению грузинских шестидесятников, единственным спасением от язв капитализма являлась кооперация, поэтому наряду с национально-освободительными идеями они активно пропагандировали и ее. Видный историк и общественный деятель XIX века Дм. Бахрадзе писал: «Сегодня или завтра народ наш приступит к созданию товариществ, иначе без них он всегда будет в нужде и затруднении»¹.

Пропаганда кооперативных идей как в России, так и в Грузии тесно связана с распространением журнала «Современник», издававшимся в Санкт-Петербурге. На его страницах в 1859 году было напечатано несколько статей Н. А. Добролюбова и Н. Г. Чернышевского о жизни и деятельности отца кооперации — Роберта Оуэна (родоначальника кооперативной системы), а в апрельском номере за 1860 год — большая статья «О Рочдельском обществе» (первое потребительское общество в Англии).

Социально-политическое и экономическое развитие Грузии того времени сопровождалось общей закономерностью развития капитализма, почти такими же признаками, как в России, но вместе с тем все прогрессивное развивалось под знаком борьбы народа против царизма, за национальную независимость. Вожаки национально-освободительного движения поддерживали контакты с русскими революционными демократами, с большим интересом следили за «Современником», считались с мнением Н. Г. Чернышевского, который, по словам К. Маркса, «был великим экономистом России».

¹ Газета «Дрозба», 1867, № 18.

Кооперация Грузии с первых же дней способствовала развитию культуры, науки, образования. Она приобщала членов общества к литературе, искусству... На заре революционного движения кооперация сыграла важную роль в распространении революционных идей марксизма-ленинизма, служила легальной формой связи партии с массами. На кооперативных собраниях революционеры разъясняли трудящимся вопросы, касавшиеся революции, войны и мира, задачи борьбы против царизма и капитализма, а в 1918—1920 годах выступали против меньшевистского правительства. Профессиональные революционеры М. Г. Торошелидзе, А. М. Ермайшвили, Г. Напетваридзе, Д. Кахеладзе, Ф. Е. Махарадзе и многие другие в течение ряда лет, работая в кооперации, были проводниками идей партии в массах. Особенно ярко это проявилось в годы революционного подъема (1905—1907), в период столыпинской реакции, новой революционной волны. Характерно, что в эти годы интенсивно росло число кооперативных обществ, и к 1916 году назрела необходимость для объединения всех кооперативных организаций в единый центр. Это диктовалось необходимостью объединения экономических возможностей всех товариществ, а также задачами пропаганды кооперативных идей. 14 мая 1916 года в Тифлисе состоялось первое учредительное собрание уполномоченных кооперативных организаций Грузии и был создан Закавказский союз кооперативных организаций — «Закосоюз» (хотя он и назывался «Закоюзом», в него в основном входили кооперативные организации Грузии — 90%). В 1919 году (29 мая) состоялся съезд кооператоров и было принято решение о переименовании «Закоюза» в Центральный союз кооперации Грузии, то есть Цекавшири, а 13 ноября 1919 года был принят его устав².

* * *

Забота об удовлетворении духовных потребностей членов кооперации является уставным требованием кооперативных организаций. Помимо предметов потребления и хозяйственных товаров, а также обуви и одежды, потребительские общества были обязаны снабжать своих членов книгами, журналами, газетами, пропагандировать опыт кооперативного движения, делать успехи науки и техники их достоянием, заботиться о повышении культурного уровня кооператоров. Эти задачи приобрели большую актуальность именно в связи с органи-

зацией «Закоюза», то есть с включением кооперативных организаций Закавказья в общую кооперативную систему. Международная кооперативная организация и его центр «Альянс» выдвигали множество вопросов и хозяйственного, и культурного значения³.

В годы господства меньшевиков, когда «Грузинская республика» оказалась перед экономической катастрофой, заботу о развитии литературы, искусства, культурно-просветительных учреждений — театров и учебных заведений и др. — взяла на себя кооперация. Позднее кооперативный журнал «Кавшири» («Союз») писал: «Кооперативный центр Грузии — Цекавшири своими средствами оказал помощь театральному делу именно тогда, когда государство не справлялось с этой задачей... Речь идет об организации Кооперативной драматической студии⁴. Творческие коллективы всех областей искусства испытывали финансовые затруднения, и вот именно тогда Цекавшири стал помогать деятелям литературы и искусства и культурно-просветительным учреждениям (см. там же).

О том, какую помощь оказывала кооперация работникам искусства в 1919—1920 годах, довольно много рассказано в книгах деятелей культуры, непосредственных участников и свидетелей событий той поры, таких как Ал. Буртикашвили («Театральные портреты»), Д. Касрадзе («Александр Цуцунава»), И. Гришашвили («Театральные письма»), М. Квалиашвили («По трудному пути») и другие. Они приводят весьма характерные факты. Например, о тяжелом положении Тифлисского оперного театра в прошлом рассказывает Д. Касрадзе: «Будучи в безнадежном положении, коллектив театра послал Ал. Цуцунава (он был тогда комиссаром-распорядителем театра) к властям. Он обратился к прачеству за помощью, а оттуда с меньшевистской вежливостью ответили: «Какое время — театр! У нас тысяча дел. Идите, сами как-нибудь обойдитесь!»⁵

И кооперация пришла на помощь театрам, артистам, писателям, композиторам. Подобных примеров можно назвать очень много, но мы постараемся привести новые факты, обнаруженные нами в архивах или на страницах старых газет.

Воодушевленные заботой кооперации, служители искусства писали: «Коопе-

³ В «Альянсе» Цекавшири вступил после установления Советской власти в Грузии, но переписка с ним начата еще раньше, а заявление подано в 1920 г.

⁴ Журнал «Кавшири», 1924, № 7, стр. 26.

⁵ Д. Касрадзе. Александр Цуцунава, Тб., стр. 81.

² «Устав Цекавшири». Тифлис, Цекавшири, 1920.

ративный союз намечает служить искусству, за это спасибо ему»⁶. Театральный журнал, высоко оценив заботу кооператоров, отмечал: «Кооперативный союз оказывает большую помощь нашему искусству»⁷.

Цекавшири возглавил важную работу по собиранию национальных песен и пропаганде их среди населения. «Давно затухшую инициативу частных лиц по собиранию национальных песен возродил Цекавшири в 1919 году и дал возможность известному грузинскому композитору Дм. Аракишвили организовать так называемую капеллу⁸. Первый концерт капелла дала 5 августа 1919 года, и о его успехе газета «Сакартвелос республика» (№176) писала: «Концерт воочию показал, что Дм. Аракишвили обладает большим талантом, а капелла обещает блестящее будущее». Это предсказание сбылось. Под руководством талантливого композитора капелла проделала большую работу, снискав заслуженную славу. Концерты капеллы имели успех в Кутаиси, Батуми, Сухуми, Гагра и во многих других городах Грузии.

В Центральном государственном архиве Грузинской ССР нами найдены документы, подтверждающие, что капелла обещала почти все города Грузии и дала там концерты (в том числе и бесплатные для кооператоров)⁹. Тем самым она внесла неоценимый вклад в развитие национальной музыкальной культуры. В своем отчете Дм. Аракишвили приводит репертуар капеллы, перечень ее членов и городов, где они выступили с бесплатными концертами для кооператоров. Среди членов капеллы был и выдающийся певец Вано Сараджишвили. Участник капеллы М. Квалиашвили в своих воспоминаниях пишет: «Капелла эта, а затем и оперная студия по инициативе Сандро Ахметели, Дм. Аракишвили, И. Абашидзе, К. Цагарели, Д. Эмухвари и других деятелей была организована на средства Цекавшири и выполнила свою весьма положительную роль в деле музыкального развития Грузии»¹⁰.

О популярности капеллы говорит множество газетных статей того времени. Газета «Сакартвелос республика» в 1919 году (см. №194) сообщала: «Озургетская общественность восторженно

встретила большое культурное событие и сердечно благодарит Союз кооперативов за то безмерное удовольствие, которое доставила капелла нашему городу». При Цекавшири была основана оперная студия, которая в начале 1920 года поставила оперу «Сказание о Шота Руставели». Журнал «Театри да цховреба» извещал читателей, что «...20 января объединенными силами (оперного театра и оперной студии) была поставлена опера Дм. Аракишвили «Сказание о Шота Руставели». Роль Шота исполнял Вано Сараджишвили».

Кооперация Грузии была инициатором еще одного важного культурного события. «Центральный союз кооперативных организаций Грузии обязался взять на себя расходы по усилению существующей драматической студии»¹¹. Впоследствии драматическая студия полностью стала кооперативной и получила название «Драматическая студия Цекавшири». Она ставила спектакли в городах и селах Грузии, о чем сообщала газета «Сахалко сакме» (1920, 2/VI): «Артисты Драматической студии отправляются в Батум и Потли... В репертуаре спектакли Н. Шинукашвили «Сумасшедший» и Ш. Дадиани «Вчерашние», 12 июня та же газета писала: «В Батуме в Театре железнодорожников Драматическая студия кооперации поставила 6 июня «Вчерашние», а 8 июня — «Сумасшедший».

Про добрые дела Цекавшири писали не только в Грузии, но и далеко за ее пределами. Центральный орган кооперации Великобритании «The Cooperative News» («Вестник кооперации») в номере от 21 февраля 1920 года подробно характеризует торгово-хозяйственную деятельность Цекавшири и его работу в области культурно-просветительной. «Центральный кооперативный союз, — сказано в статье, — способствует развитию литературы и театрально-музыкального искусства... Кооперативный союз особенно способствует развитию театральной жизни. При кооперативном союзе созданы капелла и оперная студия, они знакомят членов кооперации с музыкальными произведениями...». «С целью пропаганды идей кооперации и успехов мировой культуры при Цекавшири организована группа кинематографистов, создающих кинокартины...»

Итальянская газета «La Cooperazione Italiana» («Кооперация Италии») 9 января 1920 года напечатала обширную статью под заглавием «Кооперация Грузии»; осветив все стороны деятельности Цекавшири, она подробно рассказала итальянскому читателю о работе драматической студии, капеллы, оперной студии и киносекции.

¹¹ Журнал «Кавшири», 1919, № 13—14, стр. 26.

⁶ Журнал «Театри да цховреба», 1919, № 11 стр. 16.

⁷ Газета «Сакартвелос республика», 1919, № 176.

⁸ Журнал «Кавшири», 1924, № 7, стр. 26.

⁹ ЦГА Гр. ССР, фонд 370, опись 1, дело 59, лист 18.

¹⁰ М. К в а л и а ш в и л и, По трудному пути, стр. 19.

Выясняется, что Цекавшири участвовал в развитии киноискусства. Еще в 1920 году была заложена основа кооперативного кино, но подлинное развитие оно получило лишь с 1921 года. При Цекавшири была организована киносекция, возглавившая работу по демонстрации кинофильмов среди сельского и городского населения. Важно отметить и то, что грузинский кинофильм «Кристина» был снят на средства Цекавшири и акционерное общество «Госкинпром» было создано в Тифлисе при участии средств кооператоров (в 1923 г.)¹². Еще в 1924 году журнал «Кавшири» объявлял, что по согласию с «Госкино» кооперативное кино выпустит кинофильмы и кинокомедии (сценарии уже готовы)¹³.

При Неторговом отделе Цекавшири долгие годы работала киносекция. В первые годы Советской власти благодаря этой секции труженики сел и городов впервые приобщились к киноискусству.

Кооператоры Грузии считали, что «верным помощником самовоспитания человека, совершенствования личности, духовного обогащения народа была, есть и будет литература, искусство, кино», поэтому они проявляли особую заботу об искусстве и литературе.

Важным событием в истории кооперации Грузии было издание литературного журнала «Швиди мнатоби» («Семь светил»). Это был солидный литературный сборник, в котором печатались произведения выдающихся писателей и поэтов того времени. С помощью этого журнала Цекавшири смог собрать воедино все литературные силы и, создав для них арену деятельности, дал возможность кооперативной массе знакомиться с новинками художественной литературы. В «Швиди мнатоби» публиковались произведения Н. Лордкипанидзе, Л. Киачели, С. Шаншиашвили, П. Яшвили, Т. Табидзе, П. Какабадзе и многих, многих других.

В произведениях писателей того времени нашло отражение и кооперативное движение. Художники слова в знак благодарности к кооперации писали о ней в своих произведениях, освещая идеи кооперативного движения. В этом отношении заслуживает внимания роман М. Джавахишвили «Хизаны Джано», написанный в 1924 году. Действия героев этого произведения — Теймураза, самого Джано и других разворачиваются вокруг потребительского кооператива. Частная лавка Джано, где продавцом определен Теймураз, сравнивается с потребительским кооперативом, показаны

все преимущества потребительских обществ перед частными лавками, а также отношения крестьян к этим делам торговли.

Кооперация нашла отражение и в произведениях В. Барнова. В знаменитой комедии Ш. Дадиани «Ничего не случится» главное действующее лицо Шалико также является заведующим кооперативом...

С победой Советской власти в Грузии начался процесс создания новой, советской кооперации. Из управленческого аппарата Цекавшири и райсоюзов были изгнаны меньшевики и другие антисоветские элементы, в кооперацию была введена новая структура, принят новый устав. Этот сложный процесс перестройки длился до 1925 года. Если до этого времени Цекавшири занимался и торговлей, и сельхозпроизводством, и кредитованием, то с 1924 года после третьего съезда КП Грузии функции его уже четко разграничились — вопросам сельского хозяйства стал заниматься Центральный союз производственной кооперации — «Цармокавшири», а потребительская кооперация полностью была сосредоточена в Цекавшири, и потребкооперация Грузии была освобождена от вопросов руководства сельским хозяйством.

С 1921 года стали бурно развиваться рабочая, военная и транспортная потребительская кооперация. У всех были свои центры: «Церабкооп», «Грузвоенкооп», «Транскооп», которые как секции входили в состав Цекавшири, подчинялись единому центру. Во главе правления Цекавшири в первые годы Советской власти стояли видные партийные и государственные деятели М. Г. Торшелидзе и А. М. Ермакшвили. Благодаря им потребительская кооперация Грузии развернула хозяйственную и торговую деятельность, культурно-массовую работу и в годы восстановления народного хозяйства сыграла важную роль во всех областях жизни республики.

Правление Цекавшири, местные кооперативные организации, не изменяя своим традициям, щедро помогали культурно-просветительным учреждениям — театрам, клубам, школам, литературным объединениям... Так, для создания фонда журнала «Ннанги» («Крокодил») Цекавшири в 1924 году выделил 100 тыс. рублей¹⁴, а в помощь Тбилисскому университету — 3 млн. рублей¹⁵.

Следуя указаниям В. И. Ленина о том, что «кооперация — огромное культурное наследство, которым нужно до-

¹² Парт. архив ИМЛ при ЦК КП Гр., фил., фонд 14, опись 1, дело 2614, лист 61.

¹³ Журнал «Кавшири», 1924, № 2, стр. 22.

¹⁴ Журнал «Кавшири», 1924, № 18, стр. 27.

¹⁵ Там же, № 15, стр. 13.

рожить и пользоваться», коммунисты Грузии умело пользовались обширной и разветвленной сетью кооперации, помогали ей, направляли ее работу, использовали для задач строительства основ социализма. Небольшой пример в подтверждение сказанного. На одном совещании в ЦК КП Грузии, где обсуждался вопрос издания книг, журналов и газет, распределения их среди населения, секретарь ЦК КП Грузии Л. Картвелишвили задает вопрос докладчику: «Как Вы думаете продвинуть эту огромную литературу? Кто завезет в села, кто распределит?». И докладчик отвечает: «Мы думаем, с помощью кооперации»¹⁶.

В первые годы Советской власти потребительская кооперация Грузии проводила работу по оказанию помощи сельским труженикам в строительстве библиотек (изб-читален), музеев, клубов... Местные кооперативные организации открывали свои читальни, библиотеки (создавали свой книжный фонд), открывали кооперативные курсы, выделяли средства для школ и музеев. В 1922 году в бывшем дворце князя Дадияни (в Зугдиди), например, на средства кооперации были открыты краеведческий музей и библиотека. В 1921 году в Телави открыт народный университет, в Тбилиси, Борчалло, Ахалкалаки и в других районах — новые библиотеки и читальни. Все это делалось на средства кооперации¹⁷.

В первые годы было трудно со школьными учебниками. Цекавшири и здесь проявил инициативу, напечатав массовым тиражом основные учебники и пособия для трудовых школ и других учебных заведений. В издательстве Цекавшири были изданы книги-учебники для третьего—пятого классов трудовых школ «Грузинские писатели» (I, II и III части, составленные Ив. Гомелаури), «Мегобари» (составленный Г. Чумбуридзе), «Краткая история Грузии» (сост. С. Какабадзе) и другие. В издательстве Цекавшири было напечатано множество таких книг по литературе и для массового читателя — сборник стихов Г. Табидзе, собрание сочинений Э. Ниношвили (в трех томах), рассказы И. Чавчавадзе и другие. Для полного удовлетворения нужд по изданию и распределению учебников и учебных пособий в те годы были организованы кооперативные общества родителей учащихся и учителей. Такое общество действовало под названием «Книга и школа». Оно изучило спрос и состояние издательского дела и подготовило целый ряд учеб-

ников и учебных пособий¹⁸. В те же годы начало работать кооперативное издательство «Мцигнобари» («Инирлоуб»). Оно в основном издавало литературные произведения по школьной программе. Характерно, что в этом обществе были объединены лучшие писатели и педагоги того времени¹⁹. Благодаря ему многие литературные произведения увидели свет и стали популярными еще в те годы.

Помимо журнала «Швиди мнатоби» и вышеперечисленных изданий, литературные произведения печатались также в журнале «Кавшири», газете «Чвени кооперация», газете-бюллетене «Кооператиули цховреба»... Эти кооперативные издания, учитывая спрос читателя-кооператора, публиковали выдающиеся произведения писателей, поэтов, драматургов. Много литературно-критических статей напечатано, например, в журнале «Кавшири»; в них дан анализ литературных произведений, рассмотрено творчество видных грузинских писателей, выдвинуты проблемы в области художественной прозы, поэзии и сценического искусства...

В первые годы Советской Грузии при Неторговом отделе Цекавшири был создан культурно-просветительный отдел²⁰. Именно с помощью этого отдела были сделаны практические шаги в области развития литературы, театра, кино. Печать того времени отображает кропотливую работу кооператоров Грузии в этой области. Например, журнал «Кавшири» в 20-м номере 1924 года (стр. 28) сообщает: «Выдающимся событием ближайшего времени следует считать организацию грузинской драматической труппы, которая создана группой артистов, оставшихся от Академической драмы... Нино Чхеидзе, Тасо Абашидзе, Кикодзе, А. Имедашвили, М. Чиаурели, М. Геловани, А. Цуцунава — это такие силы, которые могут занять видное место в нашей жизни и принести большую пользу».

В первые же годы Советской власти драматическая труппа была преобразована в Передвижной театр Цекавшири. Он состоял из нескольких трупп — грузинской, русской, армянской, азербайджанской и осетинской. Выезжая в районы, они ставили спектакли на русском, грузинском, армянском и других языках. Передвижной кооперативный театр объехал (особенно грузинская труппа) много городов и сел. Население высокогорных районов Грузии — Рача-Лечхуми, Сванетии, Пшав-Хевсуретии, Месхети и Джавахети впервые увидело

¹⁶ Парг. архив ИМЛ Гр. фил., фонд 14, опись 1, дело 534, лист 47.

¹⁷ Там же, дело 126, лист 15.

¹⁸ Журнал «Кавшири», 1924, № 23—24, стр. 25.

¹⁹ Там же, № 20, стр. 31.

²⁰ Там же, № 18, стр. 27.

настоящий театр и подлинное искусство. «Только в 55 селах Кахетии, — сообщила газета «Кооператнули цховреба» (1930 г., 10 октября), — труппа поставила 81 спектакль, на котором присутствовало более 24 тысяч зрителей».

Национальные труппы передвижного театра, помимо спектаклей, оказывали значительную помощь местным театрам и клубам.

В Советской Грузии успешно развивалась рабочая потребительская кооперация. Она, как и общегражданская, кроме экономических задач, ставила своей целью удовлетворение духовных запросов. Именно с этой целью в 1922 году был создан агитационно-сатирический театальный кружок, который возглавил Михаил Чиаурели. С помощью артиста и режиссера Дуту Дзнеладзе и композитора Валеряна Цагарели театальный кружок начал ставить пьесы с музыкой, песнями и танцами. Вскоре из этого кружка вырос театр рабочей кооперации. Он выступал на республиканских и всесоюзных олимпиадах, а затем был преобразован в театр музыкальной сатиры (ныне — театр музыкальной комедии).

В первые годы нэпа в Грузии стали в широком масштабе отмечать Международный день кооперации: устраивались митинги, читались доклады и лекции о ней. Мастера художественного слова и творческие коллективы и на этот раз участвовали в пропаганде идей кооперации. С 1923 года в пропаганде кооперативных идей важное место заняло произведение В. И. Ленина «О кооперации». Оно было переведено на грузинский язык и издано в издательстве Цекавшири массовым тиражом. В 1923 — 1925 годах повсеместно про-

водились дни кооперации и недели кооперации — читались доклады, изучалось произведение В. И. Ленина «О кооперации», поэты и писатели посвящали кооперации свои произведения, театральные коллективы — спектакли...

Газета «Комунисти» об одном таком собрании, проведенном 6 мая 1924 года, писала следующее: «В городе Они состоялась конференция беспартийных крестьян. Зал театра был разукрашен знаменами и портретами вождей партии. Был заслушан доклад о кооперации, затем военный хор исполнил «Интернационал», и, наконец, была показана революционная пьеса».

Такие торжества проводились во всех городах и селах. Это было самое важное и довольно интересное время в истории потребительской кооперации Грузии. От обязательного членства кооперация перешла к добровольному, произошла реорганизация самой системы кооперации (на основе нового Устава), из руководящих органов кооперации (как в центре, так и в периферии) были окончательно изгнаны меньшевики и антисоветские элементы, функции кооперации были разграничены. И кооперация стала по-настоящему народной, советской.

Под руководством Компартии Грузии потребительская кооперация республики добилась больших успехов и в хозяйственной, и в культурной областях деятельности. Она сыграла важную роль в подготовке крестьян к коллективизации, помогла партии в осуществлении культурной революции.

На протяжении всей своей истории кооперация верно служила литературе и искусству.

МАГИЧЕСКАЯ СИЛА ТАЛАНТА

Театральный сезон 1967 года театр имени Котэ Марджанишвили завершил премьерой комедии А. Пароняна «Дядя Багдасар». Большой успех в спектакле выпал на долю замечательного мастера комедийного жанра Акакия Кванталиани, еще раз убедившего зрителя в своих неограниченных актерских возможностях. Его поздравляли друзья, многочисленные поклонники его таланта. А спустя две недели Акакия Кванталиани не стало. Трудно было свыкнуться с мыслью о том, что умер большой артист, который уже давно стал в грузинском искусстве символом искрящейся жизнерадостности.

Театр был его детским увлечением, но уже тогда он относился к нему очень серьезно. Подумать только — ему было всего пять лет, когда он организовал свой «театральный кружок», в котором объединил своих четырех братьев. Автором первых семейных спектаклей, их режиссером и ведущим актером был маленький Како, а нередко из-за малочисленности «труппы» ему приходилось в одном спектакле играть пять-шесть ролей.

О своих детских годах он всегда вспоминал с доброй улыбкой и теплотой. Репетиционный зал тогда помещался под лестницами дома, в котором они жили, а представления устраивались на лестнице. И если поначалу зрителей было мало, то постепенно круг их расширялся.

Увлечение театром не мешало успешной учебе в гимназии, окончив которую в 1924 году он переезжает в Тбилиси и сразу становится активным участником самостоятельных театральных кружков. Отсюда начинается его актерская биография. В 1927 году он — в труппе рабочего театра, которым руководит Михаил Чиаурели, а через год переходит в организованный Додо Антадзе экспериментальный детский театр (впоследствии Грузинский театр юного зрителя). Спустя еще один год Акакия Кванталиани принимают в труппу Кутанско-Батумского театра, возглавляемого Котэ Марджанишвили. Это была, конечно, большая честь для начинающего актера.

Котэ Марджанишвили ценил в актере прежде всего талант перевоплощения. По его мнению, настоящий актер должен уметь после острой драматической роли с той же художественной убедительностью сыграть чисто комедийную роль. Природа наделила Акакия Кванталиани такой способностью, хотя стихийно его все же были комические роли. Котэ Марджанишвили воздавал должное

многосторонности актерского дарования Ак. Кванталиани и не раз говорил, что «этот юноша своим мастерством не уступает актеру со званием».

Поэт Карло Каладзе вспоминает, что К. Марджанишвили настолько доверяли и верили Како Кванталиани, что уже в первый же сезон, едва они переехали в Кутаиси, мечтал поставить «Дон Кихота». Роли Дон Кихота и Санчо Пансы должны были исполнять Ушанги Чхеидзе и Како Кванталиани. Котэ Марджанишвили приступил даже к монтажу «Дон Кихота», но, к сожалению, мечта эта осталась неосуществленной.

Первый большой успех пришел в Акакию Кванталиани в пьесе Б. Шоу «Святая Иоанна», в которой он сыграл очень сложную и трудную роль Карла VII. Разрешив роль Карла VII в гротескном плане, актер не испугался острых акцентов, он лепил образ резкими, насыщенными мазками, каждое его слово и каждый жест были чрезмерно подчеркнуты, созданный им образ был жизненно правдив и убедителен.

Далее последовали роли, принесшие актеру не меньшую радость творческого соиздания, среди них роль Кучара в пьесе П. Какабадзе «Кваркваре Тутабери». Убедительно передал актер чувства и переживания своего героя, раскрыл черты наивного по природе, но недалекого и несчастного человека.

В революционно-романтической драме Карло Каладзе «Как?» Акакий Кванталиани создал живой и запоминающийся образ сельского учителя Корнели, хотя в пьесе этот персонаж вырисован несколько бледно.

В следующей пьесе Карло Каладзе «Хатидже» Акакий Кванталиани была поручена роль одного из комических персонажей — Бадулиа. Образ этот написан автором с учетом комедийных возможностей Акакия Кванталиани.

В апреле 1929 года Кутаисско-Батумский театр гастролировал в Тбилиси. Республиканская пресса была единодушна в оценке творческих достижений молодого коллектива, отдавая дань режиссерскому искусству Котэ Марджанишвили и замечательному актерскому ансамблю. В одной из рецензий говорилось: «Особенно следует отметить игру молодого актера К. Кванталиани. В его лице Кутаисско-Батумский театр приобрел замечательного, интересного актера...» (газета «Комунисти», 1929, VIII).

Через год коллектив театра выехал на гастроли в Москву и Харьков, где радушно и гостеприимно встретили представители братской Грузии. Гастроли завершились триумфом театра. С нового сезона того же года труппу Кутаисского театра перевели в Тбилиси, где были созданы все условия для плодотворной творческой работы.

После смерти К. Марджанишвили театр стал носить его имя. Акакий Кванталиани до конца остается верен коллективу театра, носящего имя любимого учителя. На сцене этого театра выкристаллизовался и определился самобытный, удивительно остроумный талант Кванталиани.

В пьесе П. Какабадзе «Свадьба колхозника» Акакий Кванталиани создал художественно полнокровный и красочный образ Хахули. Возможно, со временем другой актер сыграет эту роль по-своему, но тот, кто видел Кванталиани в роли Хахули, надолго останется под впечатлением его актерского дарования, надолго запомнится ему Акакий Кванталиани, мастер импровизации шуток, смеха.

Актерской выдумкой была насыщена роль Бурдгу Табагуа в комедии Кита Буачидзе «Жестокие девушки». Бурдгу-Кванталиани был воплощением беззаботности и нерадивости, остроумия и притворства. Сам Кванталиани особенно любил эту роль и часто говорил: «Кто не видел моего Бурдгу, тот многое потерял».

Среди ролей, сыгранных Акакием Кванталиани ранее, выделяется роль Никифорэ Перадзе, доброго «ворчуна» из комедии Марики Бараташвили «Стрекоза». На первый взгляд, она не давала актеру возможности развернуться, блеснуть комедийным талантом. По убеждению самого Акакия Кванталиани, Никифорэ Перадзе должен был сыграть актер иного, так сказать, более степенного характера, потому-то поначалу Кванталиани и отказался от этой роли. Но работа над образом рассеяла все сомнения. Акакий Кванталиани вдохнул в него столько жизни, привнес так много личного, присущего ему одному, что в конце концов сам уверовал в то, что роль Никифорэ написана для него. Когда состоялась премьера, то уже трудно было представить себе другого исполнителя этой роли. Основную притягательную силу образа составляла «комедийная серьезность», которой сумел добиться актер.

Эта роль принесла Акакию Кванталиани большой успех в 1958 году, во время Декады грузинской литературы и искусства в Москве. Заслуженный деятель искусств РСФСР Н. Горчаков писал: «Колоритный, сочный и очень живой образ отца Марине показан народным артистом республики А. Кванталиани... Роль трудная, и справиться с нею под силу лишь талантливому актеру» («Правда», 1958, 25/VI).

Играв отрицательных героев, Кванталиани создавал выпуклый, яркий образ. Сарказм и прямолинейность помогали ему раскрыть неприкрашенную сущность отрицательных персонажей. Когда этого требовал образ, добрый юмор перерастал в острую сатиру, осуждающую и беспристрастную. Так было с образом Андукапара, персонажем пьесы В. Канделани «Майя из Цхнети». Актер не пожалел красок для тунеядца и льстеца Титико (В. Габескириа «С весеннего утра»), Самсона Небиеридзе (И. Мосашвили «Его звезда»).

В богатой галерее образов, созданных Акакием Кванталиани, есть такие, которые приносили ему большую актерскую радость. С вдохновением, с полной самоотдачей работал актер над образом Земляники. Артемий Филиппович Земляника-Кванталиани так выразительно двигался на сцене, словно вся сущность героя заключалась именно в этом движении. Вспомните слова из заключительной сцены спектакля, когда собравшиеся читают письмо Хлестакова. Вспомните реплику Земляники-Кванталиани: «И не остроумно! Свинья в ермолке. Где ж свинья бывает в ермолке?». Эти слова Кванталиани произносит с таким неподдельным удивлением, словно его и не касается хлестаковский «эпитет».

В образе Альфреда Дулитла (Бернард Шоу «Пигмалион») на первый план выдвинуты актером черты человека определенного социального положения, определенной эпохи. Слова Дулитла пронизаны иронией, он любит говорить двусмысленно и загадками. Человек из низов, не обученный никаким наукам, он в то же время смекалист, верно рассуждает о жизни, а порой дает такой исчерпывающий анализ существующим явлениям, что удивляешься тому, как щедро наградила его природа удивительным даром — трезвым умом.

Особенный успех выпал на долю Леонида Камарели, героя трагикомедии Кита Буачидзе «Золотой человек на волоске судьбы». Автор нарисовал образ ученого, у которого большие знания, эрудиция, авторитет, но они не оберегают его от ложных шагов в жизни, что роняет высокое достоинство советского ученого. С большим внутренним тактом сыграл Акакий Кванталиани эту роль. Не прибегая к сарказму, пренебрегая пафосом прямолинейного разоблачения, Кванталиани создал образ человека, который, несмотря на все его заблуждения, все же придет к единственно верному выводу — честь ученого не должна быть запятнана ничем. И Кванталиани сумел убедить зрителя в том, что Камарели не бессовестный комбинатор и бездушный ученый, а прежде всего человек, которому свойственно ошибаться, но совесть и честь не позволяют ему уронить высокое достоинство ученого.

На сцене театра имени Марджанишвили Акакий Кванталиани осуществил несколько режиссерских постановок. И в режиссуре он увлекался в основном комедиями, поскольку в этом жанре полностью раскрывался его необычайный талант. Исходной точкой его режиссерской работы было дарование актера, его умение вникнуть в образ, сопереживать с героем. Постановки Кванталиани отличались высокой идейностью, смех всегда ставился на службу времени.

Именно последним и объясняется то огромное внимание, которое уделял Акакий Кванталиани грузинской эстраде. Этому жанру актер отдавал немало сил и энергии, был очень строг в выборе каждого эстрадного номера, нетерпим к безвкусице вообще и на эстраде в частности, поскольку считал, что эстрада — высокое искусство, шагающее в ногу со временем.

Около сорока ролей сыграл Акакий Кванталиани в кино. И хотя большинство из них эпизодического характера, актер сумел создать запоминающиеся образы. Комедийный талант актера помогал ему вносить в самую незначительную роль свои, индивидуальные черты, раскрывающие характер героя.

Акакий Кванталиани, актер и гражданин, не был замкнут рамками только своего творчества. Заботы театра были его заботами, радости театра — его радостями. И он никогда не уклонялся от решения каких бы то ни было принципиальных вопросов. Хорошо зная теорию искусства и литературы, он не раз выступал в периодической прессе со статьями по вопросам драматургии и театра, и нередко его статьи вызывали бурную полемику.

Актер своеобразного, остро индивидуального почерка, для которого характерны творческая смелость, насыщенность красок, контрастность чувств, он был подлинным магом смеха, смеха здорового, пробуждающего мысль и самые светлые чувства.

РОДИОНУ КОРКИЯ — одному из старейших грузинских писателей, прозаику, переводчику, автору цикла «невыдуманных рассказов», написанного по совету большого мастера слова Викентия Викентьевича Вересаева, многих произведений для детей исполнилось 80 лет. В связи с этой датой, а также за заслуги в области советской литературы он награжден орденом «Знак Почета».

Мы рады приветствовать писателя с заслуженной наградой, пожелать ему долгих лет жизни и счастья творчества.

ВЕРЕСАЕВ В ГРУЗИИ

В годы Отечественной войны Вересаев долгое время жил у меня. Порассказал много интересного из своей жизни. Я тоже поведал немало о себе. Викентий Викентьевич посоветовал написать свои «невыдуманные рассказы». Я написал и неко-

торы опубликовал. О самом Вересаеве, о его пребывании в Тбилиси — вот эти воспоминания. По ним читатель сможет судить, как приняли писателя в Грузии. Здесь ничего не выдуманно.

Автор

СТЕНГАЗЕТА В ГОСПИТАЛЕ

Однажды Вересаева и меня пригласили в госпиталь на встречу с ранеными. В одном из коридоров висела стенгазета. В ней содержались сведения о нас. О Вересаеве было написано следующее: «Викентий Вересаев родился 4 января 1867 года. Его отец — Викентий Смилович был врачом. Он с детства привил сыну любовь к чтению и литературе. Вересаев окончил два высших учебных заведения: историко-филологический факультет Петербургского университета и медицинский факультет Дерптского университета. На русско-японскую войну был призван как врач. Врачом работал он и в годы первой мировой войны.

Литературную деятельность Вересаев начал рано. Первая же книга — «Записки врача» принесла ему большую славу. Вересаев — один из передовых писателей, отразивший в своих произведениях жизнь русской интеллигенции и революционно-освободительное движение. Неоднократно подвергался преследованиям царского правительства. Ленин, а также Максим Горький и Лев Толстой высоко ценили творчество Вересаева. Из его произведений очень интересны «Невыдуманные рассказы», в которых описана жизнь в старину и

осуждается буржуазный режим. Сегодня автор прочтет нам несколько своих рассказов...»

— Гм... какая все же разница между старой и Красной Армией! — подычал головой Вересаев. — Раньше не то что солдаты, даже офицеры не интересовались литературой. А теперь, видите, даже раненые разговаривают о литературе. И стенгазета в нашей жизни — новый фактор...

НА ВЕЧЕРЕ В СОЮЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ

В Союзе писателей Грузии Вересаеву устроили творческий вечер.

Бесо Жигенти вспомнил, что Ленин высоко оценил творчество Вересаева и просил сообщить ему в Швейцарию, над чем писатель работает.

Эти слова вызвали аплодисменты. Да разве только эти слова? Докладчик не раз еще вынужден был остановиться... Он подчеркнул, что творчество Вересаева в Грузии пользуется большим уважением, что Викентий Викентьевич — один из любимых писателей грузинского читателя.

Вересаеву очень понравилось выступление Бесо, понравился вечер; растрогало его и дружеское расположение к нему грузинских писателей. Он обрадовался, когда узнал, что его рассказ «Звезда» еще в 1903 году перевел на грузинский язык и опубликовал в журнале «Цнобис пурцели» писатель Гуца Наморадзе.

Викентий Викентьевич поблагодарил Союз писателей, докладчика, общественность. Свое выступление он закончил словами: «С вами я чувствую себя в духовно близкой мне среде...»

Вернувшись домой, он долго не мог заснуть. Вышел ко мне и сказал:

— Я бывал во многих странах, знаю многие народы, но грузины совсем другие...

ПРИЗЫВ К ДРУЖБЕ И БРАТСТВУ

В Тбилиси, в госпитале, который размещался в Нахимовском училище, устроили вечер Вересаева. Докладчиком был я.

Вересаева приняли очень хорошо. Кроме раненых, присутствовал весь военно-педагогический персонал: офицеры, врачи, медицинские сестры. Среди раненых были русские, грузины, украинцы, армяне.

После доклада и приветствий с речью выступил сам писатель. Он призвал присутствующих к взаимному братству, к защите Отечества, говорил о необходимости сохранять дружбу всегда, особенно во время войны.

В заключение Вересаев обратился к «своим коллегам» — врачам и медицинским сестрам. Он напомнил им, какое большое значение имеет внимательное, теплое отношение к нему. Потом прочитал два рассказа времен русско-японской войны. Ему долго аплодировали.

Затем накрыли стол. Здесь тоже произносились речи. Свое выступление Вересаев закончил так: «Я признателен тому народу, который наряду с большой культурой имеет и большое человеческое сердце. Дружбу между народами я практически вижу здесь... Я глубоко благодарен грузинскому народу...»

Возвращаясь после вечера, я спросил Вересаева:

— На банкете большинство были русские, почему вы особо говорили о грузинах?

— Вы правы, но именно большинство должно привыкнуть уважать меньшинство. Здесь дело не в арифметических соотношениях. Дружба народов тоже начинается отсюда — от взаимного уважения.

В МАСТЕРСКОЙ ЯКОВА НИКОЛАДZE

Однажды к Вересаеву пришел Яков Николадзе и попросил посетить его мастерскую. Вересаев пошел и остался доволен ее осмотром. Николадзе сказал, что хочет сделать бюст писателя. Вересаев согласился. Начались сеансы.

После них он делился своими впечатлениями о Николадзе. Вересаев был рад сближению с ним. От Николадзе он узнал, что его рассказ «Без дороги» был переведен на грузинский язык в 1902 году и опубликован в журнале «Квали». Вересаев очень обрадовался этому. А Николадзе, любивший пошутить, сказал:

Экз. № 36340
191933

— Так что, Викентий Викентьевич, вы уже второй раз в Грузии! Первый раз побывали в 1902 году!

Буот Вересаева, выполненный Николадзе, был выставлен в Тбилиси в Художественном салоне. Потом его затребовали в Москву, и в настоящее время он находится в Третьяковской галерее.

Этой работой Николадзе Вересаев остался удовлетворен.

Ему хотелось также, чтобы Николадзе изваял лицо моей дочери Джильды. «У девочки на редкость одухотворенное лицо, и выйдет хорошая скульптура», — утверждал Викентий Викентьевич. Он даже привел Николадзе к нам и показал ему Джильду. Скульптору тоже понравилось ее лицо, и он предложил начать сеансы. Но Джильда ходила в школу и в нужные часы не могла посещать мастерскую. Так из этой затеи ничего и не вышло. Вересаев очень переживал и часто говорил:

— Какое хорошее дело провалилось! Такое впечатление, будто потеряно прекрасное художественное произведение.

«ЛЕО КИACHEЛИ — ВАШ ЛЕТОПИСЕЦ»

Некоторое время Вересаев жил у видного грузинского писателя Шалвы Дадиани. Как-то вечером у него собрались Лео Киачели, Нико Лордкипанидзе, Вересаев и я. Разговор, естественно, шел о событиях на фронте. Это был начальный, трудный период Великой Отечественной войны.

Когда я заговорил о Лео Киачели, Вересаев сказал:

— Да, что еще может сделать один человек? Три эпохи отразил: первую русскую революцию, коллективизацию и Великую Отечественную войну... Он действительно ваш летописец. Я люблю именно таких писателей.

Узнав об этом, Лео Киачели обрадовался. Тихо улыбнулся. Я был свидетелем, как потом они по-братски пожали друг другу руки.

ОБЕД У ДЗАХОВА

В годы войны в Тбилиси, на Кобской улице, был открыт госпиталь офицерского состава. Начальник его — полковник медицинской службы Дмитрий Дзахов, осетин по национальности, сам — бывший фронтовик. Он воевал, имел ранение. Человек исключительно культурный и образованный, Дзахов был большим поклонником Вересаева, его постоянным читателем еще со студенческой скамьи. Он часто приходил в гости к Викентию Викентьевичу.

Однажды Дзахов устроил обед в его честь. За столом сидело около сорока человек. Были грузины, русские, армяне, азербайджанцы, осетины. Женщины и мужчины. Все военные. Все тбилисцы. Люди, закаленные в боях, полные надежды — фашисты тогда уже отступали.

За столом оказались личные друзья Чехова, Горького, Бальмонта, Андреева, Куприна, Чирикова, Алексея Толстого, Луначарского, Южина. Начались воспоминания, декламация стихов. Врач Русудан Чавчавадзе играла Шопена и Палиашвили. Вересаев прочел «Сакия-муни» Мережковского. Гости развеселились и наговорили Вересаеву массу хороших слов о его творчестве, о его заслугах...

Нет, это не был простой обед! Это была интересная и многонациональная литературная встреча. На языке пяти национальностей звучали песни и стихи. Вересаев произнес вдохновенную речь. Вот что мне особенно запомнилось:

— Я участник русско-японской и первой мировой войн. Вот и вторая мировая война! Какая огромная разница! В тех войнах я не видел просвета. А здесь вижу. Этот свет — жизнь человека, благородство его души. Вот за этот свет стоит воевать. Да здравствует свет! Да скроется тьма! — закончил Вересаев.

За тем столом присутствовали два командира, которые на следующий день уезжали на фронт. Они подошли к Викентию Викентьевичу и, обняв его, попрощались, как с родным отцом. Вересаев благословил их...

НАГРАЖДЕНИЕ

Час ночи. Вересаев сидит у радио и слушает московскую передачу. У него была такая привычка: засыпал только после того, как прослушает все передачи. Сидим и слушаем: Вересаев, его супруга, моя жена и я.

Кончилась передача военных сводок. Начались новости. Читают сообщение о присвоении премий за заслуги в области литературы и искусства. Вересаев внимательно слушает, играя своими очками. И вдруг слышим: «За большие заслуги в области литературы присудить первую премию в размере 100.000 рублей писателю Викентию Викентьевичу Вересаеву...».

Все мы радостно кинулись к нему, стали обнимать, поздравлять. А он сидит, крутит в руке очки и молчит. Очень разволновался. Потом повернулся и сказал моей жене:

- Ксения Элизбаровна, это меня наградили?
- А кого же, если не вас? — радостно отвечает она.
- Не ожидал!.. Не ожидал! — искренне вырвалось у Вересаева.

ВЕРА В ПОБЕДУ

Вересаева часто приглашали в различные семьи. Пригласила его и одна моя родственница, врач Александра Коркия.

В то нелегкое время, когда народ еще жил по карточной системе, она сумела накрыть прекрасный стол.

В честь Вересаева Александра сыграла Палиашвили. Подняли тост за гостя. Все встали. Хозяйка сказала:

— Хороший писатель — сын всех народов. Вы тоже такой писатель, которого мы, грузины, считаем своим... Нам было бы обидно, если бы вы чувствовали себя в Грузии гостем... Все, кого вы видите здесь, поклонники вашего таланта... У меня есть ваши книги... Так что, дорогой Викентий Викентьевич, вы не случайный гость в моем доме!

Вересаев сказал:

— Я вижу, что сюда меня привели не только мои книги. Меня привели сюда ваше чистое сердце и большая культура вашего народа. Я и раньше был знаком со многими грузинами. Много друзей у меня среди них. Но в это роковое время, в грохоте орудий и стоне земли, ваше внимание и сердечное тепло — большая радость для меня... Сейчас на улице темно, а здесь светло. Но тут светит не только электрическая лампа, но и свет доброго сердца вашего народа... А это говорит о том, что мы победим. Я верю в нашу победу так же, как в вашу искренность. Я вернусь в Россию и, верьте, повезу с собой факел этой большой веры и света.

В ту ночь Вересаев был очень весел.

В полночь радио сообщило об очередной победе на фронте.

О ТАМАДЕ

В одной семье, куда пригласили Вересаева, меня выбрали тамадой. В его адрес было сказано много теплых слов. Он встал, чтобы ответить. Я остановил Викентия Викентьевича, так как были еще желающие произнести тост в его честь.

Вернувшись домой, я объяснил Вересаеву, какие права имеет тамада и почему мне пришлось его остановить.

— Много прав и мало обязанностей — не годится, — ответил Вересаев, — на что это похоже? Может, именно сейчас я хочу выразить свое мнение? А должен ждать, когда вы позволите. Нет, не нравится мне так! Какое это удовольствие? Кому нужно продиктованное удовольствие?

— Не могу согласиться, Викентий Викентьевич! — сказал я. — Вы ведь видели, какая дисциплина царила за столом при таком множестве гостей?

— Дисциплина, мой дорогой, и в армии есть, — засмеялся Вересаев, — пригрозит пальцем фельдфебель — и солдаты тотчас же умолкнут. Но разве они рады этому? Нет, не нравится! Когда хочу, тогда и должен выпить... Какое же удовольствие ждать чужого разрешения.

Так и не согласился со мной...

ЧУВСТВО ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Живя в Тбилиси, писатели часто бывали в войсковых частях и госпиталях. Беседовали с ранеными, читали свои произведения. Вересаев всегда охотно читал свои «Невыдуманные рассказы». Его слушали тоже охотно, с большим интересом.

Я заметил, что перед литературным вечером из комнаты Вересаева доносились странные звуки:

— О... о... у... у... и... и... и...

Они слышались долго, почти целый час.

Я заглянул в комнату.

— Викентий Викентьевич, что вы делаете?

— Сегодня мне надо выступить перед аудиторией! — ответил он. — Голос надо поставить. Чистым голосом хочу читать. Нельзя допустить небрежность. Раз солдаты, это не значит, что писатель имеет право говорить перед ними каким угодно голосом...

АКАКИЙ ХОРАВА — ОТЕЛЛО

Как-то Вересаев побывал на представлении «Отелло». Роль Отелло играл Акакий Хорава. Вернувшись после спектакля, Викентий Викентьевич поделился своим мнением об исполнителе.

Но прежде чем рассказать об этом, мне хочется напомнить о том, как он сам понимал Отелло. Вересаев говорил:

— Отелло убил Дездемону вовсе не на почве ревности, а из-за ущемленного самолюбия. Средневековому человеку, к тому же известному полководцу, рыцарю жена наставила рога... Это и сейчас очень болезненно воспринимают мужчины. И разве только в Италии? Это, конечно, неверно понятое мужское самолюбие. По моему мнению, Отелло именно из-за этого ложного самолюбия и убивает Дездемону... За свою жизнь мне пришлось видеть множество Отелло. Невозможно забыть Сальвини. Он играл не ревнивого мужа, а разочаровавшегося, оскорбленного человека. Человека, а не мужа. Акакий Хорава тоже играет человека, благородного человека, которому изменил друг... Мне понравилась монументальность Акакия Хоравы. Разве на сцене муж? На сцене полководец, герой, но податливый человек. И перед какой пропастью оказался такой человек! Меня пробирала дрожь, когда я смотрел и слушал Хораву. Я не понимал его слов — он говорил по-грузински, но чувствовал общечеловеческое значение этих слов, как и слов Сальвини... Я очень доволен... очень...

Я ничего не добавлю к словам Вересаева. Хотя бы потому, что выдающийся артист грузинского народа Акакий Хорава — мой друг.

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

В тот вечер мы пили чай без сахара и с черным хлебом.

Вдруг раздался звонок. Я открыл дверь. Пришли две женщины: седая и молодая. Одна держала в руке большую корзину, вторая — букет цветов. Спросили Вересаева.

Викентий Викентьевич вышел. Седая сказала:

— Я врач, это моя дочь, студентка. Я принесла вам цитрусы, а моя дочь — цветы.

Зашли в комнату.

— У нас, Викентий Викентьевич, это во дворе растет, в районе, — объяснила седая. — Не думайте, что куплено. — И положила на стол апельсины, мандарины.

Вересаев поблагодарил и добавил:

— Зачем беспокоились?

— Какое же это беспокойство?

— Но чем же я заслужил?!

— Я — ваша читательница. Помню ваши «Записки»...

Когда женщины ушли, я спросил Викентия Викентьевича:

— И теперь не нравятся вам ваши «Записки врача»?

Вересаев ответил:

— И теперь — тоже! Но эта страна и этот народ — нравятся...

Как досадно, что я не запомнил фамилий тех женщин! Хотя сколько фамилий я мог запомнить?

ЧУРЧХЕЛЫ

Однажды вечером к Вересаеву пришли три женщины. Их отец был знаком с Вересаевым еще по Москве и не раз рассказывал детям о нем. Отец скончался, но в семье остались добрые воспоминания о его друге. Когда дочери то-

го человека узнали, что Вересаев в Тбилиси, они пришли и пригласили его на ужин.

В Тбилиси была светомаскировка. Люди старались вечером не выходить в город. Но Вересаев и его супруга все же пошли. Вернулись поздно и принесли с собой гостинцы — чурчелы. Они очень понравились Вересаеву, и он долго хранил их. Семья, в которой они побывали, тоже очень понравилась. Он говорил, что побывал в армянской семье и много узнал об армянском народе.

— Вот в таких условиях, в семьях человек лучше может познакомиться с характером народа, чем в официальной обстановке, в аудитории. В официальной обстановке больше показного, меньше непосредственности... Например, чурчелы, оказывается, делают и армяне, и грузины; это тоже частица истории...

— Как? — спросил я.

— А вот так, один профессор рассказал, что во время войны каждый воин должен был иметь с собой чурчелы. Раньше, конечно, никакой интендантской службы не было. Каждый воин имел с собой свое продовольствие, и вот носили эти чурчелы — питательные и носить легко. Не портятся. Вот тут и видны ум и находчивость народа. Весьма интересно...

Вересаев долго хранил чурчелы.

Он был писателем, создающим «невыдуманные рассказы». А бытовые детали и факты — их стержень.

ЗОЛОТОЙ МОСТ

Когда Вересаев жил у нас, моей дочке Джильде было десять лет. Помимо грузинского языка, она хорошо владела русским и французским. И свободно беседовала с Вересаевым. Он очень полюбил Джильду и часами разговаривал с ней. И не просто! В доступной для ребенка форме рассказал ей «Илиаду» и «Одиссею» Гомера. И я тоже с удовольствием слушал его — Вересаев был замечательным рассказчиком.

— Викентий Викентьевич! — сказал я однажды. — Почему вы отдаете столько времени ребенку?

Тогда Вересаев работал над переводом Гомера.

— Что может быть дороже счастья поделиться своими знаниями с другими, — ответил он, — кроме того, с Джильдой беседую не только я, с ней беседует Гомер... А я — просто мост между ними. И вообще Гомер... Все его понимают... Понимает и Джильда.

Золотой мост.

(Окончание следует)

„Праздник сердца“

Летопись грузино-русских литературных взаимосвязей пополнилась новой страницей, посвященной одному из первых переводчиков и пропагандистов грузинской поэзии — К. Бальмонту. Автором книги «Бальмонт и Грузия» Л. Андгуладзе проделана большая работа, собран новый, не издававшийся доныне материал, связанный с пребыванием К. Бальмонта в Грузии. Интересные сведения получены от дочери поэта — Н. К. Бальмонт-Бруни, использованы неизданные воспоминания ее матери Е. С. Андреевой. Час за часом, шаг за шагом описывает Л. Андгуладзе дни, проведенные К. Бальмонтом в Тбилиси и Кутаиси, находит людей, хорошо его знавших, обнаруживает экспромты, сказанные во время публичных выступлений и дружеских застолий, приводит отклики грузинской прессы того времени, цитирует стихи Бальмонта, переведенные на грузинский язык Паоло Яшвили еще в 1915—17 гг. Перед читателем разворачивается яркая и живая картина поездок К. Бальмонта в Грузию (в 1914, 1915 и 1917 гг.). Так же подробно описывается исследователем процесс работы над переводом великой поэмы Руставели. Неоценимую услугу здесь оказывают опубликованные в конце книги письма Бальмонта (на русском языке) к Е. Андреевой, Е. Цветковской, А. Ивановой, к московскому издателю М. Сабашникову. Эти письма свидетельствуют о том, с какой серьезностью и ответственностью относился К. Бальмонт к стоявшей перед ним задаче.

«Эта работа, чувствую, меня увлечет, и я из нее извлеку новые звуки и краски. Грузия заслуживает такой работы...»

«Я освоился теперь с работой. Но все же она трудная... Теперь меня манит уже трудность...»

Бальмонт не случайно повторяет в письмах слово «работа». Для «короля поэтов», баловня муз перевод шести тысяч строк поэмы был, прежде всего, титаническим трудом, правда, дарующим и минуты «светлой радости».

«Это была не работа, а лишь наслаждение. С соблюдением полной близости к тексту я перевел 150 строк... Это полновесное, ценное, златолитое блюдо, наполненное рубинами и жемчужинами».

«Мне ничего не хочется делать — только переводить Руставели для меня светлая радость...».

«Я переведу Руставели целиком. Я вижу теперь, что это будет иметь большое, огромное значение для всей Грузии».

В самом деле, обращение такого поэта, как Бальмонт, к сокровищнице грузинской культуры имело в те годы значение, которое трудно переоценить. Безликие, лишенные национального колорита переводы, изредка выходившие в свет (так, отрывки из поэмы Руставели существовали в бледном, невыразительном переводе И. Бартдинского), не могли дать представления русскому читателю о богатстве грузинской литературы.

Патриарх грузинской поэзии Акакий Церетели, приветствовавший Бальмонта во время его первого визита в Тбилиси, понимал всю значительность и важность обращения к грузинской культуре такого поэта, как К. Бальмонт.

Л. Андгуладзе в своей книге прекрасно воспроизвела сцену чествования Бальмонта в зале Тбилисского артистического общества. Бальмонт был потрясен встречей, оказанной ему тбилисской интеллигенцией. «Билеты проданы все. Меня ждут. Я знаю, что это будет праздник сердца».

«Слушали не только внимательно, но поглощенно и восторженно». «Вчерашнее мое выступление было сплошным триумфом. Театр был переполнен».

«Вчера я читал перед Грузией свои слова о ней, вчера же написанные, частью импровизированные, и несколько песен «Носящего Барсову шкуру». Это был истинный праздник».

Л. Андгуладзе подчеркивает, как высоко оценила грузинская общественность подвиг Бальмонта. Но не меньшее

важен для облика Бальмонта — поэта и гражданина.

Грузинская общественность высоко ценила просветительскую деятельность Бальмонта и всегда считала себя в долгу перед ним. Л. Андгуладзе приводит следующее заявление Б. Жгенти, сделанное в одном из выступлений в 1968 года: «В то время, когда Бальмонт брался за перевод грузинской поэмы, никакой договор не принуждал его к столь тяжкому труду. Он взял на себя это бремя по личной инициативе, и грузинский народ всегда будет чувствовать себя в долгу перед ним».

Л. Андгуладзе приводит в книге потрясающий человеческий документ — письмо парижских рабочих-грузин, собравших в 1938 году 415 франков для тяжело больного Бальмонта. Этот факт следует рассматривать, как выражение глубокой благодарности и признательности.

Дочь Бальмонта, приглашенная в Грузию на празднование 100-летия со дня рождения поэта, сказала: «Я убедилась, что не только старые друзья и отдельные лица помнят Бальмонта. Здесь его знают все». Это и в самом деле так. В Грузии имя Бальмонта произносится с уважением и благодарностью. Нельзя забывать о том, что Бальмонт был первым русским поэтом, открывшим для читателя поэзию Грузии. По тропе, им проторенной, в грузинскую литературу пришли Н. Тихонов и В. Пастернак, П. Антокольский и Н. Заболоцкий, А. Межиров и Е. Евтушенко.

Немало страниц в книге Л. Андгуладзе посвящено самому переводу К. Бальмонта, как известно, до сих пор служащему предметом непримиримых споров. Первые рецензии на перевод появились в 1915—17 гг. в грузинских газетах «Сакартвело» и «Мегобари». Они не лишены известной доли критики. Бальмонта упрекали в увлечении внешним эффектом, в том, что он разрубил длинную строку Руставели в угоду внутренней рифме, пожертвовал точностью

ради мелодичности. Один из критиков писал: «В переводе Бальмонта поэма потеряла свой монументальный облик и из целого храма превратилась в его орнамент». Другие рецензенты (к ним присоединяется и Л. Андгуладзе) склонны объяснить некоторые недостатки перевода не слабостью переводчика, а неисчерпаемым величием оригинала. Незомненный интерес представляет приведенное в исследовании высказывание Н. Марра, который считал, что для перевода Руставели лучше было использовать размер пушкинского народного стиха. Н. Марр вполне обоснованно относил недочеты перевода за счет неудовлетворительной изученности самого текста поэмы.

В 1917 году Тициан Табидзе выступил на страницах газеты «Сакартвело» со статьей «Бальмонт и Грузия», в которой писал: «Бальмонт и сам чувствовал всю трудность схватки с Руставели. Руставели не умещался в рамки известной ему эстетики. Но то, что сумел сделать Бальмонт, сродни чуду...»

Не вступая в спор, длящийся не одно десятилетие, нам вместе с Л. Андгуладзе хотелось бы присоединиться к мнению Т. Табидзе.

В целом критика положительно оценила работу Бальмонта. Читателю будет интересно ознакомиться с оценкой перевода М. Рильским, А. Гацерелия, С. Чиковани, Г. Цагарели.

Л. Андгуладзе щедро привлекает высказывания Бальмонта о литературном мастерстве, представляющие бесспорный интерес.

Украшают книгу фотографии, на которых Бальмонт запечатлен вместе с Галактионом Табидзе, с группой грузинских писателей (на развалинах храма Баграта в Кутаиси, в книжном магазине и др.).

Нам кажется, что в переводе на русский язык солидный труд Л. Андгуладзе имел бы самый неподдельный успех у широкой читательской аудитории.

Анаида БЕСТАВАШВИЛИ

Сдано в производство 5 февраля 1974 г. Подписано к печати 18 марта 1974 г.

6 печ. листов, усл. листов 8,4. Формат бумаги 70×108¹/₁₆.

Заказ 484

Тираж 4000

УЭ 00011

ОТ РЕДАКЦИИ:

В статье М. Дудучава «С позиции захваливания», опубликованной во втором номере журнала, по вине редакции вкрались ошибки.

На стр. 94 (вторая колонка, четвертый абзац) следует читать: «Автор книги придает работам Амашукели такую претенциозность, с которой вряд ли согласится сам скульптор. Говоря о памятнике великому грузинскому поэту Н. Бараташвили...» — далее как в тексте.

На стр. 95 (первая колонка, 40-я строка сверху) вместо 30-х годов следует читать 20-е годы.

28. 11/15

Цена 40 коп.

ИНДЕКС
76117

საქართველოს ენციკლოპედია
საქართველოს ენციკლოპედია
საქართველოს ენციკლოპედია
საქართველოს ენციკლოპედია
საქართველოს ენციკლოპედია
საქართველოს ენციკლოპედია
საქართველოს ენციკლოპედია
საქართველოს ენციკლოპედია
საქართველოს ენციკლოპედია
საქართველოს ენციკლოპედია

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
საქ. კპ ცკ-ის გამომცემლობა